

КНИГА
2

ТОМ
1

КНИГА 2 ТОМ 1

Харьков — 2009

УДК 94(477.54)
ББК 63.3(4Укр.-4Хар.)46

Книга издана при финансовой поддержке
Евгении Владимировны Брыковой

АЛЬБОВСКИЙ Евгений Александрович

ХАРЬКОВСКИЕ КАЗАКИ

«История Харьковского Слободского казачьего полка».

2-я книга I-го тома

Эта книга является переизданием работы (1915г.) известного историка Евгения Альбовского. В увлекательной форме, с использованием огромного количества архивного материала автор знакомит читателя с проблемами заселения Слободской Украины, возникновением Харькова, историей Харьковского слободского казачьего полка, живо воссоздаёт картины быта и взаимоотношений между казаками, казацкой старшиной и царским правительством, исследует вопросы социально-политических отношений в слободских полках в XVIII в. Книга будет полезна всем, кто интересуется историческим прошлым Харькова и Слободской Украины.

ISBN 966-8246-22-6

ДОРОГИМ ТОВАРИЩАМ ХАРЬКОВЦАМ

И НЫНЕ, НА ПОЛЕ БРАНИ,

В ВЕЛИКОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЕ

ПОДДЕРЖИВАЮЩИМ ЧЕСТЬ И СЛАВУ

СТАРЕЙШЕГО ПОЛКА РУССКОЙ КОННИЦЫ

ПОСВЯЩАЕТ СВОЙ ТРУД

Автор.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ:

ПРЕДИСЛОВИЕ

«История Харьковского Слободского Казачьего полка» Е. Альбовского, обнимающая период существования полка с 1651 г. до 1765 г., была издана в Харькове в 1895 г.

Ныне автор переработал по архивным источникам первые 7 глав этой «истории», которые составили 1-ю часть 1-го тома. «Истории Харьковского полка» под заглавием «Харьковские казаки» (2-я половина XVII ст.).

Остальные главы (VIII–XVI), с соответствующим изменением их нумерации (I–IX), составили 2-ю часть 1-го тома той же «Истории» под прежним названием «Истории Харьковского Слободского Казачьего полка» (1-я половина XVIII ст.), выходящей 2-м изданием, без изменения в тексте, но с добавлением снимка «Полковой город Харьков в начале XVIII ст.», царских грамот и манифеста об уничтожении Слободского казачества и бывших в приложении ко 2-му т. «Истории полка»: Полковники Харьковского Слободского казачьего полка, Ведомость о Слободском Харьковском полку, и Ведомость о сотенных местечках и селениях Харьковского полка и карта Слободских полков, служившая приложением к 1-му изданию 1-го т. Дополнены «Источники», по которым составлялись обе части.

Обе части издаются Музеем 4-го Уланского Харьковского полка.

Хранитель Музея
Я. Богданович

Январь 1915 г.
Действующая армия.

ИСТОЧНИКИ

«Харьковских казаков»

и «Истории Харьковского Слободского Казачьего полка».

1. Д.И. Багалей. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Харьк. 1888 г.
2. Его-же. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и соседних Курской и Воронежской губ. Том. II. Харьк. 1890 г.
3. Его-же. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Моск. 1887 г.
4. Его-же. Путешествие академика Гильденштедта по Слободской Украинской губ. Харьк. 1892 г.
5. Его-же. Извлечение Пр. Филарета Харьковского из фамильных записок Квиток.
6. Его-же. Заселение Харьковского края и общий ход его культурного развития до открытия университета Харьк. 1889 г.
7. Его-же. Харьковский календарь 1885 и 1886 гг. Харьков в XVII столетии и основание г. Харькова
8. Бантыш-Каменский. История Малой России. Моск. 1842 г.
9. А.Т. Болотов. Записки (1738–1795 гг.) Спб. 1875 г.
10. Беляев. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. Моск. 1848 г.
11. Л. Вейдемейер. Обзор главнейших происшествий с кончины Петра Великого до вступления на престол Елисаветы Петровны. Спб. 1848 г.
12. Висковатов. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Спб. 1841 г.
13. Н. Гербел. Изюмский слободской козачий полк. Спб. 1852 г.
14. П. Головинский. Слободские казачии полки. Спб. 1865 г.
15. В.В. Гуров. Сборник судебных решений, состязательных бумаг, грамот, указов и друг. документов. Харьк. 1884 г.
16. Дела «Белгородского стола», хранящиеся в архиве Министерства Юстиции.
17. Дела Харьковской полковой канцелярии (с 1736 по 1765 г.) хранящиеся в Харьковском историческом архиве.
18. Дела военной коллегии, хранящиеся в Московском отделении архива Главного Штаба.
19. Записки фельдмаршала Миниха. Рус. Стар. 1874 г.
20. Карцев. Военно-исторический обзор Северной войны. Спб. 1851.
21. Г. Квитка. Записки о слободских полках с начала их поселения до 1766 г. Харьк. 1883 г.
22. С.П. Кованько. Историко-статистическое описание г. Харькова. Харьк. Губ. Вед. 1859 г.
23. «Книга, глаголемая большой чертеж». Издан. Спасского. Моск. 1846 г.
24. Г. Конисский. История Руссов, или Малой России Моск. 1848 г.
25. Н. Костомаров. Мазепа и мазепицы. Спб. 1885 г.

26. Его-же. Богдан Хмельницкий. 3-е изд. 1870 г.
27. П.А. Кулиш. История Возсоединения Руси. Спб. 1874 г.
28. Лазаревский. Павел Полуботок. Рус. Арх. 1880 г.
29. И.П. Ламбин. История Петра Великого. 1843 г.
30. Ген.-Лейт. Леер. Энциклопедия военных и морских наук. Спб. 1889 г. Том. I–VI.
31. Летопись Самовидца. Киев. 1878 г.
32. Маркевич. История Малороссии. Моск. 1842 г.
33. Метлинский. Материалы для истории Малороссии. Хаар. Губ. Вед. 1840 г.
34. Пасек. Очерки Харьковской губернии.
35. Полное Собрание Российских законов. Спб. 1830 г.
36. Ригильман. Летописное повествование о Малой России. Моск. 1847 г.
37. М. Салтыкова. Дневник генерала Патрика Гордона. Часть 2-я. Моск. 1892 г.
38. П. Семенов. Географическо-статистический словарь. Спб. 1873 г.
39. Слово о полку Игореве. Вельтман. Изд. 2-е. Моск. 1866 г.
40. С.М. Соловьев История России. Изд. 1870 г.
41. И.И. Срезневский. Историческое обозрение гражданского устроения Слободской Украйны во время ее заселения до преобразования в Харьковскую губернию. Харьк. 1883 г.
42. М. Судиенко. Материалы для отечественной истории. Киев. 1855 г.
43. И. Теличенко. Протест слободской старшины с казаков против реформы 1765 г. Киевская Старина, т. XX
44. Топографическое описание Харьковского наместничество. Харьк. 1883 г.
45. Труды XII Археологического съезда в Харькове. Москва. 1905 г.
46. Труды Харьковской комиссии по устройству XIII Археологического съезда в Екатеринославе. Харьков. 1905 г.
47. Уложение Царя Алексея Михайловича. Изд. 1737 г.
48. И.А. Устинов. Описание г. Харькова. Харьк. 1881 г.
49. Г. Успенский. Опыт повествования о древностях русских. Харьк. 1818 г.
50. И. Устрялов. История царствования Петра Великого. Спб. 1863 г.
51. Пр. Филарет. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд. 1-е, изд. 1852 г.; отд. II–V, изд. Моск. 1857 г.
52. Харьковский сборник, выпуск 1-й Харьк. 1887 г.
53. Н. Чижевский. Старозаимочные земли. Харьк. 1883 г.
54. А.Л. Шиманов. Главнейшие моменты землевладения Харьковской губернии. Киев. 1883 г.
55. К.П. Щелков. Харьков. Историко-статистический опыт. Харьк. 1880 г.
56. Его-же. Историческая хронология Харьковской губ. Харьк. 1882 г.
57. M. Gleszczynski. Znaczenie i wewnetrzne zycie Zaporoza podlug Skalkowskiego oraz Hetmani Malorossjscy i kozacy do czasow unii. Warszawa. 1852 г.
58. Д.И. Эварницкий. Иван Дмитриевич Сирко. Петербург. 1894 г.

Реформы Петра Великого; стремление к морю. – Действия против Азова. – Участие полка в армии Шереметева. – Взятие Казикерменя и других крепостей. – Поставка волов и баранов для армии. – Похвальная грамота полку. – Кампания 1696 г. – Полк под начальством гетмана Мазепы. – Высылка подпомощников с подводами. – Восстановление укреплений Казикерменя и Тавани. – Участие полка в этой работе. – Возвращение домой. – Нападение татар, отражение их. – Численность населения полка; местечки и города, входившие в его состав. – Участие полка в походе кн. Долгорукова к Перекопу. – Поставка продовольствия для русских войск. – Нападение татар. – Разорение слобод. – Опасность, грозившая полковому городу. – Царская грамота 1700 г. – Число ранговых казаков. – Грамота 1705 г. – Жалоба харьковцев на воевод. – Повеление воеводам выехать из городов. – Смерть Харьковского полковника Фед. Григ. Донца. – Характеристика Донцов. – Просьба харьковцев назначить им полковником Фед. Вл. Шидловского. – Грамота Царя о назначении его. – Ссора Шидловского с Меншиковым. – Опала Шидловского. – Следствие и суд над ним. – Письмо Царя к Апраксину. – Наказной Харьковский полковник Лав. Ив. Шидловский. – Утверждение его. – Полковник Прок. Вас. Куликовский; его заслуги. – Полковник Гр. Сем. Квитка; его происхождение.

В то время, когда почти все содержание жизни казаков Слободской Украины исчерпывалось одною только борьбою с татарами и, казалось, не предвиделось конца обусловленной ею неурядицы и не было надежды на лучшие времена, на возможность мирного развития Украйны, в жизни Московского государства наступил резкий перелом – Москва вступила в эпоху великих преобразований, которые не могли, конечно, не отразиться и на слободах Украйны, все теснее сливавшейся с Москвой.

По смерти царя Иоанна и устранении Царевны Софии от управления государственными делами, Царь Петр Алексеевич стал монархом единодержавным и с необычайной энергией стал приводить в исполнение свои планы преобразования всех отраслей государственного управления. Едва ли не на первом плане он ставил преобразование вооруженных сил России, сухопутных и морских, и на первое, по крайней мере, время его особенно заботила ясно сознанная им необходимость для России обладания морем. Сказавшаяся еще в раннем детстве Петра любовь его к воде, страсть к морю и желание придвинуть к нему границы России побудили Петра предпринять поход, с целью завоевания того Азова, от обладания которым его дед – Царь Михаил Федорович отказался, когда ему предлагали принять под свою державу эту крепость казаки, отнявшие ее у турок (1642 г.).

Было составлено две армии, одна для непосредственного действия под Азовом под начальством самого Царя в числе 31 тысячи; в состав этой армии вошел Острогожский полк, Харьковский же в числе остальных слободских полков назначен был в другую армию боярина Шереметева (120 тыс.) Весною 1695 г., когда травы в степи поднялись настолько, что могли прокормить лошадей, эта вторая армия двинулась к низовьям р. Днепра и осадила крепости, лежащие на нем. Назначение этой армии было отвлечь силы татар от другой, осаждавшей Азов.

Под Казикермен (ныне Берислав) армия подступила в июле и расположилась около крепости вне выстрела. Осаду повели очень энергично: на другой же день пошли на приступ пешие казаки, между которыми были слободские , прогнали вышедших к ним навстречу янычар и на их плечах ворвались в сады и огороды, где успели насыпать шанцы, окружив ими весь город. Снаряды, пускаемые в город, причиняли очень большой вред жителям; бомбардировка эта продолжалась в течение четырех суток. Подведенный под стену подкоп произвел пролом, после чего гарнизон сдался и был взят в неволю. Часть его была взята Москвою, часть гетманскими войсками. Несмотря на запрещения, казаки ворвались в город и принялись грабить, но произвели пожар и едва успели уйти оттуда. Не имея возможности удержать за собою крепость, русские срыли стены ее до основания.

Равным образом были покорены крепости Тавань, Ислам-Керей, Мубарек-Кермень и др. Эти, впрочем, сдались без боя.

Для действовавшей на Днепре армии из Слободской Украйны поставлялись волы и бараны; за вола платилось от 1 до 3 руб., за барана 6 алт. и 4 денежки[1]. Полковник с Харьковцами участвовал в этом походе, за что и получил похвальную грамоту[2].

В следующем году Харьковский полк, вместе с другими слободскими полками (кроме Острогожского), под начальством малороссийского гетмана Мазепы, вошел снова в состав армии Шереметева, которая на этот раз ограничилась тем, что стояла на р. Коломаке и оберегала русские границы от нашествия татар. Харьковский полк в этот поход, кроме того, что выставил в поле всех полковых казаков, выслал еще, повинуясь требованиям Шереметева, и значительное число подпомощников с подводами[3]. По взятии Азова 19-го июня, Харьковский полк был отпущен домой.

Весною 1697 г. было приказано восстановить укрепления крепости Казикерменя и окончить постройку начатой Таванской крепости, а также построить 30 галер к весне будущего года в виду предстоящей осады Очакова. Полк Харьковский, в числе других (кроме Острогожского), находился в распоряжении начальника белгородского разряда – Долгорукого и исполнял разные работы под Казикерменем. Когда полк с этой работы возвращался обратно домой, то узнал о нападении все тех же татар, на свои слободы. Харьковцы под начальством брата полковника – Ивана Григорьевича – стремительно напали на татар, заставив бежать их «неоглядкою». Нападения повторялись и в следующем году, но были отбиты.

Набеги татар последнего времени, вообще, далеко были слабее прежних; по большей части они бывали неудачными и делались с небольшими сравнительно силами. Татар постоянно отражали и побивали. Это происходило как от того, что население полка к тому времени возросло, так и от присутствия в стране российских войск.

Полк Харьковский, считавший в 1677 г., 7773 казака, а в 1691 г. – 7005 (уменьшение это произошло от отделения части к Изюмскому полку), в 1698 г. заключал в себе уже 7939 казаков[4]. При всем том, область полка была большая – в нем считались в 1692 г., за отделением 13 городов в состав Изюмского полка, следующие населенные места: Волчанск (с 2-мя селами), 2) Салтов (с 4-мя сел. и 2 дерев.), 3) Печенеги (с 8 сел. и 8 дер.), 4) Золочев (с 2 сел.) 5) Ольшанка (с 2 сел.), 6) Валки (с 4 сел.), Мерефа (с 3 сел.), 8) Соколов, 9) Змиев (с 4 сел.), 10) Маяцкий и 11) Селеный[5].

В 1698 г. полк, в числе других слободских полков, вместе с малороссийскими казаками, под начальством гетмана Мазепы, принял участие в походе кн. Долгорукого к Перекопу и в осаде этой крепости впервые русскими войсками. Хотя и этот поход, подобно походам Голицына,

1. Н. Костомаров. Мазепа и мазепинцы, стр. 123–124; 132; Летопись Самовидца, стр. 166.
2. К.П. Щелков. Харьков, стр. 12, Приложение I.
3. П. Головинский. Слоб. коз. полки. гл. III
4. Д.И. Багалей. Очерки, стр. 561.
5. Там же, стр. 542.

не принес никакой особенной пользы, так как армия Долгорукого, действовавшая с большим успехом первое время против татар, должна была снять осаду Перекопа и отойти на Украйну вследствие подкрепления, полученного крепостью, и недостатка фуража, но дорога в Крым была уже проложена и покорение этого разбойничьего государства составляло уже вопрос времени.

Полк в этот поход должен был поставлять провиант для продовольствия русских войск. Это большою тяжестью ложилось на подпомощников, ибо они, кроме того, должны были содержать ранговых казаков, доставляя провиант в русские войска. Это отрывало их от полевых работ в самую горячую пору. Привольное время начало проходить! В этот же год, когда армия ходила усмирять крымцев, орда ворвалась в Слободскую Украйну, разорила многие слободы по р. Северскому Донцу и г. Салтов.; самому полковому городу грозила большая опасность, – его едва успели отстоять[6].

В 1695 г. во время первого азовского похода, была пожалована полку грамоты на имя Харьковского воеводы Зурова; – этою грамотою подтверждались права харьковцев на беспошлинное владение мельницами[7].

По окончании же азовских походов, в 1697 г., по повелению Царя Петра Алексеевича, на подпомощников казацких была наложена подать в размере одного рубля с души. Непривыкшие к каким бы то ни было поборам, слобожане подали челобитье Царю, в котором просили их от этой подати избавить. В ответ на эту просьбу последовало определение, или конфирмация, которою казаки всех слободских полков за их верные и беспорочные службы жаловались промыслами, владением землями и всякими угодьями, мельницами, рыбными ловлями, безпошлинным курением вина, правом открывать шинки, свободою от каких-либо податей и платы таможенных денег. За все эти милости казаки должны были только оберегать границы от нашествия татар, зорко следить за ними, донося о всяком их движении к границам государства[8].

В грамоте, пожалованной полку от 28 февраля 1700 г., повелевалось в Харьковском полку быть «в конной службе» 850 выборным казакам-компанейцам. В это число должны были выбираться казаки и мещане, но из тех, которые не состояли в книгах, присланных в белгородский разряд воеводою; остальные же казаки подпомощники, на которых была наложена подушная подать, отмена которой подтверждалась этою грамотою, должны были помогать в службе выборным казакам, снабжая их конями, оружием, запасами в походах, чтобы «скудности им никакой не было». Распределение этих повинностей предоставлялось грамотою самому полку, «по их черкасскому обыкновению». Далее в грамоте говорилось, что выборных казаков «кроме той валой конной службы никуда на городовую службу не посылать и иных тягостей и подвод у них… без указу и без грамот из разряду никому не имать». Все права и преимущества, перечисленные в конфирмации этою «милостивою жалованною грамотою» подтверждались снова. Далее казакам предлагалось, «видя к себе нашу Великого Государя… премногую и превысокую милость и жалование», быть верными в службе и «над неприятельскими людьми промыслы и поиски чинить со всяким усердием и радением» и пр., за что обещалось, что служба их «забвенна никогда не будет»[9].

6. Костомаров. Мазепа и мазепинцы, стр. 165
7. Грамота 1695 г. Н. Чижевский. Староз. Земли, стр. 113. Приложение I.
8. Г. Квитка. Зап. о слоб. полк., стр. 10–11.
9. Грамота 1700 г. Пол. Слоб. Зак. IV № 1771. Приложение I.

Примечание. Харьковский Слободской полк после этого состоял из следующих чинов: полковник, обозный, судья – по 1; есаулов, писарей, хорунжих, городовых, сотников, ратушных, атаманов – по 2; уездных сотников – 22; сотенных хорунжих – 10; молодых писарей при ратуше – 6; сотенных писарей-пушкарей – по 24; трубачей – 4; фурманов, литаврщиков – по 1; ратушных послушников – 26; сотенных послушников (асаульцев) – 30; кампанейцев служащих – 850, а всего всех чинов 1011 человек. Кроме того, в полку были еще «курсщики»; – так назывались казаки назначаемые старшинам на время похода для их личных услуг. Часто эти курсщики и по возвращении домой оставались старшинами при своих дворах и обращались постепенно

В 1705 г. была пожалована еще грамота от 7 марта, на имя воеводы Вас. Кир. Толстого, с приказом, сняв копию, подлинную передать старшине. Этою грамотою казаки снова освобождались от налогов на мельницы, на которые хотели в этом году наложить оброки[10].

Недоразумения между полковою старшиною, черкасами и воеводами продолжались постоянно. Не желая далее сносить все те притеснения и обиды, которые воеводы позволяли себе по отношению к населению жители харьковские и золочевские обратились словесно к Харьковскому полковнику с жалобою, говоря, что воеводы и приказные люди «их, черкас, непрестанно бьют и подати с них всякия силуют»[11] «и от того-де они разорились, а иные и разбрелись по слободам, да и остальные хотят итить врознь»[12]. Обо всем этом Федор Григорьевич донес Царю, и результатом этого была последняя царская грамота, полученная им в 1706 г. от 28 февр., которою повелевалось воеводам и приказным людям выехать из городов, а городовые постройки, дела, ключи, «зелейную и свинцовую казну передать Харьковскому полковнику. Русских же людей велено было приписать к Чугуеву, болховому»[13]. Таким образом, полк этою грамотою был избавлен от русских чиновников, от которых много терпел несправедливостей.

В том же 1706 г. скончался полковник и стольник Фед. Григ. Донец-Захаржевский, до последней минуты своей жизни исполнявший возложенные на него обязанности; он умер на р. Самаре, где находился в то время с командою полка своего для наблюдения за крымцами. Тело его было перевезено в Харьков, где протекла вся его жизнь, полная боевых тревог и неусыпной многосторонней деятельности, и погребено в нижней церкви Покровского монастыря. И теперь еще на металлической дощечке видна надпись: «року 1706 августа 28 дня в среду преставился раб божий Федор Григорьевич Захаржевский, полковник Харьковский, в полку на Самаре и погребен в Харькове»[14].

Донцы – отец и сын, потрудившиеся на славу своего полка, сделавшие так много для Московского Государства, охраняя его от татар и прочно закрепив за ним большую область земли оставили по себе добрую память на Украйне. Орновский, панегирист рода Захаржевских, посвятил памяти Федора Григорьевича целую книгу, не бывшую, к несчастью, в наших руках, где выставлял его заслуги[15].

По смерти третьего по счету Харьковского полковника, кандидатов в полку на эту должность, видимо, не было: сын покойного был еще малолетний. Вся полковая старшина и казаки подали «полковую заручную челобитную» на имя Царя (12 сент. 1706 г.), в которой, изложив кратко историю заселения Изюмского полка Гр. Ер. Донцом, просили Царя назначить Харьковским полковником Изюмского полковника Федора Владимировича Шидловского. Просьбу свою они основывали на том, что «Харьковского и Изюмского полку городы поселены между собою поблиску, и селил их один полковник, тесть его – Григорий Донец, и ведал за один полк, чтобы нам от постороннего полковника в конец не разориться»[16]. Харьковцы, бывшие до того времени всегда под управление начальников, родственных им по крови, обычаям и интересам, не находя среди себя достойного, кому можно было бы вручить управление полком, обратили свои взоры на Шидловского, который был женат на дочери Григория Ерофеевича; они

в подданных. Название куренщиков происходит от того, что им поручался «курень» старшины (походные палатки для хозяина и его прислуги) (Мос. Отд. арх. Гл. Шт., оп. 25, св. 321 и «Павел Полуботок» Лазаревского, Рус. Арх. 1880 г. кн. 1, стр. 137).

10. Там-же, грамота 1705 г. В.В. Гуров. Сбор.суд. реш., стр. 521–524.

11. Д.И. Багалей. Материалы, т. I, стр. 182.

12. Д.И. Багалей. Материалы, т. I, стр. 182

13. Там-же

14. Пр. Филарет. Отд. I, стр. 49.

15. Ornowsky. «Bogaty Wiridarz legatus Theodorowi Zacharzewskiemu», изд. 1705 г. Этой книги, по наведенным нами справкам, не оказалось и в Императорской Публичной Библиотеке.

16. Д.И. Багалей. Материалы, том I, стр. 179.

к тому же привыкли к порядку управления одним лицом двумя вполне родственными полками. Таким образом, Шидловский вполне удовлетворял требованиям полчан, так как они видели в нем своего и, при том, родственника Донца, который считал его достойным, если отдал за него свою дочь, а харьковцы привыкли ценить и уважать Донцов, в продолжении 37 лет с честью управлявших ими, и с именем которых было связано для них много хороших воспоминаний. Петр Великий, снисходя к такой общей просьбе полка, повелел Шидловскому (указ 17 ноября 1706 г.), произведя его в бригадиры, быть полковником и Харьковского полка. Притом, согласно желанию полчан, высказанному в челобитье их, разрешалось Шидловскому жить в Харькове. Грамота об этом назначении была послана в полк; и старшина, казаки и все посольство были извещены, что просьба их уважена. Такая же грамота была пожалована и бригадиру Шидловскому. В этих обеих грамотах подтверждалось, что в городах русским воеводам и приказным людям не быть.

Управлял полками Фед. Влад. Шидловский недолго – скоро он навлек на себя гнев Царя и отдан был под суд, так как он имел неосторожность поссориться со всемогущим Меньшиковым. Ссора эта последовала из-за того, что Шидловский не позволил собирать поборов с купцов в полках в пользу Рагузинского, в чем, есть основание предполагать, был замешан и сам Меньшиков. Оскорбленные этим, вельможи своими происками достигли того, что всеми любимый Шидловский попал под суд[17]. Предлогом для этого послужил донос, обвинявший Шидловского в грабежах, которые он будто бы производил в Польше[18]. 23 апреля 1711 г., по приказанию Царя, Шидловский был арестован и, под конвоем капитана Чириковского и поручика Макарова, доставлен к нему в м. Явор (Волынской губ.), где в то время Петр находился[19]. После произведенного следствия, нашедшего донос, основательным, Шидловский был приговорен к лишению чинов и конфискации всех его имений. Владел же он обширным пространством земли с 710 дворами; все это было отдано кн. Кантемиру для раздела между волохами, которые прибыли вместе со своим господарем и поступили в русскую службу[20], будучи поселены в Слободской Украйне.

Подобной же конфискации ранее этого подвергались имения и Ахтырского полковника Перекрестова, на которого весь полк приносил жалобу; при этом кое-что досталось и Меньшикову[21]; не надеялся ли он на то же при отнятии имений у Шидловского, ведя против него интригу? Но Царь, как бы предусматривая что-то, писал письмо Апраксину: «*Понеже сей* плут Шидловский зело богат, того ради гораздо в том покажи верность и труд свой, чтобы деньги его не пропали, но все через верных людей списать»[22].

Но Федор Владимирович пользовался общею любовью своих подчиненных; это красноречиво высказалось в подданной просьбе, которую подписали полковые и сотенные старшины всех полков, где они просили Царя помиловать их любимца. И эта просьба полков была уважена Царем, но только отчасти: Шидловский был назначен в армию генерал-майором, но отнятые имения ему возвращены не были[23].

Еще ранее, в 1708 г. наказным Харьковским полковником был назначен Лаврентий Иванович Шидловский, утвержденный в звании полковника по воле Царя 3 марта 1710 г., когда разразилась беда над бригадиром Шидловским[24]. На место же Лаврентия Ивановича Шидловского, определенного полковником Изюмского полка, именным указом Царя Петра, Харьковским полковником был пожалован Прокофий Васильевич Куликовский, молдаванин

17. Пр. Филарет. Отд. V, стр. 28–29.
18. Пр. Филарет. Отд. V, стр. 28–29.
19. Н. Гербель. Изюмский сл. коз. п., стр. 54.
20. Д.И. Багалей. Материалы. Том. I, стр. 193.
21. Шиманов. Главн. момен. в ист. землевл. Хар. губ., стр. 15.
22. Пр. Филарст. Отд. V, стр. 28–29.
23. Пр. Филарст. Отд. V, стр. 39.
24. Пр. Филарст. Отд. II, стр. 65.

шляхетского происхождения, находившийся перед этим в службе волошского господаря, князя Кантемира в чине полковника. Куликовский во время того крайне затруднительного положения, в которое попал Петр (в 1711 г.), неосмотрительно начав войну с Турциею, – неоднократно приезжал к Царю от господаря с секретнейшими бумагами. Тогда же, в бытность Петра на Пруте при армии, Куликовский со всем своим семейством, в числе многих других чиновников, бывших с Кантемиром, принял русское подданство и переселился в Россию. За верную и беспорочную службу, оказанную им в войне с Портою Петр и назначил его полковником[25].

Куликовского в 1714 г. сменил Григорий Семенович Квитка, происходивший из польского шляхетства, но малороссиянин и православного вероисповедания. Его дед, Афанасий Квитка, прибыл из Польши, и принял подданство в царствование Алексея Михайловича, служил в Гадячском полку полковником; сын его, Семен, пришел в Харьковский полк и был в нем полковым судьею[26].

25. Мос. Отд. арх. Гл. Шт. Оп. 109, св. 62 и 67.
26. Квитка. Записки о сл. пол. стр. 23.

Объявление Северной войны. – Поход в Ингерманландию. – Силы шведов и русских. – Прибытие Харьковского полка в армию Шереметева. – Образ действий русских. – Участие казаков в разорении края. – Дело под Рапином, Карагольмом и Ригою. – Сражение при Эрестфере. – Состояние кавалерии. – Недостаток в продовольствии. – Обратный поход полка на Украйну. – Дело под Опошнею и Веприком. – Движение шведов на Украйну. – Жестокие морозы, дожди и наводнение. – Появление неприятеля вблизи г. Ахтырки. – Починка Харьковской крепости. – Сбор провианта и фуража. – Посещение г. Харькова Петром Великим. – Где находились слободские полки во время Полтавской битвы. – Содержание пленных. – Окончание войны. – Грамота Петра Великого в полк. – Празднества. – Положение дел на Дону. – Бунт Кондр. Булавина. – участие полка в его усмирении. – Царская грамота Шидловскому. – Гетман Фил. Орлик. – Его планы. – Твердость слобожан. – Нападение татар. – Измена жителей Водолаги; судьба их. – Потери Харьковского полка. – Размежевание земель между Турцией и Россией. – Участие в том харьковцев. – Преобразования Петра в Слободской Украине. – Указ Царя полковнику Куликовскому. – Жалоба харьковцев на полковника своего. – Учреждение подпрапорных. – Перепись. Поселение молдаван в области полка. – Отношение слобожан к переселенцам. – Порча нравов. – Доносы. – Дело сотника Капустина. – Распространение грамотности. – Сочинение казака Климовского. – Участие полка в постройке Ладожского канала; тягость работ. – Смертность между казаками.

19 авг. 1700 г. последовало объявление Северной войны «за многия неправды Свейскаго короля».

Указом Царя в слободские полки предписывалось им выступить в поход на далекий север, где еще ни разу им быть не приходилось, и идти в Ингерманландию. После несчастной для русского оружия нарвской битвы, во время которой слободские полки были еще на походе, шведский король Карл XII, думая, что он уже совершенно покончил с русскими, бросился на союзника Петра Великого, короля польского – Августа II, оставив для защиты края против остатков разбитых русских войск небольшой корпус, силою не более 15 тысяч, из которых около 8 тыс. находились собранными под начальством Шлиппенбаха в окрестностях г. Юрьева (Дерпа); – остальные войска находились в Ингерманландии.

Против этих шведских войск русские силы были выставлены около Пскова, под начальством фельдмаршала Шереметева, единственного генерала, избежавшего плена под Нарвой. Харьковский полк, выступивший в поход в октябре, вошел в состав армии Шереметева и был расположен в числе других слободских полков на зимних квартирах по границам Лифляндии. Русская армия, после нарвского поражения, действовала крайне осторожно и ограничивалась первое время оборонительными действиями и ведением небольшими отрядами партизанской войны. Партии легких войск и казаков постоянно тревожили неприятеля своими внезапными нападениями. Такой образ ведения войны был давно знаком слободским казакам, жизнь которых и дома уподоблялась этой партизанской войне. Здесь они применили свою опытность и умение, выработанные в беспрерывной войне с татарами, роль которых они превосходно исполнили, внося страшные опустошения в землю неприятельскую, предавая все

огню и мечу и забирая пленных обоего пола, словом, и сами татары не могли бы лучше очищать страну от жителей и их имуществ. Но в том, впрочем, была не их инициатива – приказание было отдано Шереметевым; казаки только явились ревностными исполнителями его и детьми своего века, который иного способа ведения войны и не знал. Древнее изречение «vae victis» (горе побежденным!) не перестало еще служить оправданием такого способа нанесения вреда неприятелю.

Вся неприятельская страна от Эмбаха до берегов Невы обратилась в пустыню, жители ее перебиты, или взяты в плен; которым уже удалось избежать этой участи, те разбежались; взятые в плен с женами и детьми были разосланы в Москву, Малороссию, Азов[1]. В этих частных набегах прошел весь 1701 г. Петр, сознавая превосходство неприятельской армии, хотел постепенно приучить свои молодые войска; опасаясь по этому поводу серьезных встреч с неприятелем, он принял систему набегов на неприятельскую землю и нападений на небольшие отряды шведских войск.

4 сент. 1701 г. Харьковский полк находился в деле при Рапино, где под командою М. Шереметева шведы разбиты были наголову. Из всего их отряда (600 ч.) ушел живым только один поручик; все остальные или перебиты, или взяты в плен. Это был первый успех русских. Принимал также участие Харьковский полк и в делах под Карагольмом и Ригою[2], за что получил денежную награду.

Значительный успех над шведами был одержан Шереметевым при Эрестфере (в 40 верст от Юрьева). По глубокому снегу выступил Шереметев из Пскова в конце декабря, желая неожиданно напасть на Шлиппенбаха, о присутствии которого было ему донесено. 29-го русский авангард встретился с отрядом эстляндцев в числе 300 чел. и, пользуясь значительным превосходством своих сил, окружил его и истребил до последнего человека. Дальнейшее наступление русского авангарда было остановлено Шлиппенбахом, перед которым он должен был отступить, но, с прибытием главных сил Шереметева, завязался бой, который длился 4 часа. Шлиппенбах пробился к Эрестферу, из которого ночью бежал. Русские преследовали шведов на протяжении 30 верст В этот день кавалерия сыграла видную роль. Потери неприятеля были велики, на поле битвы легло более 3 тыс., взято в плен 350 чел. и 6 орудий. Потери же наши ограничились убитыми до тысячи человек. Царь был в восторге от этой победы, ибо она была первая над шведами.

После этого сражения, русские продолжали движение дальше в неприятельскую страну, все опустошая на своем пути; солдат было взято в плен 140 чел.; «а сколько чухны взято – нельзя определить, потому что черкасы по себе ее разобрали; я отнимать не велел, чтобы охочее были» – такими словами доносил Шереметев в письме своем к Царю. Вскоре, однако пришлось приостановить дальнейшее движение войск, по причине необыкновенно глубоких снегов, сильно утомлявших войска, которые тонули в них[3]. Слободские полки и малороссийские казаки были отпущены домой, ибо «обезлошадили»[4]. За полной невозможностью собирать фураж в опустошенной стране, так как в ней «ничего не вспахано, и не кошено»[5] – нельзя было держать при войске значительных кавалерийских масс, да и ремонтировать полки недостающими лошадьми представлялось задачей крайне трудной.

В конце 1702 г. Харьковский полк прибыл домой.

В конце января 1709 г. Карл XII двинулся к Опошне; в происшедшем здесь деле принимал участие и Харьковский полк, а также и под Веприком, под командою полковника

1. Н. Устрялов. Ист. цар. Петра В., т. IV, стр. 118.
2. К.П. Щелков. Хроника. Харьк. губ.
3. П. Устрялов. Ист. цар. Петра В., т. IV, стр. 112.
4. Там-же, стр. 115.
5. Там-же.

Лавр. Ив. Шидловского[6]. Карл вступил затем в пределы Слободской Украйны; ожидали даже нападения его на г. Ахтырку и, в видах обороны, укрепили ее и сожгли предместье, но шведы двинулись на Красный Кут. Происходили некоторые стычки с неприятелем в пределах Ахтырского полка. Красный Кут, Городня были сожжены по приказу короля[7], а также и г. Опошня.

Державшееся до этого времени необычайно жестокие морозы, погубившие не мало людей, сразу сменились оттепелью, а 13 февр. был сильный дождь, благодаря чему быстро и сильно разлились реки, и все низкие места были затоплены. Это заставило Карла поспешить обратно в гетманщину, добраться куда, идя по воде, под которую скрылись все дороги и мосты, стоило шведам не мало усилий и жертв.

Появление шведов вблизи Ахтырки давало основание опасаться нападения и на Харьков. Поэтому было предписано (20 янв.) заготовить лес для починки Харьковской крепости, пришедшей несколько в упадок; предписывалось также, собрав возможно скорее провиант и фураж, выслать его в Лебедин, где собраны были тогда русские войска[8].

Летом этого года, в день Вознесения Господня (2 июня), проезжая через г. Харьков, Петр Великий, приняв церковь св. Николая за соборную, слушал в ней часы, после был в Успенском соборе, где читал Апостол; осмотрев город и крепость и пообедав у Гр. Сем. Квитки, Царь уехал через Люботин и Валки в армию[9].

Полки слободские, в числе которых был и Харьковский, были расположены по границам гетманщины, чтобы не пропускать отряд запорожцев, проникать в Украйну (манифест 26 мая 1709 г.)[10]; поэтому полку Харьковскому не пришлось принять участие в знаменитой Полтавской битве (27 июня 1709 г.), окончившейся полным разгромом армии Карла XII, которую он привел в Украйну.

Хотя Полтавское сражение и нанесло шведам страшный удар, но война на этом не кончилась; она тянулась еще много лет, и только в 1721г. 30 авг. был заключен славный для России Ништадский мир. Полк Харьковский хотя и не принимал участия в последних годах этой войны, но тем не менее понес много бед и потерь от обстоятельств, вызванных этою войною, благодаря измене малороссийского гетмана Мазепы. В пределах Слободской Украйны, к тому же, были размещены пленные шведы, взятые под Полтавой – это легло тяжелым бременем на жителей, ибо они должны были содержать их на свой счет и нести по этому случаю еде другие повинности[11].

Торжествуя окончание многолетней и трудной войны, в которой он победил противника, считавшегося непобедимым, Петр Великий на славу отпраздновал заключение мира, который принес столько выгод и дал ему возможность «ногою твердой стать у моря». Праздновала со своим новым Императором и вся Россия. Этою «всерадостною ведомостью» Петр спешил поделиться со своими верными подданными и с нарочным курьером, Аф. Мелгуновым, прислал в Харьковский полк на имя его полковника Гр. Сем. Квитки, грамоту (8 сент.), в которой извещал о заключенном «вечном мире». Грамота эта повелевала, чтобы в полку, с получение ее «достодолжное благодарение отправляли праздненственное с молебным пением торжество

6. К.П. Щелков. Харьков, стр. 12. (Опираясь на показания Л. Шидловского 1725 г. Герольдмейстеру).
7. П. Костомарово Мазепа и Мазепинцы, стр. 493.
8. К.П. Щелков. Харьков, стр. 12. Автор названной книги часто ссылается на №№ дел архива Харьк. губер. правления. Архив этот в последнее время передан в ведение Харьковского Университета и называется «Харьковским историческим архивом». В нем хранятся дела Харьк. полковой канцелярии, начиная с 1736 г. (есть, впрочем, несколько связок дел 1713 г.).
Автор, работая в названном архиве, не мог найти многих тех дел, на которые ссылаются в своих сочинениях преосв. Филарет и К.П. Щелков. Куда могли деваться эти дела при общей передаче архива университету – неизвестно.
9. Преосв. Филарет. Ист.-ст. обозрение, отд. II, стр. 66.
10. Н. Гербель. Изюмский слоб. коз. п., стр. 54.
11. П. Головинский. Слоб. коз. п., гл. IV.

в разные времена трекратно». Первое – в день получения грамоты, второе – 22 окт., третье – 28 янв. 1722 г. с семидневным звоном, как это бывает в праздник св. Пасхи[12].

Во время Великой Северной войны, в которой Петр напрягал все свои силы в борьбе с энергичным и даровитым Карлом XII, все недоброжелатели Царя, стремившиеся помешать ему в его преобразованиях, пытались подбивать народ к беспорядкам, приглашая «стоять за бороды и старого покроя платье».

Вслед за вспыхнувшем в Астрахани бунтом, который был подавлен Шереметевым, в 1707 г. поднят был по Дону снова и на этот раз грозивший принять серьезные размеры бунт казаков, во главе которых стал атаман Кондратий Булавин. Причины, вызвавшие это волнение были следующие:

С давних времени Волга и Дон служили притоном для всех уходивших туда, чтобы избежать гнета, тягости денежных поборов и несправедливостей воевод; кому грозила петля или плаха за разбои и грабежи на больших дорогах, все недовольные нововведениями Петра, спасая свои бороды и длиннополые кафтаны, спешили уйти на Дон, который принимал их охотно и обратно уже, не взирая на царские приказы, не выдавал. Казаки смотрели на эти требования, как на нарушение своих вольностей, и потому не подчинялись им. С течением времени на Дону накоплялось все больше и больше беглых «гультаев», число которых увеличивали так же бежавшие из армии солдаты и драгуны. В 1707 г. Петр Великий, желая положить конец дальнейшему накоплению на Дону беглецов, предусматривая в том опасность для государства, послал на Дон отряд войска под начальством кн. Юр. Вл. Долгорукого для выселения беглецов и разорения городков, в которых они ютились. Все, кому пришлось бы возвратиться обратно к той жизни, от которой они бегали, а также и казаки, недовольные нарушением из вольностей, восстали с атаманом Кондратом Булавиным во главе; они внезапно напали на царское войско, истребили его до единого и убили его предводителя. Ободренный успехом, Булавин стал рассылать призванные грамоты и пошел по донецким городам. Предложения Булавина, в случае успеха, были смелы – он хотел идти на Воронеж и далее – до самой Москвы.

Донской атаман Лукьян Максимов выступил между тем против Булавина и разбил его у р. Айдары, после чего Булавин ушел в Запорожье, где его приняли и даже позволили набирать охотников; к нему пристало несколько сотен, с которыми он, перейдя р. Днепр, стал на р. Вороновке и разослал призванные грамоты: «Атаманы-молодцы, дорогие охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники! Кто похочет с военным походным атаманом К. Булавиным, кто похочет с ним погулять по чисту полю славно походить, сладко попить, да поесть, на добрых конях поездить, то приезжайте на черные вершины самарския». Охотников набралось много. Булавин перебрался в верхние донские городки, где встретил много сторонников. Высланный против Булавина полк. Васильев вместе с атаманом Максимовым при р. Лисковатке был разбит (8 апр. 1708 г.) Победа эта доставляла Булавину еще больше сторонников, и бунт этот очень встревожил Петра, тем более, что нашествие Карла на Украйну сильно осложняло положение дел. Петр послал против мятежников лучшего из своих офицеров кн. Вас. Вл. Долгорукого, брата убитого, с приказанием жечь «без остатку» городки и деревни и «людей рубить»... «ибо сия сарынь, кроме жесточи, не может унята быть»[13].

Между тем Булавин, не встретя нигде сопротивления, пошел вниз по Дону, осадил (28 апр.) Черкасск и взял его. Булавин был выбран атаманом, вместо казненного им Максимова, он остался в бездействии в Черкасске, дробил бесполезно свои силы, высылая отряды по разным направлениям.

---

12. Грамота 1721 г. Квитка. Зап. о слоб. пол., стр. 13. Приложение I.
13. Н.П. Ламбин. Ист. Петра В., стр. 394.

Харьковский полковник и бригадир Фед. Вл. Шидловский с отрядом, в котором участвовал и Харьковский полк, под начальством своего наказного полковника Л. Шидловского[14], вступил с бунтовщиками в бой в урочище Кривая Лука, недалеко от Тора (Славянска). У неприятеля было 5 тыс. донских казаков и 1 ½ тыс. запорожцев; мятежники понесли поражение. Запорожцы ушли в Бахмут, где их и осадил Шидловский; бунтовщики сдались и просили пощады, но их, как изменников, истребили, а город сожгли[15].

Дела Булавина становились плохи. Казаки были раздражены против атамана за то, что он не выручал своих отрядов, которых были, и решили с ним покончить. Они осадили Булавина в доме, где он заперся. Видя бесполезность борьбы и хорошо зная, что ждет его, если он будет схвачен и выдан правительству. Булавин застрелился. С его жизнью кончилось и восстание[16].

По окончании бунта, Петр Великий прислал бригадиру Ф. Вл. Шидловскому и «прочей тамошней (Харьковского и Изюмского) старшине и казакам» грамоту из Лебедина (от 12 дек. 1708 г.), где «милостиво похвалял казаков этих двух полков за их верную службу, которую они «действом показали», во время подавления булавинского бунта и измены гетмана Мазепы, которая тогда уже была обнаружена, Казаки приглашались и впредь так же служить верно, не поддаваясь ни на какие соблазны, за что обещались «милость и награждение»[17].

Татарские нападения по-прежнему продолжали не давать покоя харьковцам; даже присутствие в Слободской Украйне большого числа русских войск не удерживало их от нашествий. В 1710 г. был сделан набег на полк самим ханом с 50 тысячами ордынцев. Призвал этих татар Филипп Орлик, писарь генеральный, признанный шведским королем и запорожцами гетманом, после смерти изменника Мазепы. Новый гетман следовал по пути своего предшественника. Чтобы побудить слобожан к измене, он разослал письма, которыми старался, расточая в них лесть и разные общения, привлечь их на свою сторону[18]; но наученные опытом прежних измен Выговского и Брюховецкого, слобожане устояли. Орлик вступил в переговоры с ханом, которому относительно слобожан говорил: «если обыватели слобод, переведенные из Заднепровской Украйны, откажутся от союза с нами и станут упорствовать, тогда надобно поступить с ними, как с врагами, и если встретится препятствие к занятию слобод, тогда надобно принудить слобожан силою к тому, чтобы они вышли из слобод и поселились на правом берегу Днепра»[19] (этим же прельщал татар и Петрик). Большая опасность, снова грозила слобожанам если бы этот коварный план удался.

Взяв русский г. Сергиевск, хан появился в пределах Харьковского полка и дошел до д. Водолаг. Здесь произошел прискорбный случай: жители Водолаг, вместо того, чтобы, по примеру своих дедов и прадедов, биться с татарами, встретили крымского хана с хлебом и солью, изъявляя ему тем свою покорность. «Прелестныя» воззвания Орлика, видимо, произвели свое действие. Передавшихся слобожан хан приказал отправить к г. Вольному, чтобы поселить их там в степях, принадлежащих татарам. Изменников этих нагнал на дороге полтавский полковой судья П. Кованько, но они встретили его не как своего избавителя, чего можно было бы ожидать в предположении, что передались они, будучи к тому вынуждены обстоятельствами, а встретили с оружием в руках, думая отбиваться. Кованько пригнал их к Полтаве, где с ними поступили, как с изменниками, поднявшими оружие против своего государя: десятый человек из них был казнен смертью, а остальные с женами и детьми отправлены в ссылку[20].

---

14. Мос. Отд. арх. Гл. Шт., оп. 25, св. 321 и Пр. Филарет. Отд. II, стр. 65.
15. Н. Костомаров. Мазепа и Мазеп., стр. 352.
16. С. Соловьев. Ист. России. т. XV, стр. 218–244.
17. Грамота 1708 г. В.В. Гуров. Сбор. Суд. реш., стр. 582. Приложение I.
18. Летопись Самовидца, стр. 301.
19. Преосв. Филарет. Отд. II, стр. 66.
20. Н. Костомаров. Мазепа и Мазеп., стр. 635. Хронограф. Описание г. Харькова.

В продолжении двух лет (1711–1712 гг.) Орлик продолжал все-таки «Украйнего колотит». Харьковцы бедствовали от нападений татар и буйных, непостоянных запорожцев. Толпы грабителей жгли деревни, грабили имущества и уводили жителей в плен. Самому полковому г. Харькову грозила большая опасность; его укрепления и пушки, державшие всегда ордынцев в почтительном отдалении, удержали их и на этот раз, но жители были в большом страхе и начали уже принимать меры предосторожности на случай осады, ибо неприятель не дошел только трех верст до города. Не так благополучно и дешево отделились другие местечки полка: Мерефа (1711 г.) была страшно разорена, выжжена, – сгорела и церковь, многие жители уведены в плен; потерпели много Валки и Перекоп; этот злосчастный город в 1711 г. в третий раз (1680 г. и 1699 г.) был разрушен и сожжен, и, на этот уже раз, до основания; «того городка все обыватели от мала до велика в полон забрали со всеми их скоты и пожитки». Подобные грабежи продолжались много лет. Только в три года (1718–1720 гг.), постоянных нападений и грабежей запорожцев – или, как их называли, «харцызов» – Харьковскому полку причинено было убытку на 4. 530 руб. по оценке того времени, а на наши деньги будет около 45 тыс. Данные эти почерпнуты из сохранившихся дел об этих грабежах: в 1718 г. было награблено на 1.177, в 1719 на 3.085 и в 1720 на 268 руб.

Хан, против воли которого производились эти грабежи, вследствие сношений и требования Царя, в вознаграждение прислал скота на сумму 876 руб. Этим пришлось поделиться еще с Изюмским полком, так что едва 1/10 часть убытков была вознаграждена и то только 1718–1720 гг., а раньше произведенных грабежей (1714–1717 гг.) хан не признал. Кроме этих, так сказать, явных врагов, в Харьковском полку, во время последних смут Булавина и Мазепы, наплодилось множество бродяг – «бурлаков», шатавшихся по лесам; они производили грабежи по большим дорогам, нападали на уединенные хутора и пасеки[21].

Тяжелое это было время для полка: с одной стороны нападения татар и запорожцев – «харцыз» – и внутренние разбои, с другой – присутствие русского войска, на содержание которого брали без всякого контроля и вознаграждения провиант, фураж и деньги, а к тому же в 1718 и 1719 гг. посетила Слободскую Украйну и моровая язва, от которой умирало много казаков[22]. По окончании войны с Турцией и заключении Прутского мира (1711 г.), по которому Азов снова переходил к Турции, для размежевания границ от Харьковского полка потребованы были казаки-кампанейцы в распоряжение губернатора Комеева; людей приказывалось назначить таких, которые бы хорошо были знакомы с пограничными степями и всякими урочищами от рр. Самары и Орели до Азова. от Харьковского полка для этой цели были назначены два сотника. – Ольшанский Як. Ковалевский и Угольчанский Ив. Капустянский с 150 казаками от 14 сотен полка, с нужным числом подвод[23]; в этой командировке казаки пробыли 1713 и 1714 гг.

При Петре Великом Слободская Украйна начала подвергаться некоторым преобразованиям. Хотя этот Государь своими жалованными грамотами постоянно и подтверждал казацкие вольности, но, рядом с этим, издавал такие постановления, которые начали понемногу выводить ее из того исключительного положения, в котором она была при прежних Государях, и уравнивать ее с прочими областями государства. Так, самая территория Харьковского полка, при разделении России на 8 губерний (указ 18 дек. 1708 г.), отошла к Киевской. Указом же 1719 г. 29 мая всем слободским полкам по судебным и уголовным делам велено было быть под ведомством белгородской провинциальной канцелярии Киевской губернии[24].

---

21. Преосв. Филарет. Отд. II, стр. 59, 62, 63, 66, 68, 90, 198–201, 275.
22. Мос. Отд. арх. Гл. Шт., оп. 95, св. 321.
23. Хар. ист. арх., отд. VIII, № 21 (1714) и Мос. Отд. арх. Гл. Шт., оп. 25, св. 321.
24. Пол. Соб. Зак., т. V, № 3380.

Это уже было большое ослабление власти полковников. Да и сам полковник, избранный полком, теперь должен был утверждаться Царем, если только притом он соглашался с таким выбором, а если нет, то выбирался тогда другой, а то и просто назначался Царем. Слобожанам было предоставлено право на неправильные решения полковой ратуши и на полковую старшину жаловаться белгородскому воеводе, а на этого последнего в Курский надворный суд[25].

В полку, по распоряжению Царя, были заведены трубачи и литаврщик. Самая служба полковая сделалась строже[26].

В пределах слободских полков в 1709 г. была расположена на квартирах целая дивизия русских войск под начальством Апраксина; ему подчинены были также и все слободские полки; военными и гражданскими делами их с этого времени начали заведывать русские генералы, начальники дивизий, назвавшейся по месту своей стоянки «Украинскою»[27]. Это был большой удар для полковников: их прежняя самостоятельность и независимость с того времени отошла в область преданий; полковая старшина и сотники стали назначаться генералом, правда, по аттестации полковников.

Квартирование русских войск ложилось большим гнетом на полк, вследствие того, что продовольствие как на солдат, так и на офицеров забиралось у казаков безотчетно[28], ибо солдаты стояли по квартирам у обывателей и получали корм для себя и для своих лошадей без всяких расписок[29].

В заботе своей о населении Слободской Украйны Петр Великий издал указ (18 сент. 1712 г.), присланный на имя Харьковского полковника Пр. Вас. Куликовского: вызван этот указ был следующим обстоятельством: члены полковой харьковской старшины – обозный Вас. Ковалевский, судья Сем. Афанасьев, есаул Гр. Афанасьевич, писарь Дм. Ходоленко, все сотники и посполитые подали Царю челобитье, в котором приносили жалобу на своего полковника, обвиняя его в том, что он, без видимых причин, смещает полковых старшин и берет для своих домашних работ число работник более положенного. Так как эта жалоба была основательна, то царский указ «под жестоким штрафом» предписывал старшин без указа не переменять и работников более назначенного числа не брать. Куликовскому повелевалось, сняв с этой грамоты копию, подлинную передать в ратушу «для ведома». По прежним же правилам, выработанным «обыкностью», полковник пользовался служилыми людьми для своих работ, для возки дров и т.п. из своих маетностей, членам же полковой старшины «для воспоможения в службе» назначались служилые люди: обозному, судье, есаулу, городничему (атаману) и писарю по 15, а сотникам по 10 чел. Полковник Куликовский, видимо, безотчетно распоряжался и денежными сборами, ибо полчане в своей челобитной просят также, чтобы относительно сборов и расходов по различным нуждам полка быть по прежнему, т.е. с общего согласия со старшиною – исполнить эту просьбу указ этот также предписывал Куликовскому[30]. В 1714 г. последовало нововведение: из старшинских детей, называвшихся полковыми казаками, были учреждены подпрапорные – в полку их положено иметь 39; их назначение было состоять при полковом прапоре, для посылок по разным делам, с командами; служили они «с своих грунтов», т.е. не получали никакого содержания от полка. Назначение в подпрапорные зависело от полковника[31]. При Петре была произведена в слободских полках в первый раз поголовная перепись; для этой цели в Харьковский полк был прислан майор Дм. Лихарев (1722 г.)[32].

25. П. Головинский. Слоб. коз. п., гл. IV.
26. И.И. Срезневский. Ист. об., стр. 14.
27. П. Головинский. Слоб. коз. п., гл. IV.
28. П. Головинский. Слоб. коз. п., гл. VI.
29. Хар. Ист. арх., отд. VIII, № 54. (Экстракт о слоб. полках).
30. Полн. Собр. Зак., т. VI, № 2585.
31. Хар. ист. арх., от. VIII, № 54 (Экст.).
32. Полн. Собр. Зак., т. VI, № 4090.

В 1711 г. поселены были в пределах Харьковского полка молдаване, пришедшие туда с кн. Кантемиром. Было приказано дать ему в г. Харькове двор с фольварком и деревни, принадлежавшие прежде Фед. Вл. Шидловскому. Далее, с. Балаклея отдана была волошскому стольнику Дм. Еникею, Новомлинск волошскому спатарю Юр. Мечнику, Волошский Кут полковнику Абазе. Кроме молдаван переселились и были размещены в слободских полках еще сербы и калмыки. Народ украинский очень недружелюбно смотрел на этих переселенцев: они им люди чужие, не несли с ними никаких тягостей, так как от всяких податей были избавлены. Явились они в этот край, так сказать, на готовое, тогда как слобожанам приходилось долго здесь бороться и вложить не мало труда, пока они не устроили занятого им края и не оградили себя капитальными сооружения от опустошительных набегов татарских. Волошские дворяне получили в слободских полках 710 дворов[33].

Недовольство казаков на пришельцев увеличивалось еще и тем, что эти чужеземцы, получившие незаслуженно так много привилегий, позволяли себе многие притеснения и насилия над истинными владетелями, бывшими постоянно верными Царю, своею жизнью жертвовавшими для защиты границ государства.

Таким образом, на Украйне черкасы перестали быть хозяевами, а их шляхетство уступило свое место русским вельможам, да иноземным выходцам.

При большом наплыве чужеземцев, русских чиновников и служилых людей, внесших свои взгляды, порядки и привычки того времени, и вследствие частого и тесного общения полчан с ними, нравы их начали портиться. Среди слобожан стали практиковаться доносы друг на друга, благодаря которым возбуждались такие дела, о которых казаки в прежнее время не имели ровно никакого понятия. Часто одно неосторожное слово, вылетевшее спроста из уст подгулявшего казака и донесенное кем либо из желания выслужиться или попасть в милость у русских начальников, служило поводом к возникновению целого дела и влекло за собою тяжелые наказания. Для наглядного примера приведем здесь одно такое характерное дело, случившееся в Харьковскому полку в последний год царствования Петра Великого.

Из местечка Перекопца (в силу указа 13 нояб. 1723 г.) приказано было доставлять провиант в г. Царев. Наряженный вести его казак Федор Антонов пришел к своему сотнику, Ивану Капустину, и стал просить его позволения взять у другого казака вола, для припряжки к своему, так как один из его волов заболел. «Лихо нам, пане сотнику, с тем провиантом от такого лихого пути», сказал при этом казак. На что сотник ему ответил: «По мне ты хоть найми, а провиант повези, а я тебе другого вола к твоему в припряжку не дам. Теперь вы кажете лихо, Але не допусти, Боже, нашему Императору турчина под свою область поджилити, то будуть на наших головах драгуны коль острит».

Слова эти были сказаны сотником при двух свидетелях и не замедлили достигнуть дол ушей «попа Василия», который и поспешил подать письменный донос. Генерал-майор фон-дер-Ропп приказал расследовать это дело полковнику Еропкину и, по окончании, направил его к князю Голицыну, который представил его на рассмотрение в Военную Коллегию.

При производстве следствия, сотник Капустин пробовал было запираться, говоря, что «теми словами он, поп, оболгал его напрасно», но при очной ставке со свидетелями повинился – «признал себя винна», говоря, что сказал эти слова, «осердясь на мужика Антонова, с простоты своей не признавая, что есть в тех словах важность». К этому он еще прибавил, что «никогда ничего подобного ни прежде, ни после не говорил и умышления на Императорское Величество никакого не имеет, так переписки и словесного согласия с неприятелями из-за турецкой границы никакого не имеет». Значит, словам Капустина, сказанным казаку Антонову, придали серьезное значение и заподозрили чуть-ли не в государственной измене.

---

33. Д.И. Багалей. Очерки, стр. 527.

На донесение Голицына Военная Коллегия ответила, что право разбирать судебные дела в слободских полках и наказывать виновных, в силу данной инструкции (1723 г. 29 апр.), принадлежит ему, Голицыну, как начальнику слободских полков и других нерегулярных войск на Украйне. Через год после начатия дела, в продолжение которого Капустин, по всей вероятности, томился под арестом, Голицын произнес над сотником свой приговор, который был сравнительно еще очень милостив, благодаря только случайным обстоятельствам. В приговоре говорилось, что хотя сотник Капустин и осмелился произнести такие «непотребные слова» и что ему за то преступление и следовала бы смерть («хотя не донатурально, но политически»), но, в силу указов (от 25 января и 5 февраля 1725 г.), «для поминовения Его Величества и для многолетия здравия Ея Императорского Величества вящая ему вина отпущена», но чтобы впредь ему ничего подобного в голову не приходило, определялось «по их казацкому обыкновению выбить (сотника Капустина) киями и написать в рядовые казаки, а на его место выбрать в сотники достойного»[34].

Но рядом с этими неотрадными явлениями на Украйне, в слободских полках начала понемногу распространяться грамотность, заводились школы, где дети казаков учились церковному чтению и письму. Не чужды были полку Харьковскому в этот ранний период и литературные занятия: так, казак Семен Климовский написал книгу: «О правде и великодушии добродетелей». Книга эта написана стихами и относится к 1724 г. Рукопись ее хранится в Императорской Публичной Библиотеке. Климовскому, как говорят, принадлежит также и следующие сочинения: «О дивных всероссийского монарха (Петра I) делах, о мудрости его и трудах» и «О пришествии короля шведского Карла XII внутрь Украйны и об измене Мазепы». Этому поэту-казаку приписывают сочинение песни, обратившейся со временем в народную, – «не хочу я никого, только тебя одного»[35].

Построив Петербург, Царь Петр задумал связать его с внутренними губерниями удобным водным путем, который снабжал бы город хлебом и способствовал бы развитию внутренней торговли. Петр даже мечтал проехать когда-либо из новой столицы в Москву. Было решено прорыть канал, который тянулся бы параллельно берегу Ладожского озера и связывал бы р. Неву с р. Волховом, избегая, таким образом, бурливого и опасного для плавания озера, поглощавшего ежегодно до одной трети плававших по нему судов. Длина канала должна была равняться 104 верстам[36]. Постановив в своей всеобъемлющей голове необходимость этой постройки, Царь Петр с свойственными ему энергиею и настойчивостью приступил к исполнению задуманного. Он повелел начать постройку канала немедленно и работникам быть со всего государства. Указом 17 окт. 1718 г. приказывалось, между прочим, и слободским полкам выставить работников, назначая по одному человеку с семи дворов[37]. Каждым трем работникам вменялось в обязанность взять с собою заступ, лопатку, кирку и топор. Киевская и Воронежская губернии всех наряженных по этому расчету рабочих должны были выслать в Петербург к апрелю 1719 г., в сопровождении «добрых приводцев» и снабдив их провиантом на один месяц. В Петербург казаки получали провиант из магазинов. На одного человека полагалось в месяц по полосмины муки, по одной восьмой четверика круп и по два фунта соли[38]. Правительство, впрочем, не на свой счет кормило работников, ибо было приказано взыскать за выданный провиант деньги еще вперед по подрядной цене с тех шести дворов, которым не пришлось выставить работника. С этих же дворов приказано было взыскать еще и деньги с таким расчетом, чтобы на каждого человека приходилось в течение первого месяца на подъем и корм по полтора рубля,

34. Мос. Отд. арх. Гл. Шт., оп. 47, св. 263.
35. Харьковский Календарь 1886 г., стр. 138.
36. П. Семенов. Геогр.-стат. сл.
37. Полн. Соб. Зак., т. V, № 3233.
38. Полн. Соб. Зак., т. V, № 3233.

а на остальные семь месяцев по одному рублю, что составило сумму в 50.362 р. Из них на руки было отдано людям по полтора рубля на человека, а остальные деньги приводцы должны были принести с собою в Петербург.

Архивы нам не сохранили никаких подробностей о числе харьковцев, принимавших участие в этой «канальной работе», ни об их положении там. Одно только, случайно уцелевшее, «ведение»[39] о Харьковском полку, подписанное полковником Квиткою, сообщает отрывочное известие об участии полка в постройке Ладожского канала в 1721 и 1722 гг. Оно говорит о том, что не мало там погибло казаков от тягости земляных работ. Но сколько именно пало жертвою харьковских слобожан – неизвестно, хотя приблизительно о том можно судить из подобного же «ведения» об Ахтырском полку[40], где говорится, что в одном только 1721 г. при этой работе умерло 260 казаков. Командировки эти, начавшиеся в 1719 г., продолжались, кажется, по 1723 г., работы производились круглый год[41].

Тягость зимних работ, недостаток в удобных жилых помещениях и непривычка украинцев к северному суровому климату послужили причиною тому, что немалое число погибших вдали от родины казаков запечатлели своею смертью эту тяжелую работу.

39. Моск. Отд. арх. Гл. Шт., оп. 25, св. 321.
40. Моск. Отд. арх. Гл. Шт., оп. 25, св. 321.
41. Пол. Соб. Зак., т. VII, № 4156.

Поход полковника Квитки в Персию в 1725 г., состав его отряда и назначение. – Крепость Св. Креста. – Потери полка в походе. – Экспедиция в горы. – Продолжительность командировки. – Походы следующих годов. – Командировка команды в Саратов. – Расписание нарядов, которые полк нес в то время. – Просьба слободских полковников к Императору. – Посылка сотника Лисаневича и инструкция ему. – Взяточничество старшин. – Результат посольства Лисаневича. – Камламент. – Указ о подчинении слободских полков военной коллегии. – Архив в Лефортовском дворце в Москве. – Харьковский исторический архив. – Следствие реформ кн. Шаховского. – Запутанность отношений. – Введение чина ротмистра; регулярной роты: ее штат. – Перепись Хрущова. – Виды поселений. – Число и названия сотен. – Реформы, введенные в полк кн. Шаховским. – Комиссия учреждения слободских полков. Штат полка, распределение казаков по сотням. – Деление населения на дворы; подати. – Драгунский полк. – Расквартирование регулярных полков на Украйне. – Положение казаков. – Отголосок «слова и дела». – Бригадиры слободских полков. – Полковое и сотенные знамена. – Полковая печать. – Где покупался порох.

К первому году царствования Императрицы Екатерины I относится поход отряда русских войск на усиление «низоваго» корпуса генерала Матюшина, расположенного в провинциях Дагестана – в Гильяне, Мазандеране и Астербах и остававшегося там со времени похода в Персию Императора Петра Великого. – В состав войск этого вспомогательного корпуса, вошел отряд силою в тысячу казаков, наряженных от слободских полков. Общее начальство над слобожанами поручено было Харьковского полка полковнику Григорию Семеновичу Квитке; под его командою состояли также две тысячи малороссийских казаков, с их старшинами. Общее же начальство над всеми войсками было поручено Еропкину.

От Харьковского полка в этот поход пошли: полковник, есаул, хорунжий, три сотника, поп и 247 ранговых казаков, всего 257 человек[1]. Войска направились в построенную русскими крепость Св. Креста, в провинции Гильян, почему этот поход и известен под именем Гильянского. Крепость эта (ныне Ставрополь, по-гречески stavros – крест, polis – город) была построена при слиянии р. Сулика с р. Аграханом; место это найдено было удобным, ибо оно изобиловало пастбищами и лесами, а главное, отсюда было легко наблюдать за дагестанцами, с которыми приходилось вести борьбу, и поддерживать сношения с Дербентом. В древности на этом месте был некогда город, населенный христианами, но его разрушили татары[2]. В 1735 г. крепость Св. Креста русские оставили по причине нездорового климата; жителей перевели в Кизляр, а укрепления срыли.

1. Моск. отд. арх. Гл. Шт., оп. 47, св. 18.
2. Метлинский. Матер. Для ист. Малор., Хавр. губ. Вед. 1840 г. № 1–15.

Из рапорта Еропкина видно, что из отряда Харьковского полка во время похода в Гильян умерло 3 казака и убыло лошадей 52, пало от изнурения 10, потонуло на переправах12, брошено за негодностью 10 и без вести пропало 9.

26 сентября из крепости Св. Креста был послан отряд в экспедицию против горцев; в предписании своем ему генерал Матюшин ставил следующую задачу: «над супротивными и недоброжелательными ко Империи Российской чинить (поиск), а особливо всячески трудиться, дабы, самого Шемхала (повелителя Дагестана), в свои руки достать; а ежели поймать его будет невозможно, или усмотрется, что он уйти куды может, тою хотя его, Шемхала, избить»[3]. 13 октября команда после восемнадцатидневного похода возвратилась обратно в крепость, прогнав неприятеля в дальние горы, убив 639 дагестанцев, спалив и разграбив в двадцати деревнях несколько тысяч дворов, «по басурмански» называемых «куток»[4]. В числе разоренных деревень была и крепость Торки, место жительства Шемхала, поймать или «избить» которого не удалось. Войска наши пригнали с собою множество скота и лошадей. С нашей стороны было убито 52 казака, 5 регулярных солдат и 111 лошадей.

Служба войск, расположенных в провинциях Дагестана, видимо, была нелегкая, ибо Еропкин в рапорте своем (от 30 января 1726 г.) доносил, что лошади казаков, бывших под его командою, находились в «весьма слабом состоянии», в которое пришли вследствие бескормицы и тяжелых караулов, трудной сторожевой службы в степи и от частых экспедиций; в 1725 г. таковых было три[5]. К тому же в местности, где им приходилось жить, господствовали разные болезни, особенно «горячие лихорадки и цынгота», как о том доносил генерал-фельдмаршал Долгоруков (от 11 августа 1727 г.), что он приписывает главным образом, тягостям службы, которыми отличался особенно 1727 г. Но и местность сама по себе была нездорова – это было причиною оставления русскими крепости Св. Креста.

В этом Гильянском походе харьковцам пришлось пробыть долго. Из письма полковника Квитки (от 5 марта 1728 г.) к Голицыну видно, что в этом году от полка требовалось 250 человека на перемену казаков, которые «ныне в низовом походе обретаются уже три года»[6]. По фамильной летописи Квиток, полковник Григорий Семенович возвратился домой в 1727 г., но возвратился сам, так как отряд харьковцев там оставался еще один год, пока его не переменили новым, что видно из краткой «ведомости», поданной от полка к Военную Коллегию.

В царствование Императора Петра II последовал указ, повелевающий назначить от слободских полков отряд, силою в тысячу человек; от Харьковского полка требовалось 250 казаков. Приказ этот (от 21 янв. 1728 г.) предписывал отряду выступить «по самой первой траве» и следовать в тот же гилянский поход, в крепость Св. Креста. Командование сначала предполагалось поручить полковнику Ушакову и подполковнику Кошелеву; но так как к марту Ушаков от службы был отставлен, а Кошелев «неизвестно где обретался», то новым указом Голицына (от 28 марта) предписывалось отправиться в поход, не ожидая великороссийских офицеров, и начальство над отрядом принять Изюмскому полковнику Лаврентию Ив. Шидловскому (бывшему Харьковскому полковнику). На необходимые издержки по этому походу положено было собирать деньги, в расчет по 5 руб. на человека, но 4-го апр. Голицын приказал не производить никаких особых сборов на содержание отправляемых казаков.

Не прошло и месяца после получения указа о назначении в Гилянский поход, как последовало новое распоряжение Голицына (7 февр.) назначить от Харьковского полка 60 казаков при сотнике и подпрапорном в отряд, силою в 300 человек. Казаки эти назначались в распоряжение саратовского воеводы Беклемишева и должны были быть «добры, доброконны

3. Моск. отд. арх. Гл. Шт., оп. 47, св. 18.
4. Там же.
5. Моск. отд. арх. Гл. Шт., оп. 47, св. 14.
6. Материалы Метлинского. Харьк. губ. Вед. 1840 г. №№ 1–15.

и оружейные». Выступление назначалось без всякого отлагательства, как только трава поднимается настолько, что можно будет прокормить лошадей.

Все эти командировки для казаков были в высшей степени тягостны, ибо правительство им ничего на это не отпускало, а доставить все необходимое должны были подпомощники; особенно тяжелы были далекие и долговременные командировки, когда фураж и провиант приходилось покупать на деньги, собираемые с них. Командировки же были беспрестанны – весь полк был, по большей части, в разгоне. Так, например, в то время Харьковский полк нес следующие наряды (из письма полковника Квитки к Голицыну от 5 марта)[7].

1) Назначенные в Гилянский поход	250 казаков
2) В Царицын под команду Беклемишева	60 »
3) В Бахмут[8]	40 »
4) На пасах	? »
5) В г. Шатилове	? »
6) В Перами (?)	30 казаков
7) В Бахтине	25 »
8) Для охранения будар и бударных припасов в Изюме	? »
9) При Драгунской почте в 5 местах по 15 человек	75 »
10) В Харькове по баштам (башням)	? »
11) Для наблюдения от Крымской стороны (с переменою)	30 »
12) «В низовом походе обретаются уже три года и воротиться домой здоровыми уже не надеются»	250(?)»

В виду такого большого расхода людей, новый назначенный Гилянский поход был для полка очень обременителен; кроме материальных больших расходов, самая служба там была очень трудна; к тому же переменять людей, находящихся в командировках было некем. Так как подобный порядок вещей являлся не временным, вызванным случайными обстоятельствами, с чем еще можно было бы помириться, и так как этому не предвиделось конца, то слободские полковники (Изюмского – Шидловский, Ахтырского – Лесевицкий и Харьковского – Григ. Сем. Квитка), с общего согласия, решили послать в Москву к Императору «просить милости о всенародных необъятных нуждах, паче же о гилянской и саратовской и бахмутской командирациях».

Для этой цели выбран был балаклейский сотник Ст. Лисаневич; ему вручили «полковое прошение и «мемориал», в котором излагалась инструкция, как ему поступать. На разные расходы посла этого снабдили деньгами (122 руб. 30 алтын и 2 деньги), которые собрали в слободских полках с каждого двора под одному алтыну. Деньгам этим по возвращении Лисаневич должен был представить счет. Так как полковникам хорошо было известно, что хлопотать о чем-либо в то время можно было, давая только направо и налево взятки, что они в своей инструкции называли «необходимою нуждою», то Лисаневичу разрешалось, если дело будет клеиться, занять нужные на это деньги «в добрых людей на полковой счет». Если же таких добрых людей не оказалось бы, то Лисаневичу приказывалось дать о том знать, и тогда деньги

7. Метлинский. Мат. для ист. Малор., Харь. губ. вед. 1840 г.

8. Г. Бахмут, стоящий на реке того же наименования, возник после открытия в том месте соляных источников (во второй половине XVII в.): деревянная крепость была построена в 1703 г. (П. Семенов. Геог. – ст. сл.).

ему были бы высланы с нарочным. Эти взятки, или как их называли еще, «откупки», процветали тогда и в полку, что видно из того же дела. При наряде казаков в поход, казаки Як. Тулаников, Вас. Исаев и Мих. Куськов, Петр Яременко и Терех Исаев попали в число назначенных, но тишковский сотник Сем. Авксентиев, взяв с первых трех по лошади, а с остальных по 4 руб., решение свое изменил и назначил других. Но этим Вас. Исаев еще не отделался, с него сотенный писарь Осип Еременко содрал и для себя одного вола[9]. Это лихоимство, видимо, не прошло даром для сотника и писаря, раз факт этот попал в документ, но чем они за это поплатились – неизвестно.

Лисаневич в Москве успел добиться только отчасти цели своего путешествия, ибо в Гилянский поход, по указу Голицына (6 окт.), предписывалось назначать, вместо тысячи, только 500 чел., и то пеших; на долю Харьковского полка приходилось послать теперь 85 казаков. В виду же того, что шла осень, возвращение находящихся в крепости Св. Креста казаков Шидловский отложил до весны будущего года. Командировки эти продолжались и по 1731 г., ибо есть указ (от 23 января 1730 г.) о высылке на перемену новых казаков (85 челов. При одном сотнике), так как в том году истекали два года – время, на которое положено было посылать казаков в крепость Св. Креста[10].

Из дела этого – о командировках в гилянский поход можно видеть, что в то время полк принимал участие в летних сборах, которые и тогда назывались уже кампаментами. Полковник Квитка, в письме своем, о котором мы говорили выше, приводя расчет расхода казаков своего полка, пишет: «то и все в расходе, а предбудущую весну в кампамент и выслать будет под Ракитную некого»[11].

В царствование же Екатерины I относительно слободских полков был издан указ, повелевающий Военной Коллегии заведовать означенными полками; приказывалось во всех полках по-прежнему иметь выборных казаков (кампанейцев), между которыми распределить сербов, явившихся сюда и состоявших в распоряжении киевского генерал-губернатора (2 апр. 1726 г.)[12].

Рядом с этим приказано было собрать все указы и ведомости, все, что находилось в Сенате относительно слободских полков, и передать в Военную Коллегию, которой они отныне подчинялись, оставаясь, впрочем, по-прежнему в зависимости от генерала, командировавшего Украинскою дивизиею.

Надо думать, что дела этой Военной Коллегии должны заключать в себе много ценных сведений, как начиная с 1726 г., с которого она стала заведовать слободскими полками, так и до этого времени, ибо туда переданы были из Сената дела о слободских полках. Харьковский исторический архив заключает в себе дела полковой канцелярии (с 1736 г.), по большей части состоящие из черновых бумаг, которые писались полком в Военную Коллегию. Дела эти перечеркнуты, перемараны, очень трудно читаются и, главное, благодаря этим зачеркиваниям, часто нельзя с уверенностью решить, что было отправлено и исполнено, а что осталось измеиенным. Материал, поэтому, заключающийся в архиве Военной Коллегии, мог бы пролить яркий свет на многие темные стороны жизни слободских полков, жизни весьма своеобразной, благодаря исключительным условиям, при которых образовались эти полки.

В Царствование Императрицы Анны Иоанновны на слободские полки обрушился целый ряд реформ и других бедствий, приведших их в крайнее расстройство. То исключительное

---

9. П. Семенов. Геог.-ст. словарь.

10. Там же и Мос. отд. арх. Гл. Шт., оп. 25, св. 321.

11. Мос. отд. арх. Гл. Шт., оп. 25, св. 321.

12. Полн. Собр. Зак., т. VII, № 4867.

Примечание. Военная Коллегия учреждена была Петром В. в 1719 г.; в ней был президент, вице-президент и несколько членов; состояла она из трех экспедиций: 1) армейской (дела по кавалерии и по инфантерии), 2) гарнизонной и 3) артиллерийской и фортификационной. В 1812 г. коллегия эта была преобразована в военное министерство.

положение, которым пользовалась Слободская Украйна, шло несколько в разрезе с общим строем государства, почему это и задумали уничтожить. Но реформа поведена была настолько неумело и заключалась в полумерах, которые обыкновенно не достигают цели, что вместо исправления вкравшихся непорядков, как гласил приказ Императрицы, данный на имя ген.-майора кн. Шаховского (от 23 декабря 1732 г.)[13], в полки введены были преобразования, принесшие только вред слобожанам, повергнув их в состояние сильно запутанных отношений, среди которых трудно было разобраться. Оставив, по-видимому, казачество существовать по прежнему, кн. Шаховский устранил полковника и старшин от управления полком, часть казаков обратил в регулярных солдат, лучших позабирал в драгунский полк. Полковник лишен был прежней своей власти; одно было подчинено ему, другое стало зависеть от бригадира – начальника всех слободских полков, третье от начальника Украинской дивизии. Когда же для службы нужными являлись казаки, то на полковника сыпались такие требования, которые ясно показывали, что люди, призванные отныне ведать полками, были положительно незнакомы с общим строем слободского казачества, а также и с последствиями трех реформ, которые они же сами ввели в него.

Еще раньше нововведений Шаховского, во всех пяти слободских полках указом ген.-аншефа гр. Вейсбаха (1731 г.)[14] введен был чин ротмистра; этот новый член полковой старшины занял место между судьею и есаулом. Производство в чин этот зависело от дивизионного генерала[15]. Ротмистр получал по 5 подпомощников. В том же году введена была еще и регулярная рота[16], в состав которой отделено было от полка 100 чел.; штат ее был след.:

Обер-офицеры:	1) Капитан	1, получавший 7 подпомощников
	2) Поручик	1, получавший 6 подпомощников
	3) Прапорщик	1, получавший 6 подпомощников
Унтер-офицеры:	4) Вахмистр	1, получавший 2 подпомощников
	5) Квартермистр	1, получавший 2 подпомощников
	6) Каптенармус	1, получавший 2 подпомощников
	7) Подпрапорщик	1, получавший 2 подпомощников
Строевые и нестроевые:	8) Капралов	4, Капралам и рядовым регулярной роты
	9) Барабанщиков	2, число подпомощников представлялось
	10) Рядовых	100, определять полковнику[17].

Так как эти регулярные роты, участвуя во время крымских походов 1735 и 1736 гг., несли службу наравне с полевыми полками и заслуживали одобрения, то (в 1736 г.) «высоким генералитетом» и предписано было Барятинскому сформировать в каждом слободском полку еще по одной такой роте, силою в сто человек, отчисленных из штатного числа полка. Приказывалось, чтобы роты «неотменно вскорости набраны, войсковой экзирциции обучены и всем требующимся в кампании (1737 г.) снабжены были»[18]. Казаки регулярных рот одеты были в ландмилицкие мундиры, в роте положено было иметь знамя, которые заводилось на деньги из подпомощничьей суммы[19]. В эту роту приказано было впоследствии давать из полка пушки

13. Пол. Соб. Зак., т. VIII, № 6282.
14. Хар. Ист. арх., отд. VIII, № 54; Пол. Соб. Зак., т. IX, № 6430.
15. П. Головинский. Слоб. коз. пол., гл. V.
16. Там же.
17. Мос. отд. арх. Гл. Шт., стр. 109, св. 50.
18. Хаар. ист. арх., отд. I, № 19 и там же.
19. Пол. Соб. Зак., т. IX, № 6610.

со всеми артиллерийскими принадлежностями на время похода, а по окончании сдавать их обратно[20].

В 1732 г. во всех слободских полках была произведена перепись. Сделано это было в виду необходимости правительству знать о состоянии полков для введения задуманных им реформ. Перепись эту производил лейб-гвардии Семеновского полка майор Хрущов. Население Харьковского полка, согласно этой переписи, равнялось 37,363 чел.; в это число входили все виды населения: казаки, великороссияне, иностранцы и др.

1) В этом числе: казаков, их свойственников и братьев по всем сотням считалось	5,878 чел.
2) Казацких соседей (подсоседков)	462 »
3) Подпомощников казацких	11,787 »
4) Великороссиян, служивших казацкую службу по грамотам, записанных в ландмилицейские полки, подданных и торгующих	1,311 чел.
5) Подданных, находившихся во владении полковой и сотенной старшины и др.	13,368 »

В полку было два города (Харьков и Салтов), 11 местечек, 44 села, 8 деревень, 6 слободок, 3 сельца и 45 хуторов.

Все эти населенные места представляли собою три вида поселений: к первому принадлежали города, к ним нужно причислить и местечки, которые по большей части были сотенными, имели укрепления, что и отличало их от сел и деревень; ко второй группе относились деревни и слободы, а к третьей – хутора.

В полку считалось 18 сотен[21], и носили они по местечкам, где помещались их управления, след. названия:

1) Первая Харьковская	в г. Харькове	10) Угольчанская »	» в м. Угольцах
2) Вторая »	» »	11) Циркуновская »	» Циркунах
3) Дергачевская »	» в м. Дергачах	12) Перекопская »	» Перекопе
4) Соколовская »	» Соколове	13) Липецкая »	» Липцах
5) Тишковская »	» Тишках	14) Хорошевская »	» Хорошеве
6) Ольшанская »	» Ольшаном	15) Люботинская »	» Люботине
7) Пересечанская »	» Пересечном	16) Золочевская »	» Золочеве
8) Валковская »	» Валках	17) Тарановская »	» Тарановке
9) Салтовская »	» г. Салтове	18) Мерефянская »	» Мерефе

В полку Харьковском с. Веселое принадлежало Цесаревне Елизавете Петровне. В этом селе подданных, работавших два дня в неделю, считалось 576 чел.[22]

Князь Шаховской, дабы «доброе, основательное рассмотрение учинить», как гласил полученный им указ, прибыв на Украйну, избрал местом своего жительства г. Сумы. Прежде всего, чтобы познакомиться с внутреннею жизнью слободских полков, из которых он намеревался своими реформами изгнать все несправедливости и беспорядки, кн. Шаховской потребовал из кабинета Императрицы все сведения о царских грамотах, когда-либо пожалованных полкам,

20. Там же., т. X, № 7451.
21. Хар. ист. арх., отд. VIII, № 54.
22. Д.И. Багалей. Матер., т. I.

а от этих последних – об их внутреннем полкам, а от этих последних – об их внутреннем строе[23]. Все реформы, введенные Шаховским, сводились к следующему:

Прежде всего в Сумах была образована «комиссия учреждения слободских полков». Председателем в ней был сам Шаховской, а членами – два гвардейских штаб-офицера. В редких только случаях в комиссию приглашался какой-либо из слободских полковников, для решения затруднительных вопросов, но прямого какого-либо участия в делах он не принимал. Комиссия эта должна была наблюдать за правильным решением дел в полковых канцеляриях. Эти канцелярии образованы были из прежних полковых ратуш, в них председателем был полковник, а членами – чины полковой старшины: когда же полк находился в походе, – в канцелярии заседал полковой судья с писарем. На неправильное решение судебных дел, решать которые отныне приказывалось по уложению и указам, вместо прежних «обыкностей», представлялось право жаловаться в канцелярию комиссии, а на эту последнюю апелляцию приносилась в Военную Коллегию, или Сенат.

При канцелярии комиссии, кроме ее членов – гвардейских штаб-офицеров, находился один секретарь и 8 канцеляристов и копиистов; жалованье они получали из доходов, собираемых в слободских полках; таким образом, эта канцелярия содержалась слобожанами, которые и без того отягощены были немалыми налогами. При полковой канцелярии была учреждена контора, где приказывалось записывать все документы землевладетелей, свидетельствовавшие их права на земли, как-то: купчие, уступные и меновые записи, универсалы полковников. Уничтожено было самое главное преимущество казаков – свободное занятие земель. Полковник не мог уже своими универсалами раздавать их полчанам, что особенно высоко ставило его прежде в глазах подчиненных. Кто же владел до этого времени землею, за тем это право сохранялось, хотя бы на это и не было никаких письменных данных.

Число казаков в Харьковском полку было ограничено 800 чел. (прежде 850). За вычетом 200, взятых в регулярные роты, число ранговых казаков в полку сводилось только к 600, которые и распределились по всем сотням след. образом, согласно утвержденному штату, часто, впрочем, меняемому:

1) В первой Харьковской сотне 48 каз.		
2) Во второй Харьк.	»	47 »
3) Ольшанская	»	45 »
4)Хорошевская	»	28 »
5) Мерефянская	»	29 »
6) Соколовская	»	44 »
7) Дергачевская	»	49 »
8) Золочевская	»	32 »
9) Люботинская	»	26 »
10) Угольчанская	»	38 »
11) Валковская	»	52 »
12) Перекопская	»	29 »
13) Тишковская	»	12 »
14) Липецкая	»	38 »
15) Салтовская	»	50 »[24]

23. Из доставленных от полков ведомостей был составлен комиссию «экстракт о слободских полках», заключавший очень ценные данные. Этим официальным документом пользовались И.И. Срезневский и преосв. Филарет. Находящийся в Харьковском историческом архиве экстракт о слободских полках (отд. VIII, № 54) существенно отличается от того, который был в руках приведенных писателей. Неизвестно, где делался этот драгоценный для истории Слободской Украйны документ.
24. Хар. ист. арх., отд., № 27.

Чины полковой старшины остались те же; им полагалось следующее количество дворов подпомощников во временное владение. Помещаем здесь штат полка того времени, с указанием числа подпомощничьих дворов, назначенных старшинам, вместо жалованья:

1) Полковник	1, ему полагалось владение 15 дворов.
2) Полковой обозный	1, ему полагалось владение 7 дворов.
3) Полковой судья	1, ему полагалось владение 6 дворов.
4) Полковой ротмистр	1, ему полагалось владение 5 дворов.
5) Полковой есаул старший	1, ему полагалось владение 6 дворов.
6) Полковой есаул младший	1, ему полагалось владение 4 дворов.
7) Полковых писарей	2, им полагалось по 3 двора.
8) Полковых хорунжий	1, ему полагалось владение 3 двора.
9) Канцелярских писарей	6, им полагалось по 1 и по 2 двора
10) Сотников	16, им полагалось по 3 двора
11) Подпрапорных	30
12) Пушкарей	10
13) Литаврщик	1
14) Трубачей	3
15) Цирульник	1
16) Рядовых казаков	590[25].

Кроме этого назначения известного числа подпомощников, некоторые чины получали еще также и денежное содержание. Так, первый полковой писарь получал 50 руб., второй – 40 руб.; трем канцеляристам и трем канцелярским писарям определено было жалованье по 10 руб.; полковому хорунжему 25 руб., литаврщику 20 руб.; первому трубачу 20 руб.; второму 18 руб., третьему 14 р.,; цирульнику 4 р. в год. На канцелярские расходы полагалось 25 руб., к которым в Харьковском полку присоединялись еще и сборы с цыган, живших на его территории; для этой цели был назначен особый чиновник, состоявший в распоряжении полковника. Чины сотенной старшины содержались тоже с подпомощничьих дворов, число которых определялось полковником. Чин слободского полковника сравнен был с чином премьер-майора; сотники стали производиться в Военной Коллегии из 3 кандидатов «по аттестациям за руками полковников и старшины». Все жители, не вошедшие в число выборных казаков, были причислены к войсковым обывателям, или к владельческим подданным. Из первых, казаки шли на укомплектование полков, вторые были назначаемы во владение. Все они были поделены на дворы и обложены податями; в каждом дворе полагалось 50 душ. Все посполитые, попав во владение сформированного драгунского полка, обратились в крепостных. Этот драгунский полк был очень тягостен для жителей Украйны, ибо в него выбирались лучшие казаки; притом содержание этого полка, как солдат, так и офицеров, всецело ложилось на слобожан; кроме этого полка, в Украйне были еще расквартированы 8 драгунских и 2 гарнизонных полка; на них брался фураж и провиант безвозмездно[26]. Ко всему этому присоединились еще и несправедливости, и взяточничество лиц, окружавших Шаховского, которые оставались безнаказанными во всех своих неправых деяниях. Легко вообразить себе положение казаков при таких порядках. Они это тем более могли чувствовать, что у них еще свежо было в памяти лучшее время. Ко всем этим невзгодам присоединялось еще грозное «слово и дело», влекшее за собою столько страданий, заставлявшее в то печальное время трепетать весь русский народ. Тяжесть бироновского правления, хотя и не в таких размерах, благодаря отдалению, все-же отзывалась и на Украйне. Все слободские полки подчинены были бригадиру, который находился в ведении начальника

25. Хар. ист. арх., отд. I.

26. П. Головинский. Сл. коз. пол., гл. V.

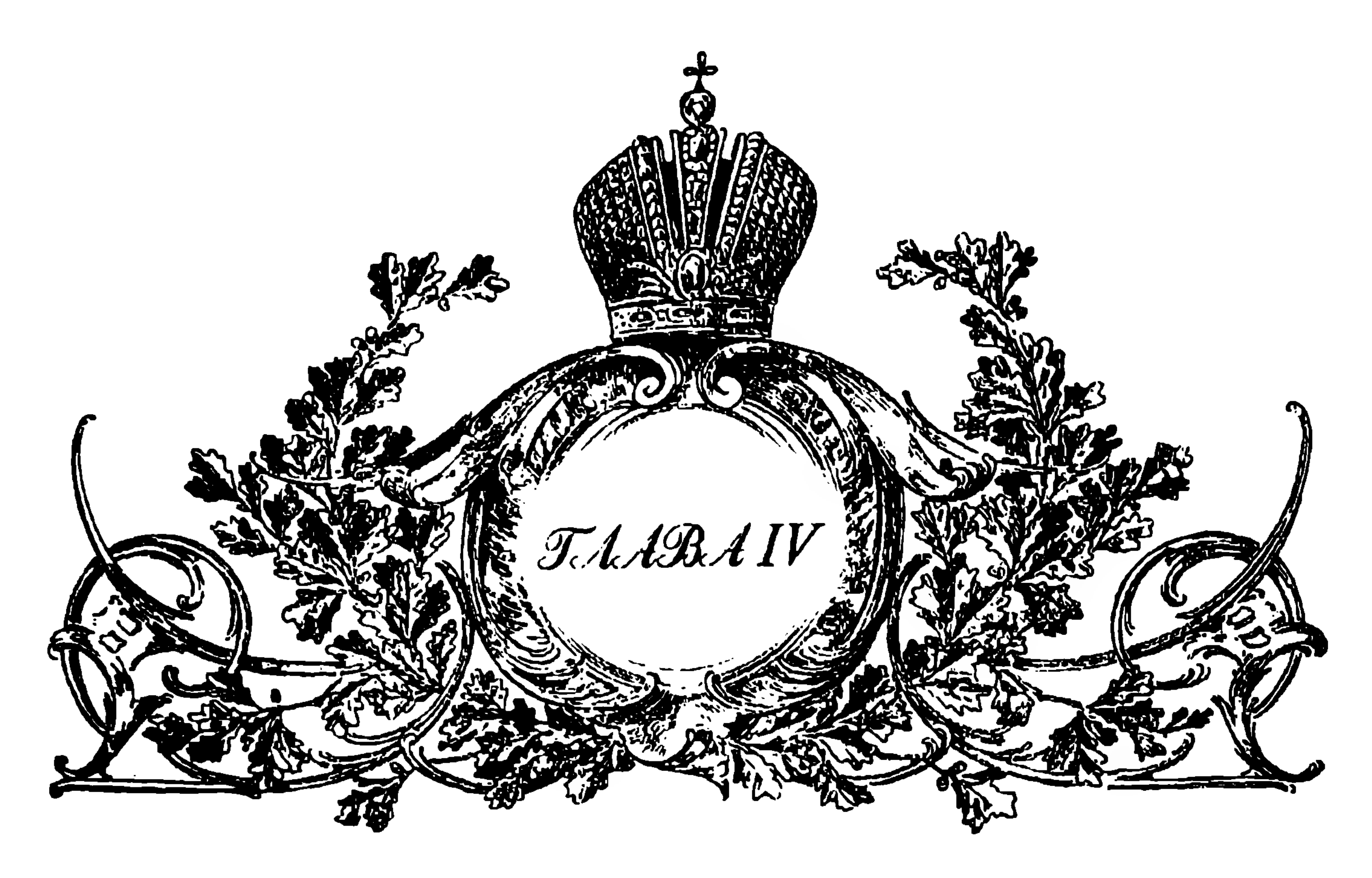
дивизии; первым бригадиром был полковник Ахтырского полка Лесевицкий. Наконец, полковые и сотенные знамена, а также печати канцелярий положено иметь с государственным гербом. Полковые знамена, переставшие, вероятно, с этого времени называться хоругвями, делались на счет подпомощничьей суммы, а также знамена сотенные и регулярных рот[27].

Нам не удалось найти где-либо описание знамени Харьковского полка; только из одного дела можно видеть, что полковое знамя была белого цвета, а сотенные – желтого[28].

Порох, было приказано слобожанам покупать на заводе, устроенном в Малороссии, на хуторе Ткирмановском, платя по 3 руб. 76 коп. за пуд[29].

27. Пол. Соб. Зак., т. IX. №№ 6366, 6430, 6454, 6578, 6610, 6619, т. X, № 7451.
28. Хаар. ист. арх., отд. I, № 238.
29. Пол. Соб. Зак., т. X, № 7700.

Поддержка Россиею претендента на польский престол курфюрста Саксонского, короля Августа III. – Указ полку Вейсбаха. – Смотр полков в Сумах. – Медленность похода. – Стычка с конфедератами. – Потери полка. – Битва под Вильною и битва в бору. – Возвращение домой. – Смерть полковника Квитки. – Новый полковник Степан Иванович Тевяшев. – Пожар в Харькове. – Постройка Украинской линии. – Участие полка в ее постройке. – Продолжение работ в следующем году. – Командировка казаков в Бахмут. – Причины неточного исполнения указа. – Побеги казаков. – Отношение их к этой постройке. – Причины медленности работ и тяжесть их. – Командировки казаков на линию. – Служба там. – Состояние команды сотника Ковалевского и других. – Отношение генералитета к полкам. – Непосильные требования. – Жертвы Украинской линии.

По смерти короля Августа II Россия протежировала претенденту на польский престол, сыну его, курфюрсту Саксонскому, сторону которого приняли также Австрия и Пруссия. Одна только Франция сильно поддерживала Станислава Лещинского, снова заявившего свои претензии на корону польскую и вступившего из-за нее в борьбу с Августом III, избранным в короли только частью нации. Он некогда спорил из-за нее же с отцом курфюрста, будучи возведен на польский престол шведским королем Карлом XII. Для побуждения поляков добровольно признать Августа своим королем, были посланы в пределы Польского королевства два корпуса: один – под начальством ген.-лейтен. Загряжского, другой – ген.-лейтен. Измайлова. Указом от ген. Вейсбаха приказано было Харьковскому полку, под начальством Ив. Гр. Квитки (впоследствии изюмский полковник), войти в состав второго корпуса. Полки слободские были перед выступлением собраны в г. Сумах, где им произведен был кн. Шаховским смотр 17 мая 1733 г. Поход был, по видимому, очень медленный; 22 авг. полки малороссийские и слободские выступили только из Стародуба, откуда направились к Смоленску и 2 сент. прибыли к Досугову; 14-го сент. выступили оттуда и, перейдя границу, «маршировали до Варшавы»; но маршировали туда, не особенно спеша, ибо 14 дек. добрались только до г. Слонима, где и простояли две недели. Из г. Слонима выступили полки 1 янв. 1734 г., пошли не к Варшаве, а к Вильне, и подошли к границе владений литовского магната кн. Радзивилла, которая начиналась от м. Здзенциола (ныне м. Дятлово Слонимского уез.), откуда слобожане направились через м. Белицу (Виленской губ.) до д. Радзевонишек. В этих местах им пришлось уже вступить в столкновение с неприятелем, противниками избрания короля Августа III. Здесь было убито

около ста казаков и два подпрапорных Черниговского полка, высланных на фуражировку. Здесь же, в происшедшей стычке с польскими конфедератами, было убито 7 казаков Харьковского полка. Вероятно, в наказание за это д. Радзевонишки была сожжена совершенно. Отсюда полк отправился к столице Великого Княжества Литовского – к Вильне; не доходя 5 верст до нее, русские встретились с польскими войсками, бывшими под начальством региментажа (так в Польше назывался вождь, заступавший место гетмана) Панковского. Произошла битва, длившаяся до сумерок, поляки были разбиты и прогнаны.

Казаки в ту же ночь ворвались в Вильну, где произвели разгром, перебили много людей, ксендзов и разорили монастыри. 28 апр. произошло новое столкновение, недалеко от Вильны, в бору; бились с отрядом польских начальников Пензаля и Станкевича. В сражении этом «без числа» было убито и потоплено в р. Вили поляков; в этом сражении принимал участие и Харьковский полк[1].

По утверждении короля Августа III на троне, полки слободские были оставлены в пределах Польского королевства, для окончательного усмирения конфедератов еще на год, и только в исходе 1735 г. вернулись на Украйну.

В 1734 г. скончался Харьковский полковник Гр. Сем. Квитка, управляющий полком с 1714 г. и водивший не раз его в походы; умер он 65-ти лет от роду в г. Киеве, куда отправился на поклонение Киевским угодникам, и погребен близ Великой Успенской церкви[2]. Место умершего полковника занял Степан Ив. Тевяшев. Ему пришлось управлять полком в самое тяжелое время, какое он когда либо переживал.

Полковой г. Харьков в 1733 г., 31 мая, постигло большое несчастье: происшедший пожар истребил около 300 дворов; сгорели Успенский собор, церковь св. Николая и все лавки[3], а также все крепостные укрепления, оставшиеся неисправными до миниховских походов.

Для ограждения южных границ государства от постоянных татарских нашествий в 1731 г. решено было соорудить нечто в роде китайской стены. Честь этой остроумной выдумки, не принесшей, впрочем, почти никакой пользы, принадлежит, как думают, ген. Вейсбаху, начальствовавшему над Украинскими войсками[4]. Эта укрепленная линия предохраняла жителей от татарских набегов в такой же мере, как, при теперешнем состоянии огнестрельного оружия, латы спасали бы человека от пуль. Пользы она не приносила, но зато унесла немалое количество казацких жизней, изнурила и разорила украинцев страшно. Но какое было дело всем этим немецким «искателям фортуны», – этим пионерам «Drang nach Osten», до жизни и состояния всех казаков, да и всех вообще русских, которых они, с высоты своего чопорного величия, считали только варварами.

Укрепленная линия должна была тянуться непрерывно от р. Днепра до р. Северского Донца, что равняется 400 верстам; но так как валы и рвы не шли по ровной линии, а представляли собою реданы (укрепление, имеющее только два фаса, сходящихся под острым углом в поле), которые казаки, в простоте своей, называли просто крючками, то вся эта постройка, в общей сложности, простиралась до тысячи верст в длину. И эта тысяча верст непрерывного высокого вала и широкого рва! Но на этом еще не было конца работе: строили крепости, отстоящие на 20-30 верст одна от другой, копали колодцы, где не было воды, а ее в степях этих было немного; делали плотины на болотах, проводили широкую дорогу вдоль линии для удобного прохода войск. Если какие местечки случайно оказывались за линиею, то с ними не церемонились

1. Выписки из фамил. Летописи Квиток. Изд. Д.И. Багалея. Других, более обстоятельных источников, выясняющих деятельность Харьковского полка в эту войну, найти нам не удалось. К известиям же, приводимым в летописи Квиток, по нашему мнению, следует относиться с большою осторожностью.
2. Преосв. Филарет. Отд. I, стр. 50.
3. Выписки из фамил. Лет. Квиток. Изд. Д.И. Багалея.
4. Д.И. Багалей. Очерки, стр. 298.

и перебрасывали на другую сторону ее; строили мосты, насаживали леса и колючий терновник для устрашения татар. Постройка эта ясно сохранилась и до настоящего времени. Пролежав 160 лет, валы эти, несмотря на то, что ни них давно уже стали сеять пшеницу, и теперь еще не менее 1 ½ арш. высоты[5]. Работы начались в 1731 г. и были поручены сенатору Тараканову и ген.-майору Дебриньи[6], а работниками должны были быть малороссийские и слободские казаки, которым пришлось вооружиться на этот раз, вместо сабель, «копаницами» (лопатами). Ген. Дебриньи, уведомляя Харьковского полковника Гр. Сем. Квитку о своем назначении на постройку линии, просил выслать в его распоряжение трех казаков, которые хорошо бы знали те места, где располагалось вести линию – часть укреплений этой черты проходила по южной границе области Харьковского полка, почему речки, болота и урочища, находящиеся там, могли быть хорошо знакомы полчанам. Называлась эта линия Украинскою, по местности, где проходила.

По указу, полученному из Белгородской губернской канцелярии, от Харьковского полка было потребовано 340 казаков, с 10-ти дворов по одному[7]; от всех слободских полков назначено было на эту работу две тысячи, от малороссийских полков 20 тысяч и, кроме того, 10 тысяч свободных и владельческих посполитых. Люди эти должны были взять с собою по топору, лопате и мешку для носки земли; каждые 10 человек должны были привезти с собою лошадь с телегою или пару волов, для возки этих инструментов, а каждые 50 человек – один плуг с волами, для проведения борозд. У людей должен был быть провиант на три месяца. Так как ожидалось, что татары будут мешать постройке, долженствовавшей раз навсегда оградить страну от их посещений, то люди должны бли быть вооружены, а отряды иметь с собою пушки. Указ о высылке работников был очень строгий и грозил, в случае неточного исполнения, «не малым истязанием и ответствием пред генералитетом»[8]. Казаков приказывалось выслать к р. Берестовеньке, в распоряжение Тараканова и Дебриньи. Из Харьковского полка, кроме назначенного числа ранговых казаков, приказано было выслать и посполитых, руководствуясь числом дворов, – с каждых трех по одному человеку[9]; но сколько их было назначено – неизвестно.

В следующем 1732 г. для продолжения работ было приказано назначить от слободских полков тоже двухтысячное число казаков, да кроме этого еще 600 чел. в г. Бахмут к соляным заводам; но исполнение этого приказа встретило уже затруднение. Полковники Харьковского и Ахтырского полков доносили, что в этом году они выслали, против прошлогоднего, меньше число работников потому, что и самое население местечек и сел уменьшилось, так как обыватели, страшась тягости работ, бегут[10] безпрестанно тайно и явно, человек по 50 и более, и что удержать их от этого побега нет возможности[11]. Несмотря на огромное число рабочих сил, привлеченных к постройке Украинской линии, работа шла медленно и неудовлетворительно. Казаки относились с ненавистью к этой выдумке, работали, так сказать, из-под палки; да и наблюдали за ними плохо. Главный начальник работ верхом не мог ездить, почему сам не смотрел, а верил тому,

5. Д.И. Багалей. Очерки, стр. 311.

6. П. Головинский. Сл.коз. пол., гл. V. Фельдмаршал Миних так аттестовал императрице Анне Иоанновне в 1737 г. этих генералов: *Тараканов*: «Находится под судом, интерессан, капризен, не понимает никаких приказаний, не имеет никакой охоты к службе, и как он притом стар, то всего бы лучше было, если бы он в деревнях своих, где нельзя уже ему вести интриг, решился проводить остатки своих дней». *Дебриньи*: «Весьма дурно себя ведет, зол и ни во что не может быть употреблен; самое лучшее, если уволить его от службы с награждением деревни или пенсионом 300 руб., и столь важное место, какое он занимает, поручить другому» (Рус. Стар. 1890 г., кн. I, стр. 116–117).

7. П. Головинский. Сл. коз. пол., гл. V.

8. Там-же.

9. Там-же.

10. Д.И. Багалей. Материалы. Том I, стр. 277.

11. Пол. Соб. Зак., т. VIII, № 6055.

что ему докладывали[12]. Командующие в Украине генералы, по словам фельдмаршала Миниха, заботились только и приращении новозаложенных слобод своих, «слободские полковники по домам сидят, хотя полки их в поход идут; причина та, что они люди богатые; смотря на них лучшие сотники и казаки тоже дома остаются, и только бедные без связей идут в поход. Из слободских полков наряжено было 4200 челов., из них теперь при армии только 2360»[13].

Наряды казаков и посполитых на постройку линии продолжались и в последующие годы, хотя она в 1733 г. и была уже почти окончена, но происходили вечные починки, обкладка сторон рва дерном и проч. На этой укрепленной черте поселены были, для ее защиты, ландмилицейские полки – военные поселяне.

Постройке Украинской линии не сочувствовали многие из высших начальников; народ же просто ненавидел ее и слал по е адресу тысячи проклятий. Этому нельзя и удивляться ибо производить земляную работу под палящим солнцем, при недостатке воды, работать притом, ясно сознавая бесполезность этого дела, не могло быть приятным. Слобожанам же, оставшимся на Украйне, нужно было посылать провиант и нести многочисленные другие повинности. Отлично, с свойственным малороссам юмором и меткостью, в двух песнях изобразили они всю тяжесть работ и отношение к ней казаков, а также последствия отрывания рабочих рук и летнее время:

«Ихав козак на линию – тай вельми надувся;
«Идее козак из линии – як лыхо зогнувся»[14].

«Посияли, поорали,
Да никому жаты:
Пошли наши козаченьки
Линии копаты»[15].

Казаки охотно помирились с этим трудом, если бы видели от того какую-нибудь пользу, ибо татарские нападения все-таки не прекращались; они (татары) только то и делали, что переходили линию взад и вперед совершенно безнаказанно[16]. Эти же самые казаки охотно исполняли такие же постройки, когда полковник Гр. Ер. Донец проводил вал по р. Северскому Донцу; не было тогда и таких повальных набегов, а ведь харьковцам никто не помогал в их работе – сделали все своими силами, скоро, и не нужно было им грозить «истязаниями».

С окончанием постройки Украинской линии «командирации» туда харьковцев не прекращались – более или менее значительные партии казаков посылались ежегодно; там они держали разъезды, исполняли разные наряды и работы. Во время войны с Турциею на линию назначались большие партии для ее охраны. Так в 1738 г. из Харьковского полка было потребовано 450 челов. казаков[17]. Команда эта была поручена сотнику Як. Ковалевскому и собрана под Тарановкой. Ковалевский доносил, что команда находилась в очень плохом состоянии, многие казаки пришли без вооружения, без провианта, что ему одному управиться с нею будет трудно. По его доношению, в команде этой было 107 конных и 126 пеших казаков – только, а позднее он же доносил, что казаки, за недостатком провианта, бегут с дороги.

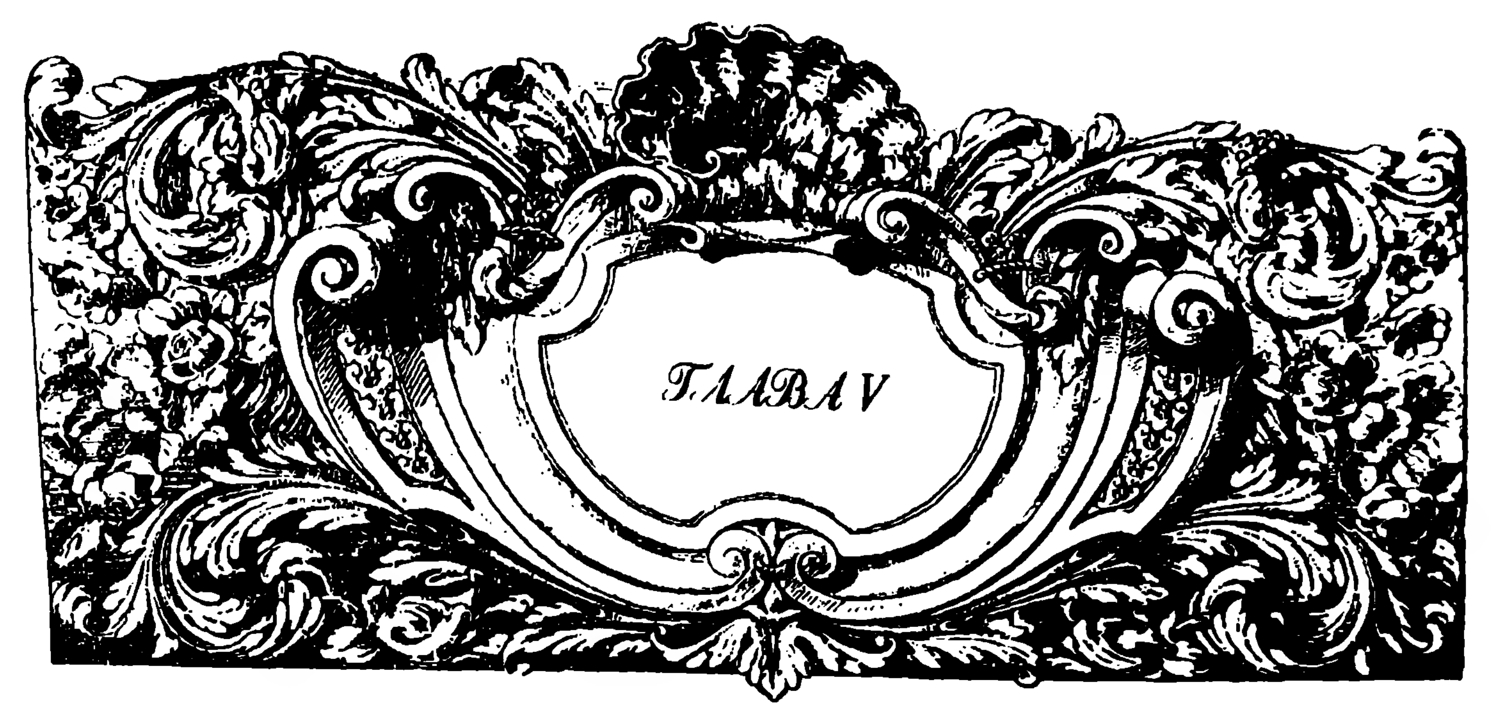
В том же году был послан туда и другой отряд Харьковского полка. За полным расходом ранговых казаков, требуемое число людей набиралось из свойственников казачьих и из

12. Д.И. Багалєй. Очерки. Стр. 306.
13. С.М. Соловьев. Ист. России. т. XX, стр. 95–99.
14. Д.И. Багалєй. Очерки, стр. 328.
15. П. Головинский. Слоб. коз. п., гл. V.
16. Д.И. Багалєй. Очерки, стр. 330.
17. Хар. ист. арх., отд. I, № 16.

посполитых. Партии эти обыкновенно прибывали в очень жалком состоянии; оружия было у них мало, ибо посполитые более были склонны к лугу и косе, чем к сабле, которых у них никогда и не было в запасе. Вот пример состоянии такой партии, назначенной и прибывшей на линию: она носила воинственного, ибо собрана была из малолетних и престарелых, что может служить доказательством, с какою трудностью исполнялись приказы о наряде людей. Трудно было допустить, чтобы генералы, предъявлявшие эти требования, не видели и не знали о том жалком состоянии, в котором находились тогда слободские полки, доведенные до такого состояния всеми этими реформами и непосильными требованиями. Несмотря ни на какие резоны, представляемые генералам, от требований своих они не отступали. Для понуждения полка к точному исполнению указов и присылке людей, в Харьковский полк был командирован весною полковник Пасек; ему было поручено осмотреть, в каком состоянии находятся наряженные к отправлению в поход люди, и принудить полк выслать все и в том именно количестве, которое требовалось указом. И вот, грозя «тяжким Ея Императорского Величества гневом», «жесточайшим штрафом» (не денежным, а телесным) и даже смертною казнью, полковое начальство гнало на эту злополучную линию всех – стариков и малолетних. Из 326 человек, прибывших на Украинскую линию, было «конных, оружейных 96 челов.; с копьями 10; пеших оружейных 36 и пеших с копьями 184. Из этой команды убежало 69 челов.; на лицо, по раскомандировании в разные места, осталось 124 челов.; а из них 34 челов. было престарелых и 26 малолетних»[18]. Следовательно, из такой большой команды в 326 челов., собственно, годных осталось только 64 казака. Вышеприведенные данные как нельзя красноречивее показывают состояние полка в то время. После этого делается неудивительным отношение казаков к службе, к этой ненавистной для них линии с которой приходилось им возвращаться, «як лыхо, зогнувшись», а скольким даже и в таком жалком виде не удавалось вернуться в дом свой, а пасть на месте, сраженным не пулею или татарскою стрелою, а болезнями, которые так распространены были там, вследствие изнурения работами и недостатка в пище.

18. Хар. ист. арх., отд. I, № 16.

ГЛАВА V

Объявление Турецкой войны. – Причины, вызвавшие ее. – Поход генерала Леонтьева 1735 г. – Указ о походе 1736 г. – Приготовления Миниха к походу. – Обоз армии. – Степи. – Степные пожары. – Встреча с татарами. – Движение к Перекопу и вглубь полуострова. – Хитрость Миниха. – Взятие Бахчисарая. – Обратное движение к Перекопу. – Изнурение армии. – Возвращение полка домой. – Татарские нападения. – Приказ слободским полкам. – Командирование полковника Лесевицкого. – Затруднение исполнить приказ. – Указ о новом походе. – Непосильные требования. – Инструкция о наборах. – Заготовка волов для армии. – «Доношения» и «покорные репорты» сотников. – Указ Ласси. – Доношение Тевяшева и полковой канцелярии. – Доношения сотников о материальном состоянии их сотен. – Побеги и бедственное состояние казаков. – Поход Ласси в Крым. – Бомбардировка турками русского лагеря. – переправа через Сиваш. – Движение вглубь полуострова. – Сожжение татарских деревень. – Мест казаков. – Сражение с татарами. – переправа через Занзар. – Сильная жара. – Смертность, падеж лошадей и недостаток фуража. – Отступление армии Возвращение полка домой. – Указ о починке укрепленных мест в полку. – Причины неисполнения указа. – Кампания 1738 г. – Выступление полка в поход. – Отступление полков в Слободской Украйне. – Продовольствие их. – Инструкция об учреждении карантина; караулы. – Прекращение торговли. – Донесение атамана Гончаренки. – Местность, где была эпидемия в Харьковском полку. – Недобросовестное исполнение караулами своих обязанностей. – Результаты чумы и ее прекращение. – Пожары. – Последний татарский набег на Украйну. – Указ об укомплектовании сотен и о готовности к походу. – Ответ на него полковника. – Средство увеличить число казаков. – Слухи о неприятеле. – Выступление полка. – Участие его в последний год войны. – заключение мира. – Результаты войны. – Развитие бегства. – Причины того. – «Доношения» сотников. – Указы о непринимании беглых. – Побег поручика Квитки. – Ведомости о состоянии полка в 1741 г. Сравнение их с переписью 1732 г.

Так как Крым находился в вассальной зависимости от Турции, то Россия неоднократно предъявляла этой державе свои требования обуздать татар и не позволять им делать свои опустошительные нападения на южные ее границы. Порта в ответ говорила, что исполнить подобные требования, несмотря на свое искреннее желание, она не может, ибо татары ее не слушаются, чему отчасти и можно было поверить, так как удержать татар от грабежа, которым они исключительно только и жили, было трудно. С другой же стороны, Порте было невыгодно особенно энергично ратовать против того – она постоянно пользовалась плодами татарских набегов, и ей перепадала немалая толика их добычи; почему султаны, всегда так жадные до подарков, делали больше вид, что недовольны татарскими нашествиями. Россия это хорошо понимала и потому, не видя другого исхода, решила объявить войну Турции; к этому представлялось удобное время, так как она воевала тогда с Персией.

С 1735 г. началась эта продолжительная война. Все наши военные действия, главным образом, были направлены против Крыма, с целью окончательного его завоевания.

Главнокомандующим был назначен фельдмаршал граф Миних, бывший, впрочем, против этой войны, которая открылась осенью походом 40-тысячного корпуса генерал-лейтенанта Леонтьева. Ему было приказано опустошить весь Крым, освободить пленных и, по дороге, истребить ногайских татар. Дожди, снега и морозы, при страшной гололедице, заставили этот отряд, дошедший до р. Мертвых Вод, вернуться обратно. Почти все лошади корпуса от недостатка корма и вследствие дурной погоды пали, и возвращаться домой приходилось пешком. В недалеком этом походе принимала участие и часть Харьковского полка, под командою полкового обозного Ивана Григорьевича Квитки. Такою бесплодною прогулкой по степи и закончилась кампания этого года, будучи, по случаю ненастной погоды, отложена до следующего, когда военные действия возобновлены были весной, в конце апреля. 5 марта получен был в полку указ на имя полковника Тевяшева быть готовым к предстоящему походу, а указ 12 марта 1736 г. повелевал задержать крымских купцов, находившихся в слободских полках[1]. Помня неудачные крымские походы прежних лет, Миних сделал некоторые приготовления; так, он построил целый ряд редутов в известном расстоянии один от другого; в них были помещены отряды, чтобы давать приют обозам и курьерам; на пунктах этих заготовлялся фураж для армии. 20 апр. Миних с войсками, простиравшимися до 58 тысяч[2], в числе которых было 4 тысячи украинских казаков, двинулся пятью колоннами в поход, в Крым. Обоз этой армии был до невероятия громаден. По словам Манштейна, «армия Миниха не выступала в поход иначе, как в сопровождении обоза из 90 тысяч повозок»[3]. Это несоразмерное их число было в армии для возки продовольствия, ибо на добывание такового на месте рассчитывать было нельзя; необходимо было возить также с собою дрова для варки пищи. Степи, по которым приходилось двигаться, были лишены не только деревьев, но можно было пройти 10–20 верст, не встретив ни единого кустика. Армия, выступая с ночлега, не знала, найдет ли она воду на новой стоянке; поэтому, не желая подвергать войска страданиям от жажды, которая так сильно мучила людей во время похода Голицына, фельдмаршал распорядился, чтобы в каждом полку было до 10 бочек, которые имели, впрочем, еще и другое назначение – они служили для устройства плавучих мостов: для этой цели имелось еще в полках от 8 до 10 дубовых досок[4]. Все это и доводило число повозок до такой баснословной цифры, что, конечно, страшно отягощало армию и замедляло ее движение. Степи представляли только то удобство, что не нужно было заботиться о фураже, ибо его было изобилии: трава в степи была превосходна и достигла высоты в рост человека. Эта трава могла обеспечить корм для армии, правда, только в начале лета, пока не дозревала и не высыхала. С половины же июля эта самая трава представляла большую опасность, так как ее легко можно было зажигать, что довольно часто татары и практиковали. Огонь, гонимый ветром, быстро двигался вперед, и степь тогда представляла собою целое море огня: вся армия могла бы сгореть, если бы не принимали против этого некоторых мер: на ночлег нужно было окапывать бивак рвом, в два фута шириною, чтобы, в случае степного пожара, преградить путь огню, для тушения которого приказано было на каждую подводу брать метлы. В степи не было никаких особо проложенных дорог – путь был везде, вследствие полного простора: это давало возможность армии, в случае близости неприятеля, строиться в одно, или несколько каре, помещая обоз внутри.

В этот поход отряд Харьковского полка выступил, под командою того же обозного Квитки (от всех слободских полков 4200 казаков); с полком добровольно отправился и циркуновский священник от. Степан Бугаевский[5]. Войска двигались левым берегом Днепра. 7-го мая ген. Шпигель встретился с татарами, в числе 20 тысяч, в урочище «Черная Долина», где когда-то,

1. Хар. ист. арх., отд. I, № 1.
2. Г.-лейт. Леер. Энцик. слов. воен. и мор. наук., том IV.
3. Д.И. Багалей. Очерки, стр. 336.
4. Там-же.
5. Преосв. Филарет. Отд. II, стр. 175.

во время походов Голицына, понесли такое страшное поражение слободские полки – Сумский и Ахтырский. Татары бросили на русский отряд, высланный на разведку, но через шесть часов подошел Миних, и неприятель обратился в бегство, оставя 200 челов. убитыми. Встреченные Шпигелем татары были из отряда Калга-Султана, высланные также на разведку. Пленные показали, что сам хан с 100 тысячами стоит у Перекопа, куда армия и двинулась в одном общем каре, с обозом в середине.

В сражении при Черной Долине участвовали и харьковцы, где много казаков и старшин слободских было убито.

Дальнейшее движение к Перекопу прошло без стычек; только 14-го мая, при выступлении с ночлега русские были окружены массою татарских наездников[6], но несколько пушечных выстрелов было достаточно, чтобы вся эта орда обратилась в бегство и укрылась за перекопскими укреплениями, перед которыми вечером того же дня армия и остановилась. Перекопом Миних овладел 21 мая 1736 г. После этого, отрядив ген. Леонтьева в Кинбурн (10 тысяч регулярных и 3 тысячи казаков), Миних двинулся далее, внося войну в самый полуостров, в Козлову (Евпатория). Во время этого движения, особенно через морские рукава, на армию нападали татары, но бывали с уроном отражаемы.

5 июня заняли Козлов, самый важный пункт полуострова. Жители зарывали свое имущество, отравляли колодцы, зажгли город, а сами бежали в горы. Около Козлова Миних простоял пять дней, чтобы дать отдых войску и напечь хлеба и сухарей. Имея намерение отсюда двинуться к ханской столице – Бахчисараю, фельдмаршал приказал распускать слухи, что армия отсюда отправляется обратно к Перекопу. Благодаря этой хитрости, татары были введены в заблуждение и не успели испортить дорог, ведущих к Бахчисараю. 15 июня подошли к городу, откуда Жан в продолжение долгого времени предпринимал свои губительные набеги на Россию. Татары не ожидали и, видимо, не допускали возможности появления русских под своею столицей, почему город этот вовсе укреплен не был, но на защиту его со всех сторон стекались татары и заняли все доступы через горы со стороны Козлова. Оставя четвертую часть сил своих, под начальством Шпигеля, для обороны лагеря и обоза, Миних, по пробитии вечерней зари, двинулся к Бахчисараю по трудной горной дороге и, незаметно обойдя татар, 16-го июня на рассвете появился в виду города. Татары оказали отчаянное сопротивление, их поддерживали янычары, составлявшие гарнизон города. Вначале авангард, в котором были казаки, был им опрокинут, но подоспевшая пехота решила дело, ворвавшись в Бахчисарай. Город, богатейший дворец хана, из которого владетель его бежал раньше, были преданы грабежу и огню.

На другой день, 17-го июня 1736 г, армия преследовала неприятеля за р. Салгир. Генерал Измайлов без боя занял г. Симферополь.

На этом остановилось завоевательное движение Миниха, и он принужден был повернуть назад к Перекопу. К этому решению понудило его то, что войска были страшно изнурены походом и нестерпимым жаром знойного лета. Миних сам был виновен в этом изнурении, ибо начинал движение обыкновенно в самую жаркую пору дня; недостаток в воде к тому же сильно давал себя чувствовать, ибо татары, отступая перед русскими, портили воду, бросая туда всякие нечистоты[7], а рек в Крыму очень мало.

Одна треть всего войска лежала в болезнях; был также полный недостаток в провианте; и, если бы казакам не удалось захватить 10 тысяч баранов и некоторое количество рогатого скота[8], то армии пришлось бы попросту голодать. Приняв решение отложить завоевание Крыма до следующего года, Миних отвел армию к Днепру, а слободские полки отпустил по домам.

6. Ген.-л. Леер. Энцик. Слов. Воен. И мор. н., т. IV.
7. Д.И. Багалей. Очерки, стр. 337.
8. Там-же.

В Харьковском полку на винтер-квартирах расположились генерал Леонтьев со своим штабом и три пехотных полка, получавших провиант от полчан[9].

Результатом похода этого года была гибель людей и лошадей от истощения и болезней, ибо в боях пало не более двух тысяч. Изнуренные трудным походом, болезнями и потерями на поле сражения при Черной Долине, вернулись домой харьковцы, чтобы отдохнув за зиму, собравшись с силами, на другой год снова нести свои головы все в тот же дорого стоивший им Крым.

Рядом с походом русских войск, татары не переставали нападать на Украйну. Не успел полк воротиться домой, как за ним, почти по пятам, шли татары и делали свое дело. Так, 15 ноября 1736 г. было получено в полку известие, что татары прорвались через линию и грозят нападением[10]. В виду неожиданности татарских набегов, слободским полковникам приказано было жить не в полковых своих городах, а в пограничных местах для удобства наблюдения за неприятелем и скорости доставки донесений[11].

Воротившимся домой харьковцам неособенно-то пришлось и отдыхать: для наблюдения за татарами, содержания разъездов от р. Вороной до крепости Кази-Керменя, для защиты редутов, курьеров и провозимого провианта был командирован полковник Ахтырского полка Лесевицкий, с командою в 600 челов. В состав этого отряда приказано было назначить и из Харьковского полка казаков; так как приказ получен был 11 авг. 1736 г., в то время, когда полк находился на обратном походе из Крыма, то набрать требуемое число людей в эту командировку, видимо, было трудно, ибо есть донесение перекопского сотника, что он был не в состоянии исполнить предписания полковой канцелярии – выслать даже только шесть казаков, назначенных от этой сотни в отряд полковника Лесевицкого[12]. Кроме этого, около м. Тора (Славянска) находился уже небольшой отряд харьковцев, силою в 109 казаков, под начальством сотника Ковалевского, для наблюдения за степями, грозно-таинственными в своем кажущемся спокойствии, но готовыми ежеминутно оживиться появлением царей своих – диких ордынцев.

25 февр. 1737 г. получен уже был в канцелярии указ готовиться к новому походу. На этот раз полку предъявили требования не по его силам. Так командирован был в полк Изъединов для набора в одном Харьковском полку 1146 казаков и посполитых[13], а после пришла еще одна инструкция о наборе 3 тысяч человек и еще одна о наборе 737 челов.[14] вооруженных и с провиантом на 6 месяцев! Набрать людей приказано было из подпомощников, причем инструкция не допускала наемных. Нужное количество людей приказывалось распределить по сотням равномерно тому числу ранговых казаков, какое по штату положено было иметь в них. Требования эти, с грозным началом: «по указу Ея Императорского Величества», сыпались в полк с разных сторон, так что неизвестно было, какие из них и исполнять. Эти указы показывали ясно только то, что начальство не имело понятия об истинном положении дел в полку, не хотело во внимание все те поборы и повинности, которые несли слободские полки. Требовали не только несоразмерно большое число людей, которым нужно было пахать, сеять, косить, но брали, не платя ничего, подводы, фураж, провиант; а теперь было приказано заготовить волов для армии, и полк Харьковский должен был скупить и приготовить 1309 голов[15].

Рядом с присылкой в канцелярию указов, побуждавших исполнять их «безотлагательно», под разными угрозами, в ту же канцелярию сыпались бумаги другого рода, долженствовавшие не в меньшее, если не в большее уныние повергать полковника, который являлся козлом

9. Мос. отд. арх. Гл. Шт., оп. 47, № 2.
10. Хар. ист. арх., отд. I, № 1.
11. Там-же.
12. Хар. ист. арх., отд. I, № 1. Мос. отд. арх. Гл. Шт., оп. 47, № 2.
13. Там-же.
14. Там-же.
15. Мос. отд. арх. Гл. Шт., оп. 47, № 2.

отпущения и должен был отписываться на указы, присылаемые от Ласси (этот «русский» фельдмаршал все свои указы подписывал по-немецки, может быть, иногда и не зная, что он там подписывает, ибо для него недоступно было чтение этих указов, написанных на варварском языке писарем, стремившимся, по тогдашнему обыкновению, только к тому, чтобы наставить возможно больше разных произвольных крючков, украсивших по его мнению почерк). Бумаги, посылаемые в канцелярию, с другой стороны, были «доношения» и «покорные Репорты», в которых сотники утешали полковника известиями, что у казаков нет совсем лошадей, – а требовалось их по две на каждого, нет даже таких, на которых казакам можно было бы гнать волов в армию[16], и нет оружия; наконец, некоторые сотники доносили, что и полного числа казаков нет в сотнях.

Особенно ясно и характерно высказалось это непонимание немецкими генералами истинного положения дел в полку в этом году. Фон-Ласси прислал 20 февр. 1737 г. свой указ на имя полковника Тевяшева, снабженный всем для его устрашения – и именем Ея Величества, и обещанием приличного наказания за неисполнение; в этом указе приказывалось полку нарядить в армию «Его Высокоповелительства» (Ласси) тысячу человек, с полковником и старшиною; кроме этого приказывалось назначить для содержания патрулей от Спеваковки до Лугани 34 челов. и в г. Бахмут 32, а остальных казаков выслать на Украинскую линию; и все это «с провиантом на 6 месяцев, в надлежащей воинской исправности». Отрядам этим, в какое место кому было назначено, предписывалось явиться «на рандеву» непременно к 1 апреля. Получив такое требование нарядить 1066 ранговых казаков, «а остальных» выслать на линию, при штате полка в 600 человек и при расходе в силу указов того же начальства по разным командировкам, полковник Тевяшев написал «всепокорное доношение», в котором «всенижайше» просил его высокоповелительство, чтобы ему, «занеудоб возможностью» исполнить предписание, не остаться «в напрасном истязании», – сообразить следующее: в Харьковском полку, согласно царскому повелению (1733 г.), положено иметь выборных казаков 800 челов.; из этого числа по такому же указу, велено 100 казаков отделить в регулярную роту; к этому же числу, по определению[17] при полку, значит, было тогда на лицо только 188 казаков, которыми полковник мог распоряжаться, но довольно трудно было ему обратить их в 1066 и иметь, к тому же, еще «остальных». Есть и другое «доношение» полковой канцелярии, в котором говорится, что так как казаки все раскомандированы, то люди наряжены из подпомощников, но указанного числа набрать все-таки нельзя, ибо подпомощники большею частью разбежались, а каких удалось собрать, те на плохих лошадях и вооружены дурно – «за оскудением». По поводу наряда требуемого числа казаков, канцелярия, по обыкновению, разослала предписания по сотням, как-бы умывая руки, ибо ей, конечно, хорошо было известно истинное положение дел; в них она, с своей стороны, требовала от сотников назначения нужного числа людей в поход. На это последовали из сотен следующие ответы: сотники Угольчанский, Валковский, Перекописский и Люботинский доносили, что приготовиться к походу в скором времени они не в состоянии, ибо казацкие лошади взяты под подводы, а свойственники казаков большею частью в бегах[18]. Липецкий сотник Авксентьев, командированный также в другие сотни (Тишковскую и Салтовскую), доносил, что он не мог набрать там нужного числа казаков, в удостоверение чего и представлял в канцелярию расписки сотников о том. Положение Харьковского полка было до крайности тяжелое, какого он еще никогда не переживал: поля оставались незасеянными, многое обыватели продавали свои грунты, разорившись совершенно; побеги развелись страшно: казаки бегали с постов (доношение Угольчанского сотника); через Украйну маршировали русские войска, причиняя жителям разные притеснения и обиды, а на них надобно было, к тому-же,

16. Там-же.
17. Мос. отд. арх. Гл. Шт., отд. I, № 19.
18. Мос. отд. арх. Гл. Шт., отд. I, № 19.

поставлять фураж; требовались подводы под тяжести, погонщики к волам, которых приходилось поставлять в армию[19].

Не взирая на такое бедственное положение, полк 17-го апр. 1737 г. выступил в поход, войдя в состав армии фельдмаршала Ласси, назначенной для покорения Крыма. Сам же Миних с другою армиею отправился под Очаков. Выступив из Изюма 1 мая, харьковцы, которых и на этот раз повел тот же Ив. Гр. Квитка, 14 июня переправились через Топкия Воды[20]. Армия расположилась бивакам на морском берегу; 27 июня турецкий флот, близко подойдя к берегу начал бомбардировку лагеря; это же продолжалось 28, 29 и 30 июня, но русские отвечали туркам, энергично. Неприятель, потеряв один фрегат, много кораблей и людей, принужден был уйти в открытое море. Ласси, желая обойти г. Перекоп, где был расположен 60-ти тысячный татарский отряд, по Арбатской стрелке вступил в Крым. Двигаясь далее, армия 2 июля к Гнилому морю, через которое войскам приходилось переправляться. Ширина этого затона Азовского моря была 14 верст; место это в Крыму славится своими лихорадками. Конница пошла через это море и в брод, и вплавь, а пехота переплавлялась на плотах, сделанных из пустых бочек и другого материала, найденного при армии; артиллерию перевозили также на плотах, а некоторые казацкие пушки тащили просто по дну за собою, что было возможно при незначительной глубине этого моря. После этой отважной переправы, армия пошла вглубь полуострова и двигалась до 9 июля, беспощадно предавая огню и грабежу встречающиеся по пути татарские деревни. Особенно на этом поприще отличались казаки, отплачивая татарам их же монетою. Накипевшая веками ненависть вызывала подобную месть; среди казаков не было ни единого, который бы при этом случае не мстил за смерть или плен кого-либо из близких ему людей. Удивляться жестокости этой войны нельзя, – с татарами другой образ ведения ее был бы неприменим.

14-го июля 1737 г. взят был и сожжен г. Карасу-Базар. На следующий день, 15 июля, происходило сражение с татарами, продолжавшееся целый день. В этом деле несколько раз жизнь Квитки подвергалась опасности: два раза его «мало не вбито»[21] из пушки и дважды ружейною пулей. В битве этой татарами предводительствовал сам хан. Победа осталась за русскими; к вечеру харьковцы благополучно пришли в лагерь. 16-го июля подошли к Занзару, по дороге жгли также татарские деревни. 20 и 21 июля харьковцы находились в ариерграде, с ними были их пушки. Татары в эти дни несколько раз делали свои нападения, но их отбивали постоянно с уроном. 21- го, во время переправы через Занзар, после полудня, татары сделали сильное нападение на обоз; завязалась перестрелка, и неприятель только к вечеру отступил.

Между тем, от стоявших первое время сильных жаров и от недостатка воды, всем приходилось переносить много страданий, – казаки погибали, лошади их издыхали. Только 29-го июля, когда кончилась переправа через Занзар, эта удушливая жара разразилась грозою и сильным дождем; благодаря этому воздух очистился, и армия вздохнула свободно, спеша собрать дождевую воду; поили ею свой скот и лошадей и сохраняли ее в запас[22].

По причине недостатка в фураже и распространившейся сильной смертности среди людей и падежа лошадей и скота, армия пошла обратно из Крыма. Харьковцы, отдохнувши на р. Молочныя Воды (р. Токмак, впадающая в Азовское море), двинулись домой и прибыли в Харьков 14 сентября 1737 г. Они, вероятно, в недоумении задавали себе вопрос, зачем их, вот уже третий год подряд, водят в Крым, где они умирали от изнурения и болезней; они понимали, что несколько десятков сожженных деревень татарских не есть еще завоевание Крыма, что эти ежегодные походы не достигают своей цели, не удерживают татар от нападения на Украйну. Так и теперь нашествие их ожидалось – это видно из того, что в том году последовало предписание

19. Там-же.
20. Фамил. лет. Квиток, изд. Д.И. Багалея.
21. Фамил. лет. Квиток, изд. Д.И. Багалея.
22. Фамил. лет. Квиток, изд. Д.И. Багалея.

начальства починить Харьковскую крепость, а также и другие укрепленные места в полку. Крепость в Харькове, благодаря немалому уже времени, что пришлось стоять ей, а главное «через пожарное разорение»[23] (1733), пришла в большой упадок. г. Харьков, ни до этого времени, ни после, осажден неприятелем никогда не был, хотя отстреливаться ему приходилось не раз.

Для починки крепости весь нужный для этого материал приказано было брать из помещичьих дач, а рабочих из владельческих обывателей. Приказ о починке этих крепостей пришел в тяжелое время – он довершил отягощение и переполнил чашу. На предписание полковой канцелярии приступить к работе некоторые сотники сообщали, что произвести починку они не могут; другие доносили, что выслать требуемого числа рабочих для поправки Харьковской крепости они также не могут, ибо люди разбежались. Так, напр., для исправления крепости в Харькове требовалось 381 подвода и 400 пеших людей[24]; требовавшиеся люди и подводы были распределены по сотням, но прислано их было только 206 подвод и 284 челов.; из этого же числа разбежалось 83 челов. пеших и с подводами ушло 113. Значит, в починке участвовало только 93 подводы и 201 пеших людей, вместо 381 и 400 челов. Сотник доносил, что в Тарановской крепости нет ни пушек, ни пороху, ни ядер, а сотники Ольшанский, Золочевский, Валковский, Пересечанский и Мерефянский доносили, что они крепостей своих починить вовсе не могут, за полным недостатком рабочих, ибо люди, после назначения их на работу, обыкновенно разбегались[25].

Кампания 1738 г. принесла еще меньше результаты, чем предыдущего; она была положительно неудачна. Харьковский полк, после обычных требований набора людей в большом количестве, 31 марта[26] выступил в поход из Харькова с генералом Ласси в очень скромном количестве и, снова переправясь через Сиваш, вошел в Крым, откуда в скорости армию принуждены были вывести обратно. Более страшный враг, чем татары и зной, при недостатке пропитания, гнал на этот раз армию – чума, заставившая очистить даже завоеванные в прошлом году крепости Кинбурн и Очаков, где в этом году были и харьковцы, в числе 100 казаков, при сотнике и подпрапорном[27].

Фельдмаршал Ласси, по возвращении из похода, расположился на зиму со всем своим штабом в Бабаях – селе Харьковского полка – и в ближайших к нему деревнях, не избрав полкового города своею штаб-квартирою, в виду свирепствовавшей там чумы. Войска его расположились на винтер-квартирах, в пределах трех слободских полков (шесть драгунских и восемь пехотных. На долю харьковцев выпало поить и кормить один драгунский и четыре пехотных полка). В силу указа Ласси харьковским слобожанам приходилось продовольствовать «без заплаты» весь многочисленный штаб фельдмаршала, половину расположенного в полку числа людей провиантом и казенных лошадей овсом, сеном же – лошадей всех пяти полков. Для продовольствия другой половины было приказано устроить провиантские магазины, из которых бы полки могли получать провиант и овес. Но так как в этих магазинах не было заготовлено кн. Трубецким, которому было поручено это, ровно никаких запасов, даже после неоднократных требований Ласси, то довольствовать войска пришлось все тем же многострадальным обывателям; у них, правда, бралось «под квитанции», но к ним полчане, наученные горьким опытом, относились с большим недоверием. Год этот был неурожайный, и запасов у самих жителей было немного; поэтому фельдмаршал Ласси, входя в тяжелое положение жителей, предписывал в своем указе производить сборы, не причиняя полчанам насилия и обид, но одно

23. Хар. ист. арх., отд. 1, № 9.
24. Хар. ист. арх., отд. 1, № 9.
25. Хар. ист. арх., отд. 1, № 9.
26. Фамил. лст. Квиток. Харьк. Календарь 1885 г.
27. Хар. ист. арх., отд. 1, № 27.

это предписание уже красноречиво свидетельствует о тех способах, которые практиковались войсками при сборах[28].

Помимо страшного отягощения, причиняемого постоем, возвратившиеся из похода войска внесли в Харьковский полк еще и чуму. Эпидемия эта началась в Турции, разразилась с страшною силою в Яссах и Бухаресте, далее проникла в Польшу, появилась в гг. Барс, Могилеве, Каменец-Подольске и др. и стала свирепствовать на Украйне[29]. Была разослана инструкция, в которой указывались меры предосторожности, и, рядом с этим, было приказано на границах Турции и Польши учредить карантины, для чего поставить заставы, где бы задерживались все, идущие из тех земель. Проезжающих приказано было выдерживать некоторое время в карантине, проветривать их вещи и строго смотреть, чтобы через линию этого оцепления никто бы не прорывался. Харьковскому полку было приказано доставлять дрова и съестные припасы людям, стоящим на форпостах и в карантине (приказ 13-го ноября 1738 г.). Кроме этого, нужно еще было из здоровых мест полка доставлять съестные и питейные припасы в местности полка же, но зачумленные[30], причем запрещалось жителям зараженных мест переходить в здоровые местности, для охранения которых внутри области полка были расставлены караулы по дорогам, ведущим из г. Харькова в Безлюдовку, Хорошево, Островерховку, Аксютовку, Тор, Гуляй-Поле и Мерефу; даже по маленьким дорожкам были расставлены караулы. Каждый пост состоял из обывателей не менее пяти человек. Им было приказано никого не пропускать из м. Змиева, под угрозою смертной казни. Для большего же внушения страха поставлены были на дорогах виселицы[31]; все маленькие тропинки приказано было завалить и зарубить. Людей стоящих на постах, приказано было переменять через неделю, но они часто разбегались, за недостатком съестных припасов. Так, разбежались многие казаки из команды Изюмского полка[32]. Везде прекращены были ярмарки, торговля.

Для ограждения полкового города вокруг расставлены были также караулы, для чего приказано было командировать из сотен казаков в г. Харьков в числе 200 человек. Для содержания караулов полковник Пасек, назначенный для наблюдения за патрулями в Харьковском полку, ордером потребовал также 66 казаков. В м. Змиеве находились косари для заготовки сена на полк. Между ними появилась чума; для расследования об этой болезни был послан харьковский атаман Гончаренко. Он, возвратясь оттуда, доносил, что 30 июля умерло от чумы в одне сутки 5 челов.; в команде же косарей заболело горячкою 17.

В следующих местах полка свирепствовала эпидемия: в с. Новом-Салтове, Хотомле, Мартовом[33] (доношение Кошелева от 17 июля 1738 г.) и в самом Харькове (рапорт 5-го окт.)[34], которого не спасли караулы, ибо чума туда проникла. Если судить по одному известному нам случаю, то эти караулы и не могли предохранить от заразы, ибо они не особенно добросовестно исполняли свои обязанности: так, писарь м. Волчьяго пропустил 7 казаков, притом даже беглых с линии, через посты, не выдержав их в картине, взяв за это взятку[35]. Много жертв выхватила эпидемия эта из полка. По ее окончании, в ответ на требование начальства об укомплектовании сотен, для отправления в поход, посыпались доношения старшин, что людей взять неоткуда, ибо казаки, их братья и свойственники в сотне, наприм., Салтовской и в Безлюдовке, «вымерли едва

28. Мос. отд. арх. Гл. Шт., оп. 47, № 2.
29. Бантыш-Каменский. Ист. Мал. Рос., ч. III, стр. 71.
30. Хар. ист. арх., отд. I, № 17.
31. Хар. ист. арх., отд. I, № 17.
32. Там-же.
33. Там-же.
34. Там-же.
35. Там-же.

не совсем»; то же было и в двух харьковских сотнях[36]. Далее, липецкий сотник (2 апр. 1738 г.) доносил, что казаки вымирали «целыми семьями»[37].

Чума, начавшаяся в Харькове и в других местах полка в августе 1738 г., продолжалась в сентябре; в октябре эпидемия продолжалась, «воздух был смрадный», многие дома вымирали до единой души. Только в ноябре чума или, как ее тогда называли «опасная болезнь» стала понемногу стихать и прекратилась совершенно только в декабре[38].

Лето этого года отличалось частыми «шкодливыми громами», бывшими причиною многих пожаров. Так, в Харькове 3 июня сгорели две церкви – Пр. Богородицы, в Покровском монастыре, и св. Благовещения, – и одна в с. Безлюдовке[39]. Год этот замечателен в истории Слободской Украйны еще и в том отношении, что татары в последний раз появлялись в ее пределах. В 1738 г. сам Хан участвовал в набеге на Украйну, придя к Донцу[40]. Татары в этот свой последний набег сожгли несколько сел и увели много пленных, по некоторая часть из них была отбита.

Главная гроза пронеслась мимо, так как крымцы всеми своими силами на этот раз обрушились на Малороссию; Слободская Украйна избегла большой беды, которая, по всем видимостям собиралась над нею. Летом этого года в степи начало замечаться большое оживление, предвещавшее незаурядный набег, с которыми жители свыклись и на которые давно перестали уже обращать большое внимание, подтверждая всем известную истину, что человек может свыкнуться со всеми невзгодами, даже с теми ужасами, которые несли с собою татары. Это равнодушие к опасности выражалось в плохом состоянии укреплений – рвы засыпаны, валы обрушены: в крепостях не было пороху и ядер. Разъезды, высылаемые далеко в степь для разведок, доносили, что кочевые татарские племена начали подыматься – «кормить своих лошадей», что даже сам крымский хан готовится со всею ордою сделать нападение на русские границы, и что в его отряде имеются даже турецкие войска. В виду готовящегося такого большого набега, потребовались и соответствующие меры предосторожности и приготовления к отпору неприятеля. Фельдмаршал Миних и начальник края Румянцев указами своими распорядились о приведении в полную исправность всех укрепленных мест в слободских полках; пограничные местечки должны были укрепляться земляными валами, рогатками или палисадами. До этого времени небывшее укрепленным в Харьковском полку м. Дергачи приказано было теперь укрепить, имея в виду поместить там полковой обоз; для этого дергачевским жителям пришлось в самое короткое время приготовить 700 двухсаженных палисад, заострив каждую и продолбив в двух местах. Так как почти все казаки дергачевской сотни находились в раскомандировании, то пришлось для укрепления местечка ограничиться только этим, копать же ров положительно было некому. Далее приказано было обывателям вооружиться ружьями, никому не отлучаться из своих мест, чтобы быть готовыми на случай тревоги скакать на сборный пункт для отражения ожидаемого врага. Небольшие партии татар все чаще и чаще начали появляться около границы; маяки засветились, предупреждая жителей о близости грабителей. Отовсюду начали присылаться донесения, что напр., бахмутские солевары, поехавшие за дровами в лес, попались в плен, что сторожевые разъезды едва могли уйти от преследования и т.п. Жители мест неукрепленных, напуганные тревожными вестями, спешили укрыться со своим скотом и имуществом в крепостях, представлявших обыкновенно надежную защиту от татар, нелюбивших терять время на осаду их; в селах и хуторах остались только пастухи и люди, которым терять было нечего. При таком тревожном положении, когда

36. Хар. ист. арх., отд. I. № 27.
37. Там-же.
38. Фамильн. лст. Квиток, изд. Д.И. Багалея.
39. Там же.
40. Д.И. Багалей. Очерки, стр. 341.

приходилось со дня на день ожидать нападения, когда каждый казак был дорог и необходим для охраны своей родной земли, требовалось еще назначить тысячу казаков на линию, область же полка оставалась, таким образом, совсем без защиты, если бы татары прорвались через линию, что им удавалось не раз. Полк грозному врагу, грозному именно своею численностью, мог только противостоять 70 казаков[41], которых полковник Тевяшев едва мог собрать, ибо все было раскомандировано, притом полковник жаловался, что лошади его команды худы и изнурены. Некоторые сотни, напр., тишковская, не могли выслать ни единого казака, все находились по разным командировкам. Команду свою полковник Тевяшев повел к Изюму. Но главные тучи собиравшейся грозы пронеслись стороною, и гроза разразилась над многострадальной Малороссией.

Настала весна 1739 г. и принесла с собою несчастным харьковцам, не успевшим еще оправиться после чумы, обычные тяжести. от 23 марта последовал в полк указ, которым повелевалось иметь «прележное старание», чтобы укомплектовать из братьев и свойственников недостающее в полку число казаков и чтобы у каждого казака было по две лошади, исправное оружие, огнестрельные припасы, все вообще нужное и провиант на шесть месяцев. В предстоящий поход должен был выступить сам полковник, со всею полковою старшиною, сотниками, подпрапорными, с артиллерией, для которой лошади должны быть приготовлены хорошие; разрешалось, впрочем, вместо их иметь в волов, которых нужно было собрать также и для возки провианта. Для выступления в поход повелевалось ждать особого приказания, с получением которого следовать немедленно на «генеральное рандеву». Волов, назначенных в армию, никуда на тяжелые работы не брать; для присмотра за ними нарядить погонщиков из обывателей, по одному человеку на всякую пару волов; приготовить же на каждую пару по повозке в полной исправности, а также косы, топоры, долота и бурава. Для надзора за погонщиками на каждые сто человека назначить по одному подпрапорному, которому строго следить за тем, чтоб они не разбегались. Писавшие эти указы знали хорошо, что полчане крайне неохотно отдавали волов своих, ибо им за них по большей части не платили, почему приказывалось объявить им и обнадежить их, чтобы они «сумления не имели, что за оные (волы) всеконечно учинена иметь быть заплата»[42]. Таков был приказ, на который полковник преакуратно не замедлил ответить, что он его получил и повелел сотенной старшине «найкрепчайше», чтобы все было исполнено, и что по сотням были посланы полковые старшины для осмотра, по окончании которого они представили свои репорты далеко не утешительного свойства: что полного числа укомплектовать невозможно, что в некоторых сотнях (в Харьков, где их числилось две, в Салтовской и Безлюдовской) многие казаки, их братья, свойственники и подпомощники от бывшей моровой язвы «вымерли едва не совсем, если же где и остались, то малолетние»; но и в местах, где эпидемия не произвела таких опустошений, казаки, благодаря безпрерывным походам и командировкам, пришли в крайнее разорение; подпомощники же их тоже разорились окончательно. Если, при крайнем напряжении сил, и можно будет собрать некоторое количество казаков, то у каждого будет только по одной лошади – и то с великими трудностями достать их будет можно. К тому же из комплектных казаков 100 человек находилось тогда в Очакове, 50 содержало патрули от Спеваковки до Лугани, а 79 человек взято было в регулярные роты, на место умерших и беглых[43].

Для того же, чтобы увеличить комплект казаков, последовал приказ всех детей старшинских и подпрапорных, которые в возрасте, но не несут действительной службы, а только

41. Харьк. ист. арх., отд. 1, № 19.
42. Харьк. ист. арх., отд. I, № 27.
43. Там-же.

иногда исправляют временно некоторые должности, – всех их назначить подпрапорными, если они достойны того; если же нет, то записать в рядовые казаки.

Из «походной канцелярии» Румянцева получено было 7-го марта 1739 г. сообщение, что неприятель ворвался в наши границы и что по слухам, он намерен «вдарить» на слободы. По этому предписывалось полковнику, приготовиться к отпору и к походу[44]. Выступил полк 26 апреля в следующем составе: 10 человек полковых старшин, считая тут и полковника, 7 подпрапорных, 1 литаврщик, 9 пушкарей, 480 рядовых казаков, в числе которых 372 казака было, все-таки, двуконные. Всеми правдами и неправдами удалось полковнику Тевяшеву выставить в этот поход казаков, сверх положенного по комплекту, пеших 200 челов., а конных 100. Все они были распределены между 16-ю сотнями полка; в среднем приходилось на каждую сотню выставить лишних по 12 пеших и 6 конных, что, при тогдашнем их плачевном положении, сделать было нелегко, ибо приходилось часто брать по два человека с каждого двора (доношение липецкого сотника), чего прежде никогда не бывало[45].

В последний год этой тяжелой войны полк участвовал в походе Миниха в Молдавию; в августе был при осаде г. Хотина и в битве при д. Ставучанах (17 авг.) с турками, бывшими под начальством Вели-паши (90 тысяч), которые были разбиты на голову; весь лагерь достался победителям. Результатом этой победы была сдача Хотина (19 авг. 1739 г.) После этого армия перешла через р. Прут и 1 сент. занял Яссы. Вскоре заключен был Белградский мир 1739 г., по которому Россия и Порта обязались не допускать казаков и татар беспокоить друг друга; с этого времени татары прекратили свои набеги на Украйну.

Итак, все эти походы Миниха и Ласси, кроме больших потерь в людях, гибнувших образом, от болезней, изнурения и голода, когда солдаты, даже офицеры, подали мертвыми на ходу[46], – не принесли ровно никакой пользы, ибо Крым остался непокоренным, – только Азов был приобретен, с условием, однако, срыть его укрепления. Для полка же эти годы были в высшей степени тягостны, вследствие целого ряда обрушившихся на него бедствий. Материальное положение харьковцев было плохо, – плоды их трудов шли на русские войска без всякого вознаграждения, ибо, как пишет в своих записках, к несчастью до нас не дошедших, харьковский полковник Тевяшев: «большею частью брали все без платы, а когда и с платою – по самым низшим ценам и то под росписки, по которым обыватель хотя и обнадежен был в исправном получении за все, однако и до ныне (1763 г.) остается на провиантской канцелярии более 100 тысяч рублей»[47].

Все тягости, постигшие слободского казака, способствовали сильному развитию побегов. Бежал казак из командировок, где приходилось ему просиживать целые годы, будучи оторванным от своей семьи и чистенькой хаты с вишневым непременно садочком, стосковавшись за своими «жинкою та дитками». Бегали казаки с постов, где им приходилось стоять без пищи, терпя голод; бегали с Украинской линии, поглотившей бесконечное число казацких жизней. Часто они это делали, видя и ясно сознавая всю бесполезность того, что их заставляли исполнять; бегали в одиночку, целыми партиями и даже селениями. Какой-нибудь «подпомощник», у которого было на плечах содержание рангового казака, целое хозяйство и своя семья, будучи назначен в далекий поход, трепетал за участь своей жены и детей, оставившихся беззащитными, и убегали. Между тем, его отцы и деды, жившие в те времена, когда не было ни этих линий, ни русских войск в завоеванном ими крае, никогда не бегали, а бились только с татарами. Тяжелое то было время: ежеминутно грозила опасность потерять жизнь и лишиться семьи, но казаки

---

44. Там-же.
45. Хар. ист. арх., отд. 1, № 27.
46. Д.И. Багалєї. Очерки, стр. 339.
47. С.И. Ковалько. Истор.-стат. опис. Хар. Губ. Вед. 1859 г., № 8. Преосв. Филарет. Отд. II, стр. 71.

тогда не бегали; теперь же, когда так, по-видимому, заботились о безопасности слобожан ими не ясновельможные паны полковники, а высокоповелительные графы, побеги все учащались... Бегства эти начали распространяться, и притом в большом числе, когда требования к полку стали предъявляться выше того, что он мог исполнить. Число полковых казаков, за отделением 200 человек в регулярные роты, ограничено было 600, а являлись, как мы видели, такие требования, которые превосходили штат полка в пять раз[48]. Канцелярия, хотя и пыталась иногда разъяснить настоящее положение дел русским генералам, подписывавшимся по-немецки, но это не помогало; тогда она, исполняя требования, назначала казацких братьев, свойственников, даже подпомощников, т.е. людей, несущих немало повинностей, но необязанных служить в строю. Это естественно, вызвало неудовольствия, было причиною разорения и влекло за собою побеги. Канцелярия была просто завалена доношениями от сотников, где они сообщали о бегстве людей. Всякий указ о назначении в какую-либо командировку не обходился без того, чтобы не вызвать целой литературы по этому поводу; то сотники доносили, что назначать некого и не с кем, ибо ни людей, ни оружия не было; то доносили, что столько-то из собранных уже казаков разбежалось. Сами сотники, подпрапорные, да и полковая старшина даже постоянно рапортовались больными, чтобы только не идти в командировки. Полковник Тевяшев грозить «лишением чести и живота» полковому судье только за то, что тот не мог собрать людей к означенному времени, которых требовала полковая канцелярия[49]. Сотник Ольшанский получает ордер, приказывающий выслать десять человек казаков в распоряжение русского офицера; высылаются только четыре, но и те разбегаются, а новых уже вместо них и не назначается[50].

В продолжение 1737 и 1738 гг. из регулярных рот убежало 63 человека, и в числе их капралы. Некоторые беглые укрывались полковою старшиною[51]. Валковский сотник Богаевский доносил, что только за время с 17 июля по 11 августа из его команды, числом в 450 казаков, отправленной на линию в крепость св. Михаила, убежало 89 человек; команда эта должна была, по приказанию полковника Кашинина, косить сено ежедневно без отдыха, с утра до самой ночи. Казаки, доведенные тяжестью работы до изнеможения., побросали своих лошадей и имущество и начали разбегаться. Богаевский донес в канцелярию, что, если она не позаботится об уменьшении работ, он не ручается за то, что и все казаки разбегутся[52]. Такими доношениями о побегах, повторяем, полковая канцелярию был завалена, и привести их можно было бы множество. Главнокомандующие издавали указы о запрещении помещикам принимать в свои слободы беглых; эти указы подтверждались, но мало достигали своей цели.

Жители, например, м. Перекопа ушли оттуда и поселились в хуторе генерала Кейта[53]; согласно приказу, их хотели повернуть обратно, но перекопский сотник Пащинский доносил полковой канцелярии, что приказчик генерала Кейта отказался выдать беглых казаков[54]. Эта слобода начала селиться в 1738 г.[55] поселенцев этих приказано было также выслать на Украинскую линию в числе 210 человек с сотником Ковалевским во всей воинской исправности и с провиантом на шесть месяцев[56]. Но это бежали все рядовые казаки, казаки регулярных рот, посполитые, даже капралы, а вот пример побега офицера регулярной роты, которому служба, казалось бы, не приносила уже таких тягостей, как рядовым: поручик Прокофий Квитка проживал в имении своем в с. Безлюдовке. Ему объявили, что он назначен

48. Харьк. ист. арх., отд. I, № 8.
49. Харьк. ист. арх., отд. I, № 27.
50. Там-же.
51. Там-же, № 22.
52. Там-же.
53. Харьк. ист. арх., отд. I, № 22.
54. Там-же.
55. Там же.
56. Там-же.

в поход на Украинскую линию, и предписывали явиться в роту, которая была уже готова к выступлению и собрана при р. Драгуне. Но так как Квитка этого предписания не исполнил, в роту не поехал, то к нему был послан капрал Семен Гладкий с 4-мя рядовыми, которому было приказано «предложить учтиво» Квитке ехать в роту; если же и это учтивое предложение не будет иметь успеха, тогда привести поручика под караулом. Квитка, когда ему было передано приказание начальства, пустился на хитрость; прикинулся покорным и, сказав, что в роту поедет и в поход пойдет, пошел, под предлогом собираться в дорогу, в другую хату. Надев там вместо мундира сермяжный кафтан, он, с ружьем в руке, в сопровождении одного своего слуги, выскочил из окна и побежал к берегу р. Уд, где ждал его другой человек в лодке, переехал на другой берег и скрылся[57]. Многие рядовые той роты, в которой числился Квитка, оставив ружья, мундиры и амуницию, бежали от предстоящего похода (1738 г.), и Квитку обвиняли в том, что он их будто бы подбил к тому и помогал им[58]. Имение и имущество Квитки были описаны, а его самого было приказано везде искать – он унес с собою 50 руб. ротных денег, которые были при нем.

В делах сохранились ведомости о состоянии Харьковского полка в 1741 г.; причем проводится параллель между населением 1732 г., по произведенной тогда переписи и населением 1741 г. Из этих ведомостей видно, что казаков, их братьев, свойственников за этот период времени уменьшилось на 1034 челов., а число подпомощников на 1856; всего, значить население полка против 1732 г. уменьшилось на 8890 челов.[59] – число немаленькое, ясно свидетельствующее о тех бедах, какие полку пришлось пережить. Остается сожалеть, что нам неизвестно число умерших от чумы, чтобы определить, во что за все это время обошлись харьковцам походы Миниха и постройка этой печальной памяти Украинской линии.

Помещаем здесь эти две ведомости, из которых можно видеть уменьшение числа населения по сотням.

57. Там-же, № 22.

58. Хар. ист. арх., отд. I, № 22., стр. 1.

59. Хар. ист. арх., отд. I, стр. 1, № 54.

Известие от повытья канцеляриста Ак. Протасова, коликое число в Харьковском полку казаков и их детей, братьев и свойственников по переписи 732 году состояло и в нынешнем году по ведомостям оных казаков и драгун и свойственников состоит, о том значится под сим. Июля дня 1741 г.*					
ЗВАНИЕ СОТНЯМ	По переписи 1732 г.		В нынешнем году		
	казаков	Их детей и свойственников	казаков	драгун	Их детей и свойственников
В г. Харькове в обоих сотнях в том числе в с. Даниловке и с. Цыркунах	130	780	83	41	640
В сотне Тишковской	20	120	33	9	190
« « Липецкой	70	420	35	13	326
« « Салтовской	59	354	42	18	201
« « Волчанской	11	66	7	3	42
« « Дергачевской	65	390	49	20	348
« « Золочевской	40	240	32	8	259
« « Пересечанской с д. Песочин	4	270	35	13	242
« « Ольшанской	5	330	45	10	196
« « Люботинской	30	180	22	9	153
« « Угольчанской	50	300	34	10	206
« « Валковской	65	390	52	18	335
« « Перекопской	36	216	24	9	131
« « Хорошевской	35	210	25	7	142
« « Мерефянской	35	210	25	7	142
« « Соколовской и Тарановке	24	324	44	10	198
Итого	800	4800	583	206	3777

*. Хар. ист. арх., отд. I, стр. 1, № 54.

Известие о состоянии Харьковского полку подпомощников по сотням нижеписанных годов**.		
	По переписи 732 г.	Нынешнего 741 г. по сентябрь ведом.
В сотнях Харьковских 3 села	2290	1471
« « Перекопской 3 сла	613	550
« «Люботинской	392	342
« «Угольчанской	592	264
« «Валковской	1293	822
« « Пересечанской с с. Ковягами	525	401
« « Мерефянской « « Островерховской	712	518
« « Соколовской с с. Безлюдовской	514	408
« « Дергачевской с с. Лозовым	1213	1046
« « Золочевской с селами	644	614
« « Липецкой « «	649	559
« « Тишковской « «	134	132
« « Салтовской « «	1110	1182
« « Ольшанской « «	1028	743
Итого	17440	9584

Все это очень красноречивые цифры, ясно говорящие, что реформы, вводимі в слободские полки за то, что они, по выражению указа, так верно и беспорочно «служи. и в таком постоянном и непоколебимом пребывали порядке»[60], привели их еще к большен беспорядку и разорению, от которых императрица Анна Иоанновна стремилась их избавит Указ се об этом написан так тепло и сочувственно, что, если бы е воля была исполнена, казака не приходилось бы теперь оставлять насиженных мест, бежать и обращаться в бездомнь бродяг.

**. Хар. ист. арх., отд. I, стр. 1, № 54.

60. Пол. Соб. ЗАк., т. VIII, № 6289.

Просьба слобожан к Императрице. – Донос Надаржинского. Следствие. – Депутация для поздравления. – Сенатский указ. – Царская грамота 1743 г. – Милости слободским полкам. – Введение формы одежды. – Увеличение числа выборных казаков. – Штат полка. – Увеличение числа сотен. – Штат каждой. – Запрещение переходить с места на место. – Путешествие Императрицы. – Поход слободских полков в г. Севск навстречу Императрице для принесения благодарности. – Указ о готовности к походу и о починке крепостей. – Расчет материала и рабочих для починки Харьковской крепости. – Опись работам. – Командировки. – Летние сборы. – Внутреннее состояние полка. – Приказ из канцелярии о приведении всего в исправность. Замечания, сделанные на смотру. – Жалоба казаков Угольчанской сотни. – Приказ полковой канцелярии.

По восшествии на престол дочери Петра Великого, Елизаветы Петровны, слобожане решили обратиться к Государыне с просьбой избавить полки от тех страшных отягощений, в которые повергнули их «новости», введенные кн. Шаховским. Зная отношения новой Императрицы к умершей и вообще к ее царствованию, а также надеясь на то, что дочь Великого Петра отнесется сочувственно к просьбе их вернуть им те вольности и прежние порядки, которые утверждены были в полках грамотами, пожалованными ее родителем, полковники и старшины всех слободских полков в 1742 г. подали в Сенат просьбу, в которой просили избавить их от реформ Шаховского и уничтожить драгунский полк, ложившийся на них особенной тяжестью. В него шли лучшие казаки, содержался он на счет полков, а офицерами великороссийскими, служившими в нем, были закрепощены местечки, села и деревни с их землями и жителями. На успех своих хлопот они надеялись, ибо Елизавета Петровна, вступая на престол, объявила, что хочет держаться того порядка управления, который был при Петре Великом. Но пока просьба эта шла по своему назначению, с обычной тому времени медленностью, полчанам пришлось многое потерпеть от членов канцелярии комиссии, на существование которых своим прошением они посягали. Слобожане не скрывали того, что подали просьбу, и о том открыто везде говорили. Секунд-майор Надаржинский донес обо всем этом канцелярии, которая не замедлила это дело раздуть и придать ему значение государственного преступления, а рядом с этим не упустила случая и для своего обогащения, ибо вести тогда какое либо дело значило обирать всех, которые привлекались к допросам. Началось целое дело, носившее название: «о разглошении о раскассированиии драгунского полка». В Сумы требовались со всех полков «разглосители» для снятия с них показаний, а по полкам посылались чиновники для следствия. С полковых канцелярий требовались деньги на прогоны и на корм для них по три копейки в день, которые канцелярия полковая собирала со старшин[1].

1 Н. Головинский. Слоб. коз. п., гл. V.

Между тем к предстоящей коронации Императрицы в Москву собирались депутаты из всех мест России. Коронацию предполагалось отпраздновать с невиданною еще до того времени торжественность, – ибо все ликовали в надежде, что с новою Царицею настанет конец немецкому владычеству на Руси. Военная Коллегия предписала бригадиру составить депутацию от слободских полков для принесения поздравления; она должна была состоять из полковников и старшин, по одному от каждого полка.

Коронование совершилось 25 апреля; слободская депутация участвовала в торжествах, продолжавшихся несколько дней, и допущена была к руке Императрицы. По окончании празднеств, депутаты подали на имя Императрицы просьбу в Сенат, где, излагая то бедственное положение, в котором находилась Слободская Украйна, просили, «чтобы введенные в слободские полки, жалованные грамоты вновь подтвердить и содержать их, полки, по прежнему, как при державе Императора Петра Великого содержаны были»[2].

Подав это прошение, депутация, полная надежд, ибо видела внимание и доброту Царицы, уехала домой, где порадовала тем же и своих полчан. Незаконные деяния «комиссии учреждения» продолжались, и только сенатским указом (от 2 авг. 1743 г.) им положен был предел. Этот указ повелевал «сказанное следствие (по делу «о раскассировании драгунского полка») оставить без дальнейшего производства, казаков в драгуны не выбирать, а старшинам и обывателям никаких обид и налогов не делать, под опасением штрафа; а с чего то следственное дело началось о том в Правительственный Сенат из канцелярии слободских полков прислать обстоятельное известие»[3].

Этот указ был преддверием царской грамоте, последней слободским полкам, которою они освобождались от всего того, что притесняло их: освобождались от гнета ненавистной для них «комисии» которая этою замечательною грамотою, где высказано столько любви и заботы Императрицы к своим верным подданным, была уничтожена. В пожалованной в Харьковский полк на имя полковника Тевяшева грамоте говорится в начале о том, что слободские полки служили верно деду, дяде и родителю Императрицы, что они ими были всегда очень довольны, что полки постоянно пребывали в отличном порядке, за что им и был пожалован ряд грамот (с 1669 по 1700 г.), которыми слобожанам предоставлены разные льготы и преимущества за то, что службу они несли без жалованья. Далее говорилось о том, что, вследствие реформ, введенных в полки кн. Шаховским, а, главное, вследствие учреждения драгунского полка и раздачи офицерам подданных, в них происходят «крайние непорядки» и «немалые помешательства» и что полки «пришли в несостояние». Говорилось также, что слобожане поселились вначале «в диких степях» и что они «без регулярного учреждения» «одними казацкими легкими компаниями» всегда успешно «чинили» отпоры и неприятеля никогда во внутрь российских городов не допускали. А поэтому повелевалось: все грамоты, определяющие льготы, подтвердить вновь, драгунский полк расформировать, распределить драгун по полкам слободским, в которых приказывалось содержать 5 тысяч выборных казаков; подпомощников у офицеров отобрать и расписать по сотням, а равным образом отобрать их у полковников и у полковых старшин. Пятитысячное число казаков предоставлялось распределить по полкам самим полковникам, по согласию между собою; все судебные дела решать в полковых канцеляриях, причем указывался путь апеллирования на неправильные решения как полковой канцелярии, так и других высших инстанций. Слободские полки должны были содержать все-таки три драгунских и один гарнизонный полк, оставаясь по прежнему в ведении Военной Коллегии. Императрица, даруя слобожанам вышеозначенные милости, изъявляла надежду, что они, в благодарность за то, будут служить «со всяким усердством и радением»[4].

2. П. Головинский. Слоб. каз. пол., гл. V.
3. Там-же.
4. Приложение I, стр. 85

Слобожане ликовали, вздохнув, наконец, свободно после стольких невзгод. Это было полное освобождение от всего, что шло в разрез с их казацким строем и стародавними традициями; правда, приходилось содержать 4 полка и расквартированных на Украйне, да и число выборных казаков в полку было увеличено, но, сравнительно с прежним, это должно было казаться им необременительным.

Полковники, с общего согласия, ввели в свои полки однообразную форму одежды, чего прежде не было. Верхнее платье состояло из черкески синего цвета (во всех полках одинаковая) с откидными рукавами, обложенными тесьмами снурками. Цвет-же чекменя и шаровар был назначен по полкам; в Харьковском полку эти части одежды положено было иметь *желтого цвета*[5]. К пятитысячному числу положенному грамотою содержать во всех полках, в 1746 г. указом из Военной Коллегии приказано было прибавить еще 2500 казаков. Штат Харьковского полка, после этих прибавлений, был следующий:

1) Полковник		1
2) Полковой обозный		1
3) Полковой судья		1
4) » есаул старший		1
5) » есаул младший		1
6) » ротмистр		1
7) » писарей		2
8) » хорунжий		1
9) Капитан, команд. роты		1
10) Сотников		19
11) Поп		1
12) Лекарь		1
13) Подпрапорных		81
14) канцеляристов		3
15) Канцелярских писарей		3
16) Литаврщик		1
17) Трубачей		3
18) Городничих		2
19) Пушкарей		20
20) Кузнец		1
21) Действительн. казаков		850
Всего	995	

Лошадей по списку положено:

1) При действител. казаках		1700
2) Артиллерийских		20
Всего	1720[6]	

Штат этот сравнительно с таковым же, бывшим до отмены реформ (1742 г.), превышает число казаков в полку на 250, а всего всех чинов на 328 челов.[7]

Это число ранговых казаков было распределено по сотням, число которых увеличено до 19; штат каждой из них был следующий[8]:

5 Н. Головинский. Слоб. коз. п., гл. VI.
6. Штат этот заимствуем из рапорта Хар. полк. Канцелярии о состоянии полка за 1758 г. Хар. ист. арх.
7 Там-же. Штат полка 1742 г.
8 Там-же. Отд. I, № 256 (1760 г.)

1) В Харьков. 1-й сотне		30
2) » » 2-й	»	62
3) » Дергачев. 1-й	»	42
4) » » 2-й	»	43
5) » Хорошевской	»	30
6) » Мерефянской	»	37
7) » Соколовской	»	53
8) » Люботинской	»	24
9) » Угольчанской	»	36
10) » Валковской	»	75
11) » Перекопской	»	34
12) » Пересечанской	»	62
13) » Ольшанской	»	42
14) » Золочевской	»	61
15) » Тишковской	»	46
16) » Липецкой	»	40
17) » Салтовской	»	68
18) » Мартовецкой	»	28
19) » Волчанской	»	35
Всего	850	

Был отдан приказ, запрещавший казакам слободских полков, их свойственникам и подпомощникам переходить с места на место, не только из области полка в Малороссию и Великороссию, но даже в другой слободской же полк[9]. Этот указ (от 6 июля 1748 г.) был снова подтвержден в следующем году; вводился, кроме того, еще штраф за прием на жительство слобожан, сошедших со своих мест[10]. Указ (от 30 марта 1749 г.) был опубликован в слободских полках; тех же казаков и подпомощников, которые до этого времени сошли с мест и живут в Малороссии и Великороссии, по силе указа, приказано было, с женами, детьми и пожитками, вывести на прежние жилища на их же счет[11].

Полковая канцелярия разослала предписания по сотням строго следить за исполнением указов, не допускать переходов и доставить ведомости казакам, то и в какие места выселился.

Полчане, желая принести свою благодарность Императрице за исполнение их просьб и пожалование им последней царской грамоты, решились для этой цели отправиться в г. Севск, через который предполагался проезд Елизаветы Петровны, ибо она летом 1744 г. предприняла путешествие в г. Киев на поклонение угодникам. Ее сопровождали наследник Престола Петр Федорович и супруга его Вел. Кн. Екатерина Алексеевна. Для принесения благодарности полковники решили послать от каждого полка по 200 казаков с полковыми старшинами, с сотниками, полковыми знаменами и трубами. В последних числах июня все собрались в г. Сумы; не было только Острогожского полка. Участвовать в депутации этой бригадир Лесевицкий отказался по старости и слабости здоровья, а харьковский полковник Ст. Ив. Тевяшев, по причине неизвестной, послал вместо себя полкового обозного Ив. Вас. Ковалевского. Общее начальство над всеми по старшинству принадлежало Изюмскому полковнику – Квитке. В путь слобожане выступили без Острогожского полка, не дождавшись его. Въезд Императрицы при пушечных выстрелах и колокольном звоне в г. Севске состоялся 4 августа 1744 г. Отряды слободских полков стояли выстроенными вдоль той дороги, по которой Государыне належало ехать. Отряды стояли друг от друга отдельно, по полкам, и, по мере

9. Полн. собр. зак., т. XII, № 9514.
10. Там-же. Т. XIII, № 9592.
11. Хар. ист. арх., отд. I, № 149.

того, как приближалась Императрица, они отдавали ей честь саблями, распущенные полковые знамена, при игре на трубах и битье в литавры, салютовали наклонением до земли. Императрица проехала мимо, казаки пошли за нею, а полковники ехали около кареты; таким порядком следовали на расстоянии 18 верст, а около с. Толстодубова императорский поезд остановился. Полковники, старшины и сотники были представлены Императрице и в собственные руки подали бумагу, общую от всех полков, в которой излагали своей Государыне благодарность за милости, оказанные полкам. Елизавета Петровна благосклонно приняла бумагу, допустила всех к руке своей и последовала дальше, отряды же пошли по домам[12].

Хотя и неизвестно, чтобы татары делали набеги на Украйну после заключения Белгородского мира (1739 г.), однако опасность, видимо, была, и этих нападений ждали, если в 1748 г. последовал указ из Военной Коллегии во все слободские полки, чтобы они были в совершенной исправности и находились бы в полной готовности «ежечасно» выступить в поход. Указ этот приказывал соблюдать величайшую предосторожностьи посылать беспрестанно разъезды в Крымскую и Кубанскую стороны. Вероятно, было основание ждать нападения и нападения серьезного, так как повелевалось к тому же починить все крепости в Харьковском полку[13]. Получив такой указ, полковник Тевяшев разослал от себя сотникам строгие приказания об исправлении крепостей, грозя за неисполнение штрафом, «ибо от того зависит Высочайший Ея Императорскаго Величества интерес». В приказаниях этих говорилось, чтобы сотники имели «денное и ночное неусыпное попечение» и успели бы починить крепости тою же весною.

Для починки же Харьковской крепости был назначен сотник Леонтий Голухович. Этот сотник составил подробную ведомость, сколько, каких и на что нужно бревен и какое количество потребуется рабочих[14]. По его ведомости, на палисадник и рогатины нужны были бревна длиною в 2 сажени и в отрубе 2 четверти, на рогаточные спицы длиною в 1 саж. той же толщины; для починки 9 башен – на подвалины и одверни (?) – длиною 4 саж. толщ. в 3 чет.; на снозы (?) лат в 3 саж., на ворота кротдубиц – в 2 саж. Всего требовалось 10375 штук бревен, которые распределялись так:

На палисадник		3425
» рогатины		970
» рогаточной спицы		3845
» девять башен		175
» снозы лат		485
» ворота кротдубиц		170
Всего	9070	

Неизвестно, куда назначались еще 1305 бревен, не вошедшие в это число. Все количество этого, нужного для починки, материала было распределено по разным местам, с предписанием свезти в Харьков. Число рабочих располагалось на все население полка, которое состояло из казацких свойственников кроме действительных казаков, 4994; подпомощников 5207; владельческих, кроме мелких, 12767 человек[15].

Сотник Голухович, кроме этой ведомости нужного для починки материала, представил еще в полковую канцелярию описи работам по починке крепости; приводим здесь эту опись:

12. Г. Квитка. Зап. о слоб. пол., стр. 19.
13. Хар. ист. арх., отд. I, № 121.
14. Там-же.
15. Хар. ист. арх., отд. I, № 124.

1.	В г. Харькове починить крепость от болварка, что под монастырем, до раската, что против броварей и р. Лопани, валу земляного починить и рву вычистить сажсней трех аршинных	500
2.	от раската, что против броварей по над р. Лопанью, до болварка, что за монастырем, вновь вал сделать сажсней	320
	В большом городе	
3.	от раската, что над р. Лопанью, подле броварей по над Нетечью и подле Троицы до раската, что подле Чугач (?) и до башты Шаповаловской вновь вал и ров делать саженей	370
4.	от Шаповаловской башты горою до раската, что подле р. Лопании, ров вычистить и вал починить саж.	550
5.	от того раскату по над р. Лопанью до монастырской огорожи вновь вал делать[16]	150

Из приведенной описи видно, что работа была немаленькая. Приводимые в ней данные дают возможность составить понятие о размерах Харьковской крепости. Работу эту производили казачьи свойственники, подпомощники и владельческие крестьяне; казаки тоже не сидели сложа руки: часть их была в лифляндском походе, часть на линии (95 челов.) и в других разных командировках, в которых показано в этом году 372 челов[17]. (кроме того «сошло и бежало» 26); а так как командированных нужно было менять, то отдыхать казакам, приходилось мало. В этом году показано, что полк ходил в сентябре в лагерь на летние сборы[18].

Внутреннее состояние полка – состав лошадей казачьих, их вооружение и снаряжение были в очень печальном виде. В виду предстоявшего в том году смотра, полковая канцелярия отдала приказания сотникам привести все в полную исправность, но, не довольствуясь еще этим, разослала по сотням полковых старшин, для осмотра лошадей и проч., которые и указали сотникам, что нужно переменить, представив в канцелярию отчеты своих замечаний. Но все это мало принесло пользы, ибо на полковой смотр, бывший в том году, казаки явились в самом неудовлетворительном состоянии. Все предписания и указания полковых старшин по выражению канцелярии, «весьма малый плод принесли». На смотру замечены были в полку следующие большие неисправности:

1) во многих сотнях казацкие лошади, забракованные старшинами, остались непремененными;
2) конские уборы – седла, треноги и проч. у многих казаков оказались никуда негодными, а уздечку и чумбуры у всех почти были совершенно непригодны к службе;
3) ружья старые, неоднокалиберные, негодящиеся к легкой службе; лядунки ветхи, а пули, в них находящиеся, были у многих не по ружьям;
4) одежда, в которой явились казаки на смотр, была в очень плохом состоянии, к тому же неустановленных цветов, а нижних кафтанов у некоторых и совсем не было;
5) казаки были плохо обучены воинской службе и, что хуже всего, на смотру едва шестая часть оказалась действительно служащих казаков, а остальные все были из свойственников и подпомощников, из которых многие не умели правильно сидеть на лошади и держать в руках ружье. Оказалось, что сотенные командиры, без всякого предписания полковой канцелярии, без ее ведома, завели порядок службы во фронте по очереди по одному году, отчего и происходило это неполное незнакомство их сотен с воинскою службою. Кроме того, казаки угольчанской

16. Там-же.
17. Хар. ист. арх., отд. I, № 124.
18. Там-же.

сотни заявили жалобу на своего сотника, Константина Ковалевского, что он их строевых лошадей держит у себя и употребляет на свои частные поездки, почему лошади и пришли в то плохое состояние, в котором нашли их на смотру. За это самоуправство, сотник Ковалевский должен был подвергнуться взысканию; нам неизвестно, какому именно он подвергнулся наказанию.

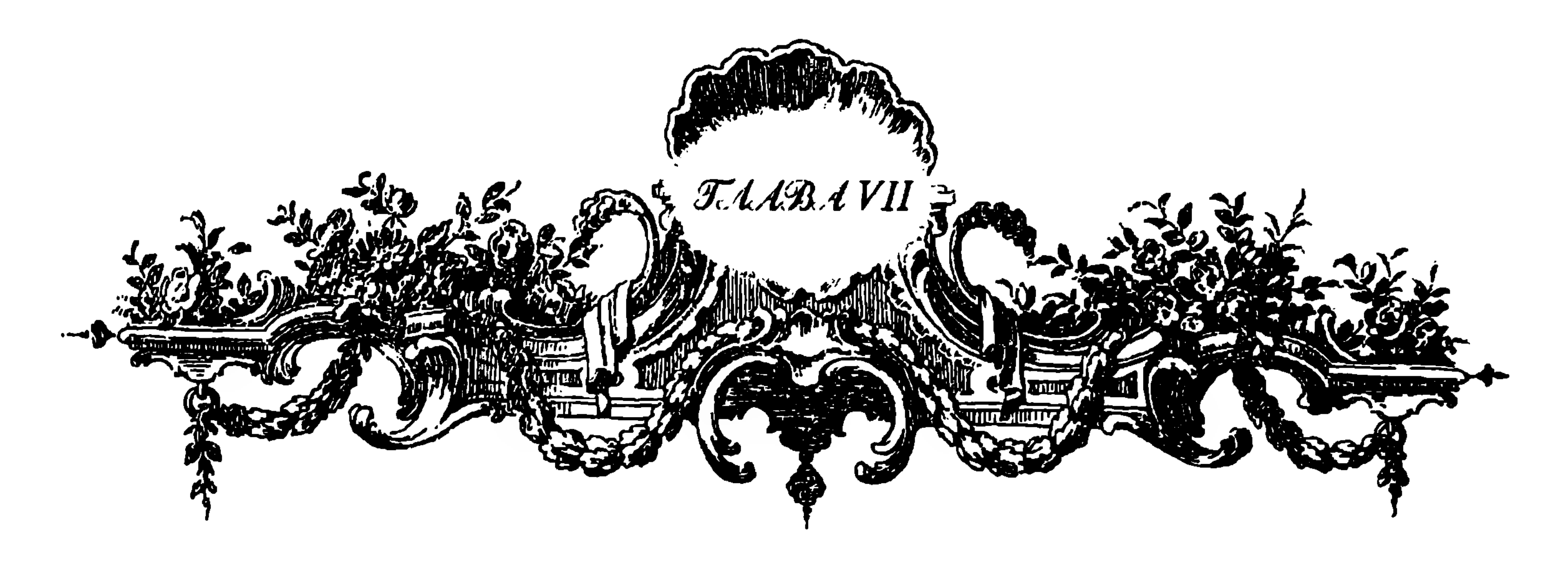
Полковая канцелярия разослала в сотни копии ведомости, представленной полковым есаулом Горлинским, в которых перечислялось, каких лошадей нужно переменить (забраковано их было на смотру 52) и что исправить, с строгим напоминанием, что она делает это в последний раз. Полковник грозил, что, если случится еще раз что-либо подобное, то сотенные командиры будут преданы суду, а прочие чины будут посажены на пушки (?), или, смотря по важности упущений, подвергнуты будут телесному наказанию. Подобные замены служащих казаков подпомощниками запрещались; если бы же являлась необходимость переменить людей в сотнях, то делать это приказывалось по определениям полковой канцелярии; предписывалось обратить строгое внимание на обучение казаков воинским упражнениям, привести лошадей в исправность, не трогать их ни на какие «внутренние посылки», а пользоваться для этой цели подъемными лошадьми.

Так как на смотру были не все казаки – многие находились в разных ближайших командировках, – то полковник приказывал их сменить бывшими на смотру и выслать в Харьков к 11 октября (предписание от 12 сентября); золочевской, люботинской и обеим харьковским, на смотр сотням же неявившимся предписывалось к этому же числу прибыть туда же в полном составе, со своими сотниками[19].

Вот в каком жалком состоянии находились ранговые казаки; полк был плохо вооружен, сидели все на плохих, замученных лошадях, одеты все были не по форме и плохо.

19. Хар. ист. арх., отд. I, № 124.

Участие полка в Лифляндском походе 1746 г. – Поход следующего года. – Сформирование слободского гусарского полка. – Штат его. – Содержание этого полка. – Налоги на полчан. – Отношение слобожан к гусарам. – Объявление Семилетней войны. – Выступление в поход. – Присоединение к русской армии. – Медленность движения армии к границам Пруссии. – Позиция при Гросс-Егерсдорфе. – Численность прусских войск. – движение в обход неприятеля. – Неожиданное нападение пруссаков. – Беспечность Апраксина. – Критическое положение армии. – Сражение. – Участие слободских казаков. – Преследование казаков прусскою кавалериею. – Потери полка. – Смерть бригадира Катниста. – Отступление неприятеля. – Советы Апраксину, слова Ливена. – Непредприимчивость главнокомандующего и неожиданное его отступление в пределы России. – Возвращение слобожан домой. – Состав полка по отделении от армии. – Состояние знамен по возвращении с похода. – Причины расстройства материальной части полка. – Лошадь Катниста. – Указ об укомплектовании полка лошадьми и о готовности ко второму походу в Пруссию. – Ремонтирование слободского гусарского полка лошадьми.

Небольшой отряд харьковцев, численностью в 85 казаков[1], в 1746 г., под начальством сотника Андрея Тихоцкого, отправился в Лифляндский поход. Россия приняла участие в войне, так называемой, австрийской наследственной (1740–1748), поддерживая дочь Карла VI, Марию-Терезию, которую не хотели признать Испания, Бавария, Саксония и Польша императрицею. Мария-Терезия должна была унаследовать престол отца своего по Прагматической санкции. Харьковцы вошли в состав слободских полков. Общая команда над слобожанами была поручена сумскому полковнику Дм. Ив. Кондратьеву. В 1748 г. последовал второй Лифляндский поход. Во главе русского вспомогательного корпуса был поставлен кн. Репнин (37 тысяч). Репнин этот был главным виновником заключения Ахенского мира, кончившего австрийскую наследственную войну[2]. В этот последний поход от слободских полков была потребована тысяча казаков при 20 сотниках и 20 подпрапорных; при распределении этого числа по полкам руководствовались назначением 20 казаков с каждых штатных ста. С Харьковского полка было назначено 170 человек при трех сотниках и трех подпрапорных. Общая команда поручалась ахтырскому полковнику Ив. Алекс. Лесевицкому. от каждого полка потребовалось и по одному полковому старшине, по одной пушке с пушкарями и принадлежностями. Казаки должны были быть доброконны, хорошо вооружены и снабжены провиантом на три месяца; в отряд назначался лекарь от Ахтырского полка, от Изюмского – поп и полковое знамя. Отряд харьковцев поступил под команду младшего полкового есаула Горлинского, так как он, с производством в этот чин, не был еще ни разу в походах; при нем состоял один канцелярист[3]. Отряды всех полков 23 января были собраны в г. Сумах, где им произвел смотр генерал-майор Кейзерлинг. В походе

1. Хар. ист. арх., отд. 1, № 101.
2. Леср. Энцикл. Воен. И мор. наук, т. IV, стр. 302.
3. Хар. ист. арх., отд. 1, № 127.

харьковцы шли двумя командами. Одна из них, под начальством Жукова, сотника Соколовского, численностью в 70 казаков и 20 подъемных лошадей[4], возвратилась домой полностью, убыло из нее только три строевых и шесть подъемных лошадей[5]. Другая же команда, в которой находилось 100 казаков, возвратилась не так счастливо: из нее убежало 52 человека с лошадьми и оружием, и умер один казак. Начальник этой команды, сотник Пащинский, доносил, что, вследствие больших снегов и беспутицы, команда лишилась многих лошадей, из которых некоторые пали, а некоторые были брошены за худобой, или проданы за бесценок[6]. Что была за причина того, что одна команда пришла домой в целости, и лошади ее также не очень пострадали, тогда как другая, бывшая, казалось бы, в одних и тех же условиях, не досчитывала одними бежавшими 52 казака, т.е. больше половины, и лошадей постигла такая горькая участь?

Указом (от 30 октября 1756 г.) из Военной Коллегии генерал-аншефу графу Салтыкову в 1757 г. было повелено сформировать на Украйне слободский гусарский полк[7], командиром которого был назначен полковник Бульский. Людей в этот полк приказывалось выбирать или из бывших драгун, или, если их будет недостаточно, то из свойственников и подпомщиков; если же на ком из попавших в гусары числились бы какие недоимки, то таковые приказывалось разложить на казаков, их свойственников и подпомощников. Штат новоформируемого полка был определен числом 1203 человека всех чинов; для обучения новонабранных в гусары казаков регулярному строю были командированы офицеры из Новосербии и Славяносербии. На содержание этого слободского гусарского полка положено было собирать с подпомощников, которых считалось тогда 59272 человека, по 22 ½ к., сверх прежних 18 к., и с подданных, числившихся тогда по дистриктам в числе 126365 человек (сверх собираемых прежде на довольствие трех драгунских и одного гарнизонного полков по 21 к.), по 19 ¾ коп. с души. Значит, содержание полков слобожанам обходилось ежегодно 48962 руб. 24 ¾ к.[8] Приказ этот о сформировании гусарского полка и о новом налоге полчане встретили недружелюбно, – не так, ведь, давно они избавились от драгунского. Назначенные в гусары казаки разбегались прежде, чем их успевали обмундировать. Даже простой народ всячески выказывал ненависть к гусарам тем, что избегал их, хотя они и были ихними братьями; слободские красавицы оказались тоже патриотками, выказывая протест правительству по своему, – они отворачивались от донжуанов из гусар, чем делали их положение поистине ужасным, и пели такие песни.

«Гусарине черноусый,
Чом у тебе каптан куцый?
Гусарине, выдчепыся
И на мене не дывыся!»
«Гусар коня наповав,
Дзюба воду брала.
Вин ии поциловав,
Вона й заплакала»[9]

Для того, чтобы положить предел завоевательным стремлениям Фридриха II, короля прусского, желавшего расширить свои владения на счет соседей, не разбирая средств, Елизавета Петровна решилась объявить ему в 1757 г. войну, для поддержания Австрии и Саксонии. Таким образом сбылись опасения Фридриха, говорившего: «я не боюсь моих врагов – ни Австрии, ни Франции, но что я буду делать, если придется воевать еще и с русскими»[10]. Указом из Военной

---

4. Там-же.
5. Там-же.
6. Там-же.
7. Пол. Соб. Зак., № 10712.
8. Мос. отд. арх. Гл. Шт., оп. 109, св. 50.
9. Г.Ф. Квитка. Сочин., т. III, стр. 133.
10. С.М. Соловьев. Рус. Ист., стр. 306.

Коллегии слободским полкам приказано было следовать на соединение с русскою армиею, собранной около г. Ковно. Полки выступили из Украйны, под командою своего бригадира Капниста, прибыли и вошли в состав армии Апраксина за несколько дней до ее выступления в поход. от всех слободских полков было потребовано два полковника, с надлежащим числом полковой и сотенной старшины и подпрапорных[11]. При выступлении в поход Харьковскому полку приказано было взять с собою 476 руб. 84 коп. (из десятикопеечного сбора) на покупку фуража и на другие полковые надобности.

По переправе через р. Неман 22 июня, русская армия поползла по направлению к границам с невозможною медленностью; так, к д. Барбаришкам она пришла только 26 июня, сделав в продолжение пяти дней около 45 верст, где и расположилась лагерем для того, чтобы производить парады, праздновать день св. Петра и Павла и тратить на салюты порох, назначенный для борьбы с пруссаками. Только лишь 15 августа она подошла к границам Прусского королевства – к Вержболову, что составляет около 80 верст На этот, значит, 80-ти верстный поход Апраксин употребил 25 дней! И это шел он воевать с армиею Фридриха Великого! Слухов о неприятеле еще не было никаких, но армия наша, простоявшая здесь неделю, тщательно себя охраняла, расставляла всюду караулы, ставив перед фронтом рогатины. Все эти излишние меры предосторожности только бесполезно утомляли войска. Идя, таким образом, длиною р. Прегеля к столице Пруссии – Кенигсбергу, Апраксин, – по переправе через эту реку, занял очень сильную и недоступную позицию при д. Гросс-Егерсдорфе, имея в своем распоряжении армия силою в 57 тысяч человек; против него же стоял в расстоянии не более 7 верст генерал Левальд, под командою которого было 40 тысяч солдат, но лучших и испытанных воинов. Заняв такую недоступную позицию 16 августа, армия простояла так по 19-е, не предпринимая ничего. Но так как подобное стояние могло продолжаться и долго, то было решено 19-го, на рассвете, выступить и идти к Алленбургу навстречу неприятелю, от которого нас отделял только густой и непроходимый лес, шириною не более одной версты[12]. Армия наша, считавшая в своих рядах до 19 тысяч казаков и 19 полков регулярной кавалерии, с такою заботою охранявшая себя, когда неприятель был еще далеко, в ночь же перед выступлением не предприняла никаких мер для собрания сведений, что делается у неприятеля. Нам, поэтому, не было известно, что прусская армия, в ночь перед выступлением, ночевала готовая к бою у д. Бущдорф, невдалеке от нашей. На заре 19 авг. полки были подняты пушечным выстрелом и генерал-маршем, возвещавшим простой поход, в который и потянулись войска с частью своих обозов через дефиле, лежащее на юго-запад. Утро было очень туманное; к тому же дым от горевших деревень, зажженных накануне казаками, покрывал все поле[13]. Так как армия наша пустилась в обход неприятеля без всяких мер охранения своего походного движения, отправляя даже вперед обоз, игнорируя неприятеля, бывшего в 7 верстах, то и случилось то, что предвидеть было можно: пруссаки неожиданно атаковали полки, снимавшиеся с лагеря. Здесь произошло, впрочем, обоюдное недоразумение: пруссаки, решившись воспользоваться непредприимчивостью Апраксина, шли нападать на русских, надеясь их застать мирно спящими, а встретили на походе; русские шли в бой с неприятелем, которого предполагали незаметно обойти, а между тем наткнулись на не вполне для себя неожиданно. Это поставило русскую армию в очень критическое положение. Путь, по которому двинулись войска и обозы, лежал через узкий «прогалок» и грязный, топкий ручей; другой дороги не было: это был единственный выход из лагеря в ту сторону из этой «норы». На этом грязном ручье застряли обозы, перемешавшись с артиллерией, с ящиками, экипажами начальства и войсками[14]. Теснота была большая, пробираться можно было с трудом,

11. Хар. ист. арх., отд. I, № 238.
12. Подробное описание места сражения см. Зап. А.Т. Болотова, т. 1, стр. 503.
13. Г.Л. Леер. Энцикл. воен. и мор. н., т. II, стр. 595.
14. Записки А.Т. Болотова, т. I, стр. 503, и Д. Масловский. Стор. и пол. сл. рус. войск, стр. 139.

и то пешему. И вот, в то время, когда полки, смешавшись в обозом, остановились в беспорядке, Московский полк вдруг увидел появившегося перед ним неприятеля. Смятение произошло понятное. Пруссаки дали по нашим войска три залпа, на которые ответ нескоро последовал, так все были поражены внезапностью нападения. Положение было ужасное: большая часть русской армии находилась за лесом в обозном, и надеясь на их скорое прибытие было нельзя. Вполне приготовленному к бою неприятелю, нападавшему всеми своими силами, русские противопоставили в этом сражении только едва 11 полков, далеко не всю артиллерию и только 3–4 шуваловских гаубиц, этих пушек-великанов, на которые все возлагали большие надежды. Погибель армии казалась неизбежною, но русская храбрость, явившаяся здесь во всей своей красе, преодолела все: армия наша победила, побила пруссаков, наперекор всем желаниям своего главнокомандующего и его советников, которые предоставили ее на произвол судьбы и ею вовсе не руководили в том сражении, которое явилось неожиданным, благодаря подозрительной беспечности Апраксина.

Между тем, как наши авангардные полки, на которые обрушились пруссаки, мужественно, не отступая во все время боя ни на единый шаг, отражали врага, стоя на месте, с сидящею на коленях первою шеренгою, полки – 3-й Гренадерский и Новгородский, продравшись через лес, явились к ним на выручку и решили дело.

На левом крыле нашего случайного расположения происходило следующее: там стояли донские казаки, а на самом фланге, впереди д. Заттерфельд[15], где была пехота, находились и наши слободские полки. Очевидец, принимавший участие в битве, А.Т. Болотов, так описывает дело, бывшее на этом месте.

Донские казаки, о которых он делает очень нелестные отзывы, в начале боя, увидя, вследствие рассеявшегося тумана, прусскую кавалерию, стоявшую за болотом, бросились на нее мужественно в атаку. Слободские полки, с Капнистом во главе, понеслись также с ними, наклонив свои копья и с обычным всем казакам гиком; но, подскакав к неприятелю и видя, что он готов их встретить и не удирает перед ними, как то обыкновенно делали татары, постыдно повернули тыл и с неменьшею стремительностью бросились сами уходить назад на нашу пехоту, которая раздалась в стороны и пропустила их за фронт. Прусская кавалерия ринулась преследовать казаков по-эскадронно, «текла как некая быстрая река и ломилась за казаками прямо на нашу пехоту». По неприятелю стали стрелять из ружей. Смятение произошло страшное и грозило принять опасный характер, если-бы стоявшая здесь артиллерия не успела повернуть своих пушек и не начала-бы осыпать продольными картечными залпами скачущие эскадроны; огонь причинял неприятелю большой урон и охладил их пыл и стремление. Передовой же эскадрон пронеся за фронт, рассыпался там и начал рубить казаков и всех, кто им на встречу попадался. Пехота, повернув фронт назад, сомкнулась, так что пруссаки попались и были перерублены очнувшимися от испуга казаками до последнего человека.

Харьковский полк потерял, при этом пять человек убитыми, в том числе атамана золочевской сотни, Михаила Кривоченка и одного пушкаря[16]. Все же слобожане потеряли своего главного начальника – храброго бригадира Капниста, который был убит в то время, когда прусский эскадрон ворвался за наш фронт[17]; он был сражен ударом палаша в голову. По окончании сражения, тело Капниста было найдено полковниками и старшинами распростертым у подбитой

15. Н. Гребель. Изюм. слоб. коз. пол., стр. 103.
16. Хар. ист. арх., отд. I, № 249
17. А.Т. Болотов, сочин. т. 1. Капнист, вышедший в 1711 г. из Греции и вступивший в русскую службу, был пожалован в 1737 г. в чин полковника, в 1751 г. был назначен в чин бригадира начальником над слободскими полками. – Мос. отд. арх. Гл. Шт., оп. 92, св. 417.

пушки, и было узнано только по бригадировскому мундиру. Слобожане с честью похоронили своего начальника на другой день[18].

Между тем пруссками, отбитые на всех пунктах, отступили, причем это отступление, совершенно без всякого порядка, скорее походило на бегство. Героями дня были два вышеупомянутых пехотных полка, пробравшиеся через лес, бросив свои пушки и патронные ящики; они очень удачно вышли в самое нужное место и бросились неожиданно на неприятеля в штыки. Полки эти блестяще применили к делу правило, завещанное Петром Великим, «секундирования единого другим».

Слобожане же наши, так неудачно действовавшие в этом сражении, могли воочию убедиться в превосходстве регулярного строя над их казачьим, который с успехом был применим только в борьбе с таким противником, каким являлись татары. Это для них был хороший урок; в деле при Гросс-Егерсдорфе им впервые пришлось столкнуться с регулярной кавалерией. Надо, впрочем, взять во внимание и то, что противником их явилась знаменитая прусская кавалерия Фридриха Великого, у которой были такие вожди и руководители, как Зейдлиц!

Одержав неожиданно такую блестящую победу, Апраксин, которому советовали преследовать пруссаков, послушался Ливена, говорившего, что «на один день двух праздников не бывает, но довольно и то, что мы их победили»[19], почил на лаврах, им незаслуженных, и позволил неприятелю уйти, не послав не только их преследовать, но даже наблюдать за ним. Он остался на поле сражения, служил благодарственные молебны и пировал в своих великолепных шатрах. Сделав потом несколько «апраксинских» переходов вперед и простояв некоторое время в виду неприятеля, от которого нас отделяла только р. Але, русская армия, поразив всех неожиданностью, повернула вдруг назад и пошла в пределы России. При выступлении в обратный поход произошел комичный случай: Апраксин, решив отступление, приказал произвести его секретно, оставив на месте казаков, артиллерию и гусар, чтобы ввести неприятеля в заблуждение, но прусаки нас предупредили, сделав раньше со своей стороны то же самое: они оставили на месте фальшивый лагерь и ушли дальше к Кенигсбергу. Значит, оба главнокомандующие как-бы боялись друг друга и спешили уходить каждый в свою сторону[20]. Армия наша, веденная вперед Апраксиным с такою преступною медленностью, назад пошла так быстро, как будто бы под Егерсдорфом пруссаки разбили ее на голову и гнались за нею по пятам! Даже повозки приказано было жечь[21].

В виду наступающего холодного времени, конницу приказано было отправить из армии во Псков и Великие Луки, донских-же и слободских казаков, указом Военной Коллегии, разрешалось отпустить домой, на Украйну, с тем, однако, чтобы слобожане находились там в полной исправности к предстоящему в следующем году походу и готовности выступить ранее других[22].Слободские полки, отделившись от армии с того места, где их застал упомянутый указ, пошли домой, под начальством полковника фон-Розенталя, чрез Курляндию и Лифляндию на Смоленск. В Митаве все полки получили от Бестужева-Рюмина на покупку фуража и на другие расходы шесть тысяч руб.[23] Провиант же приказано им было получать из магазинов, случавшихся по дороге. Из города Ямполя харьковские и изюмские казаки продолжали путь отдельно, под командою ротмистра Квитки (Харьковского полка). Возвратились харьковцы домой далеко не в том числе, в котором выступили: пошло их в поход 533 человека, из того

18. Н. Гербель. Изюм. слоб. коз. пол., стр. 104.
19. А.Т. Болотов. Сочин., т. I.
20. Там-же, ст. 538.
21. «Загадочное отступление» Апраксина после Гросс-Егерсдорфской победы, как выяснено это в настоящее время, не имело ничего общего с какою-либо изменою; оно было следствие тайных указаний канцлера Бестужева, напуганного болезнию Елизаветы и желавшего в заботе о будущем России иметь армию в пределах государства.
22. Хар. Ист. арх., отд. I, № 238: Мос. отд. арх. Гл. Шт., оп. 47, № 153.
23. Мос. отд. арх. Гл. Шт., оп. 47, № 153.

числа убито в сражении 5 казаков, в Польше при магазинах оставлено с одним сотником 129, при армии 12, умерло 33 и без вести пропало 6[24]. Большую потерю понесли казаки в лошадях. Из числа их, бывших при выступлении в поход, пало и брошено было за худобой 672, пропало без вести 12, в Польше при магазинах оставлено с людьми 258[25], оставлено при армии 24; взято в нее же 44 лошади, из которых 11 за плату по 1 ½ руб. за стоившую не менее 20 руб.[26], а остальные 33 без всякой платы; всего, значит, 1010 лошадей[27]. По отпущении полка от армии, состав его под командою полкового есаула Земборского, был следующий[28].

Рапорт Харьковского полку, коликое число по отпущении от армии состояло, каких чинов людей и лошадей и с того числа убыло и затем находится, явствует под сим, 6 декабря 1757 г.							
	По отпущении от армии состояло		С того числа убыло			За тем на лицо	
	людей	лошадей	Отпущено в домы	Померло людей	Пало лошадей	людей	лошадей
Полковой хорунжий	1	–	–	–	–	1	–
Сотников	4	–	2	–	–	2	–
Подпрапорных	6	–	2	–	–	4	–
Литаврщик	1	–	–	–	–	–	–
Пушкарей	4	–	–	–	–	4	–
Урядников и казаков	334	508	13	39	199	292	309
	347	508	17	39	199	304	309

Кроме того, при отряде было полковое знамя, одна пушка, артиллерийский фургон и ящик с зарядами.

Из рапорта Харьковского городничего о приеме, по прибытии из похода, полкового и сотенных знамен от хорунжего 2-й Харьковской сотни Семена Мельникова, видно, что полковое знамя было тогда белого цвета; оно посредине и по краям было побито; из четырех сотенных знамен, бывших в походе, три были без древок и без копий, а четвертое с копьем, по средине побитое; все они желтого цвета с «чемоданами» (чехлами)[29].

Казаки пришли в полное расстройство – все свое имущество, все, что только можно, они дорогою продали. Узнав об этом, кн. Кантемир, начальник Украинской дивизии, потребовал от полковой канцелярии объяснения причин, приведших полк в такое состояние. В ответ на требование об этом канцелярии, есаул Земборский доносил что, по отправлении полка от армии, он не получал вовсе фуража, к тому же в Польше цены на сено и солому были очень высоки; по дороге везде чувствовался недостаток в фураже, ибо его у самих жителей было очень немного, вследствие неурожая и опустошения, произведенного в том году саранчою; подножным кормом пользоваться было нельзя, ибо стояла сильная стужа с дождями и снегом; – что казаки

24. Хар. ист. арх., отд. I, 238.
25. В Польше в Семилетнюю войну были устроены военные магазины для охранения которых оставлены там были войска.
26. Прсосв. Филарет. Отд. II, стр. 72
27. Хар. истор. арх., отд. I, № 238.
28. Там же.
29. Хар. истор. арх., отд. I, № 238.

продавали свое имущество, чтобы выручить деньги, на которые бы могли покупать фураж[30]. Возвратившиеся из похода лошади были так страшно изнурены и попорчены, что не годились для дальнейшей службы. Об изнурении лошадей можно судить из следующего случая.

Фельдмаршал Апраксин распорядился, чтобы бумаги и боевой конь (мерин темно-гиедой масти) убитого бригадира Капниста были отправлены на Украйну. Подпрапорный Пужковский, доставший в полковую канцелярию сундук и три связки с делами, запечатанные печатью полковника Донца, доносил, что хотя ему и было приказано доставить лошадь в г. Ахтырку, где жил Капнист, но что она «так устала, что не только в Ахтырку весть (нельзя), но из двора выйтить не может», почему и просил позволения в Ахтырку ее не отсылать, а оставить здесь и поручить кому либо другому[31]. Лошадь решили отправить на поправку в Пересечанскую сотню; но казак Задирихвист, которому это было поручено, мог ее с трудом довести только до Лопинской башни, стоявшей около моста, где лошадь, вследствие страшного изнурения упала и подняться уже не могла, а ночью издохла. Кожа с нее была снята и представлена при рапорте Задирихвистом в канцелярию[32]. В таком-то состоянии вернулась из похода лошадь, о которой приказано было иметь особенное попечение.

И снова харьковцы могли с недоумением задавать себе вопрос, зачем их водили в Пруссию и какая от того кому либо могла быть польза; а вреда им этот поход принес не мало, очень расстроив их материально, – это то они видели и понимали хорошо.

С наступление нового года предвиделась возможность вторичного похода в Пруссию. Слободским полкам было предписано озаботиться приведением в надлежащую исправность всего, главным же образом укомплектовать лошадей. С большим трудом удалось исполнить это приказание, ибо цены на лошадей, по причине большого на них спроса, после прусского похода, в котором их, как мы видели погибло такое множество, стояли на Украине очень высокие. Тревога оказалась ложная – полка не потребовали в том году в прусский поход. Было только приказано набирать в слободских полках нужное число лошадей в новоформируемый слободский гусарский полк. И лошадей, купленных с таким трудом и так дорого, предназначавшихся на укомплектование своего полка, стали забирать в этот новый гусарский полк. Лошади брались все лучшие, ибо ремонтеры принимали их очень осмотрительно и многие из доставляемых им коней браковали[33].

30. Моск. отд. арх. Гл. Шт., оп. 47, св. 153.
31. Хар. истор. арх., отд. I, № 242.
32. П. Головинский, Слоб. коз. пол., гл. VI.
33. Прсосв. Фиаарет. Отд. II, стр. 72.

Полковник Тевяшев. – Забота его о казаках трудность управления полком в его время. Полковой судья Ив. Гр. Ковалевский. – Кандидатура его. – Назначение полковника Куликовского. – Просьба сербов. – Поселение их в России. – Сформирование гусарских и пандурских полков. – Полковник Хорват, подполковники Прерадович и Шевич. – Командирование казаков в прикрытие Славяно-Сербии. – Положение там командированных туда казаков. – Жестокость обращения с ними сербского дворянства. – Протесты казаков. – Побеги. – Требование майора Селяновича. – Объяснение бежавшими казаками причины их побега. – Командировки. – Неурядица в полку. – Отношение старшин к своим обязанностям. – Потеря казаками уважения к ним. – Жалобы на старшин. – Жалоба полкового есаула Горлинского. – Доносы и жалобы на старшин и полковника Куликовского. – Следственная комиссия. – Явное нападение казаков и разграбление имущества старшин. – Следственное дело по доносу писаря Непышного. – Просьба полчан к Императрице. – Ненормальное положение дел в полку. – Упадок дисциплины. – Отправка депутации в Петербург. Кончина Императрицы Елизаветы.

В 1757 г. Харьковский полковник Степан Иванович Тевяшев, по представлению Военной Коллегии, был уволен по болезни, согласно челобитью, от службы бригадиром[1]. На долю Тевяшева выпало управлять полком в самое трудное время, какое когда-либо ему приходилось переживать. Лишенный почти власти реформами Шаховского, из полновластного хозяина полка обращенный почти только в председателя полковой канцелярии, полковник постоянно должен был лавировать среди той путаницы отношений, которую создала «комиссия учреждения». Прокомандовав при таких обстоятельствах полком в течение 23 лет, Тевяшев показал этим, что он обладал большим тактом и умом, ибо он умел ладить с полчанами и с высоким генералитетом. Нам ничего не известно такого, что говорило бы против Тевяшева. Напротив, из его постоянных отписок, в которых он почтительно, но ясно и вразумительно давал понять графам всю неосновательность их непомерных требований, можно усмотреть много любви и заботы о казаках, которых он видел страдающими и которым всеми своими силами старался всегда помочь, выпрашивая у начальства отмены командировок, страшно тогда мучивших казаков. Рядом с этим, он был и строг к своим подчиненным, требовал точного исполнения своих обязанностей; он не стеснялся, грозил «лишением чести и живота» такому важному полковому старшине, как судья. Тевяшев принимает также живое участие в хлопотах по подаче прошения Императрице об отмене реформ Шаховского. Удача в этом составляет светлую минуту его управления, и казаки его полка были ему тем обязаны. Грамота Елизаветы Петровны, хотя отменила многое и облегчила жизнь слободских полков, но все только отчасти; отягощавшие казаков командировки, как увидим ниже, продолжались, повинности тоже росли со временем.

1. Г. Квитка. Зап. о слоб. пол., стр. 21.

Внутреннее состояние полка было неудовлетворительно, и тот же Тевяшев заботился о порядке и исправности. Но что он мог сделать, когда обстоятельства сложились так, что полковники подчинились совершенно зависимости русских генералов, и бороться с ними им было не под силу; поэтому, конечно, они часто и бывали, по-видимому, равнодушными к тому, что делалось в их полках. В этом не они были виноваты, а отживающий и по духу времени неуместный тот строй казачий, который сложился при иных условиях и обстоятельствах.

Кандидатом в полковники после Тевяшева выступил Иван Григорьевич Ковалевский, полковой судья Харьковского полка. Дед его, Семен, польский шляхтич, но человек чисто русского происхождения и православного вероисповедания, пришел из-за Днепра с самого начала поселения слободских полков; он заселил гг. Ольшану и Новые Водолаги, защищал границы полка от набегов ордынцев, беспрестанно участвовал в военных походах и умер от полученных в сражениях ран. Его дети и внуки, живя в области Харьковского полка, всегда занимали в нем высшие старшинские должности. Иван Григорьевич в службу вступил в 1729 г., участвовал во всех походах, какие только предпринимал Харьковский полк, и в 1756г., будучи в должности полкового судьи, получил аттестат, подписанный 65 полковыми и сотенными старшинами всех пяти слободских полков, в то числе и полковниками – Григорием Лесевицким, Михаилом Донцом, Степаном и Иваном Тевяшевыми. В аттестате этом выставлялись его заслуги и говорилось, что Ковалевский достоин быть Харьковским полковником[2]. Но давно уже прошло то время, когда слобожане могли выбирать себе полковников по своему усмотрению! Кандидатура Ковалевского, любимого и уважаемого всеми, к сожалению, не прошла, и на место Тевяшева, по представлению генерал-аншефа (позднее генерал-фельдмаршала) графа П.С. Салтыкова и по определению Военной Коллегии, назначен был Харьковским полковником из отставки Матвей Прокофьевич Куликовский, сын бывшего Харьковского-же полковника Прокофия Васильевича. В службу он вступил в 1731 г. в Ахтырский полк, с 1733 г. служил в учрежденном тогда Слободском Драгунском полку, участвовал во многих походах и сражениях. По расформировании же драгунского полка был уволен в отставку чином подполковника[3].

В пределах Австрии единовременные нам славянские племена; они, в царствование Императрицы Марии-Терезии, подверглись притеснениям со стороны иезуитов, преследовавших свои обычные цели. В 1751 г. сербы, желая избавиться от того, обратились к русскому правительству с просьбой принять их в подданство и позволить поселиться им в России. Просьба их была уважена, и им отведены были для жительства земли, лежащие за Днепром. С этими выходцами пришел из Вены полковник Хорват, а также офицеры и нижние чины, служившие прежде в австрийских войсках, со своими семействами и служителями – всего 218 челов. Этому Хорвату правительство поручило грамотою (от 11 янв. 1752 г.) зазывать в Россию также сербов из Турции, болгар и волохов. Условием ставилось только то, чтобы пришельцы были православного вероисповедания. Хорвату, произведенному в чин генерал-майора, приказано было сформировать из переселенцев два гусарских и два драгунских полка, каждый в четыре тысячи человек, которым назначалось известное жалованье и давались разные права и преимущества. Земли эти, где поселились пришлые славяне, получили название Новосербии. Для прикрытия этих новых подданных построена была крепость св. Елизаветы (ныне Елизаветград). Около того же времени – в 1752 г. выехали в Россию из Вены-же подполковники Прерадович и Шевич. Правительство, произведя их в чин генерал-майора, поручило им набирать полки (по определению Сената от 1754 г.), со штатом в две тысячи человек, и поселило их, с вышедшими вместе с ними народами, от конца Украинской линии и поселения ландмилиции, с донецкой стороны, т.е. от г. Бахмута до г. Лугани. Земли *эти получили название* Славяно-Сербии[4]. Для

2. Моск. отд. арх. Гл. Шт., оп. 19, св. 66.
3. Там же, св. 62 и 67.
4. Моск. отд. арх. Гл. Шт., оп. 121, св. 41, дело № 1.

охраны ее границ со стороны степей приказано было посылать от каждого слободского полка по 150 казаков в полной воинской исправности и переменять этих людей через каждые два месяца. Команды эти посылались обыкновенно из казацких подпомощников при одном сотнике или подпрапорном; казаки должны были быть одноконны и удовольствованы провиантом. Казаки, отправляемые в Славяно-Сербию для несения воинской службы, своего прямого назначения там не исполняли, а дробились на мелкие команды и попадали к сербскому дворянству попросту в работники. Они обрабатывали их землю, пахали, сеяли, косили, т.е. делали то, что с большею для себя пользою могли бы делать дома на своем хозяйстве. По прибытии команды на смену, казаки отыскивали по хуторам своих товарищей и сменяли их не со службы, а с работы. У них обыкновенно отбирали оружие, припасы и лошадей; ко всему этому присоединялось еще и жестокое обращение – их били и смотрели на них, как на крепостных. Командирование в Славяно-Сербию было для слобожан более тягостно, чем посылка на Украинскую линию; там было хотя то утешение, что это общественное дело, допустим, бесполезное, но все же имевшее благую цель – защиту их же от татар, а здесь и того не было: казаки принуждены были работать на совершенно чужих для них «братьев славян», которые к тому же обращались с ними совершенно не по-братски. В казаках это возбуждало большое неудовольствие; они жаловались, протестовали, но все это только еще больше ухудшало их положение. Оставалось одно обычное спасение – бегство, к которому они исправное и прибегали, но это спасало только, – и то на время, – отдельные личности, – а не полк, ибо на место убежавших сейчас же требовались новые.

Вот характерный пример того тягостного положения, в котором находились казаки в Славяно-Сербии.

Четыре казака Хорошевской сотни: Горюшин, Олейник, Павлюченко и Шепеленко, придя с командою в Славяно-Сербию, нашли своих товарищей по сотне, которых им нужно было сменить, на хуторе у премьер-майора Селяновича, несущих, по заведенному обычаю, не воинскую службу, а работавших на майора. Товарищи, конечно, рассказали новоприбывшим, что они претерпевали там, что делали и как с ними обращались. У прибывших, как это делалось всегда, отобрали лошадей и оружие, и их заставили работать. Настроенные рассказами о жестокости обращения, казаки убежали, умудрившись захватить с собою свое имущество и лошадей. Майор Селянович, лишившись рабочих, не замедлил обратиться в харьковскую полковую канцелярию с требованием, в котором говорил, что у него «по характеру» (чину, положению) положено было в числе других команд быть и четырем слободским казакам, но что эти четыре казака Хорошевской сотни «безвестно со всем своим экипажем (имуществом) бежали, а (он) по чину своему в том остался в обиде». Сообщая об этом, майор требовал, чтобы полковая канцелярия беглых казаков разыскала, наказала-бы за побег и выслала-бы ему или их, или-же на их место новых. Майор просил канцелярию сделать это скорее, дабы он «не был принужден о том высококомандующий генералитет утруждать».

Но казаки на этот раз совсем убежали, а трое из них – Горюшин, Олейник и Павлюченко приехали прямо в Хорошево, явились к своему сотнику и доложили, что по прибытии в Славяно-Сербию майор Селянович забрал их сейчас-же к себе на хутор и стал заставлять их исполнять свои частные работы – пахать землю, полоть огороды, строить избу и т.п.; во время же своих поездок в Бахмут брал их, вместо своих слуг. Далее казаки говорили, что напоминали майору о том, что они присланы были для охранения границ, а не для того, чтобы работать на него, на что на их протесты никто не обратил внимания, и это послужило только к тому, что положение их сделалось еще хуже – их стали «бить нестерпимо». Такого обращения они не вынесли и поехали в Хорошево для донесения своему начальству, а не в побег, считая себя в праве сделать это так,

как майор не давал им возможности исполнять своего прямого назначения – охранять границы, для чего казаки исключительно и были присылаемы по распоряжению высшего начальства[5].

Вот что переносили казаки из Славяно-Сербии от пришельцев – «братьев-славян», которых правительство облагодетельствовало. После этого не удивительно, что побеги в полку и в царствование Елизаветы Петровны, которая так милостиво относилась к слобожанам, не прекращались. К тому же много было еще и других командировок. Так, в 1758 г., напр., расход людей в полку был следующий: в Польше при магазинах 118 чел., в Торе на форпостах 80, в прикрытии Славяно-Сербии 150; также на форпосте у Барвинковой стенки, в главной команде на карауле, в ординарцах, в Ростовском драгунском полку по части провианта, при конном кирасирском заводе, при полковой канцелярии и в других мелких командировках[6]. Неурядица в полку год за годом делалась все большая и большая; развелись побеги, непослушание. Потеряв всякую самостоятельность, полковые и сотенные старшины перестали входить в нужды своих подчиненных. Всю свою заботу они прилагали к тому, как бы только побольше извлечь выгод лично для себя, почему часто то, что следовало казакам, до них не доходило, а размещалось по карманам их начальников. Сборы, которыми обкладывались полчане на разные нужды полка, распределялись между ними совершенно произвольно, и контроля в расходе этих денег не было никакого. Терпя подобные несправедливости, слобожане видя к тому же со стороны своих старшин полную незаботу о их нуждах, не находя в них к тому же никакой защиты от властей неказацких, естественно потеряли с старшинам всякое уважение. Поэтому жалобы на них сыпались отовсюду, и старшины попадали часто под следствие; но в прежние времена дело выигрывал не тот, кто был прав, а, по большей части, тот, кто умел вовремя уделить что-либо из своих капиталов производящему следствие. Это недовольство полчан своими старшинами доходило просто иногда до кулачной расправы. Так, напр., полковой есаул Макс. Горлинский жаловался в полковую канцелярию, что харьковские и дергачевские жители украли с его поля весь хлеб, вытравили сенокосы и, собравшись большою толпою, явно вырубили его лес до последнего дерева и, не довольствуясь этим, видимо мстя ему за что-то, перепортили в саду плодовые деревья, разнесли огорожи и разграбили его двор[7]. Это уже было явное возмущение, свидетельствовавшее или о страшной распущенности и бесправии, царивших в стране, или же о лопнувшем терпении. А лопнуть оно, кажется, могло, если взять во внимание, что даже сам полковник Куликовский был далеко небезупречен. На него был подан целый ряд доносов и жалоб, вызвавший даже необходимость назначить в г. Харькове следственную комиссию по этому делу, под председательством бригадира Титова (члены – из обер-офицеров). Сотник Константин Протопопов жаловался, что полковник Куликовский удержал жалованье его за поход в Польшу, а с других вычитал по 25 коп. с рубля; что причинял обывателям разные обиды, назначал их на частные работы, что у одного подпрапорного заменил лошадь, стоющую 25 р., девятирублевой[8]. Канцелярист Довбня доносил, что полковник Куликовский, злобясь на него за что-то, посылал его не в очередь в разные командировки; что однажды привели его в дом полковника, били палками и топтали ногами, а после содержали без причины под караулом.

Сотник Семен Антонов жаловался Куликовскому, что подпрапорный Фесенко напал на его дом с казаками и разграбил его имущество; но на его челобитье со стороны полковника не последовало никакой резолюции. Это нам известен уже второй случай нападения и открытого грабительства. Далее, тот же сотник Антонов доносил: во время его отсутствия в дом к нему ворвались три брата Радченко, ранили ножом казака Луценко, а казака волчанской сотни Андрея Скомороха, случайно там находившегося убили, изранив ножом и выпустив кишки. Когда это

5. Хар. ист. арх., отд. I, № 265 (1758 г.)
6. Там-же.
7. П. Головинский. Слоб. коз. пол., гл. VI.
8. Хар. ист. арх., отд. I, № 302.

мертвое тело было привезено в полковую канцелярию, то сотник Антонов, содержавшийся в то время под караулом, узнав об этом происшествии в своем доме, подал полковнику рапорт. Куликовский его не принял, мотивируя свой отказ тем, что Антонов, как некомандовавший в то время сотнею, мешаться в дело не имел права. На самом же деле все это было сделано по проискам сотника Черняка, пасынка Куликовского и родственника убийц, братьев Радченко[9]. С обвиняемых не снимались показания, и дело это бесконечно долго тянулось.

Подал донос на Куликовского и писарь липецкой сотни Петр Непышный. Возгоревшееся дело так характерно рисует порядки на Украйне, так ярко выставляет отношения между собою старшин и казаков и трудность добиться последним какой либо справедливости в отживающий свой век Слободской Украйне, что мы приведем здесь весь ход следствия по этому делу. В доносе своем Непышный взводил на Харьковского полковника следующие немаловажные обвинения: Куликовский принуждал казаков продавать жене своей земли, платя за них, по своему усмотрению, очень небольшие деньги; во время пребывания полка в кампаменте на р. Комышевате открыл там лавку и приказывал казакам своего полка покупать в ней съестные и питейные припасы по произвольно установленной им-же цене, конечно, притом очень высокой, запрещая брать таковые где либо в другом месте. Доносил, что Куликовский, накупив на полковые деньги лошадей, якобы под артиллерию, принуждал после казаков, у которых умышленно и пристрастно браковал лошадей, покупать их по очень высокой цене у себя, наживая, таким образом, большие деньги; писал, что полковник установил, пошлины с товаров на ярмарках в свою пользу, вопреки всем грамотам царским, гарантировавшим казачьи привилегии. Обвинял Непышный Куликовского и в уклонении от исполнения служебных обязанностей, говоря, что он, будучи назначен с полком в прусский поход, не дошел даже до г. Валок, а под вымышленным благовидным предлогом возвратился обратно. Часть же денег, предназначенных на военные расходы, удержал у себя и не выдавал также следуемого казакам жалованья. О последнем в свое время было донесено бригадиру Банческулу, но он не произвел по этому делу никакого следствия и самого доносчика поспешил услать в дальнюю командировку. Наконец, Непышный обвинял Куликовского еще и в том, что он определил в липецкую сотню сотником своего пасынка Черняка, причинявшего казакам всевозможные обиды, державшего прежнего сотника и сотенных старшин при себе для своих личных услуг. Многие казаки той липецкой сотни, не имея возможности сносить далее всех этих притеснений, покидали свои дома и записывались в подданство в других сотнях. Обо всех деяниях Черняка Непышный донес Куликовскому рапортом, думая, что найдет у него защиту, но полковник рапорт этот отдал Черняку, за что он и бил Непышного немилосердно. Потерпев неудачу и не найдя правды у своего полковника, Непышный прибежал к генерал-лейтенанту кн. Кантемиру (начальник Украинской дивизии) с жалобою уже на самого Куликовского, подробно рассказав ему о всех тех беззакониях, которые творятся в полку. Кн. Кантемир приказал исследовать это дело Банческулу, который уже один раз, как мы видели, не пожелал делать неприятное Куликовскому. И на этот раз также Банческул, вместо всякого расследования, отослал Непышного в распоряжение Куликовского, по приказанию которого его страшно избили и посадили под караул. Будучи всячески притесняем во время своего сидения под арестом Непышный, чтобы вырваться на свободу и продолжать свое искание суда над Куликовским, подписал «покорное доношение», где говорилось, что он на полковника доносил якобы неправильно. Конечно, Куликовский управлял полком, подобно отцу своему, очень недобросовестно и во всем этом деле, повторяем, был далеко небезупречен, если вынуждал подобное доношение, не хотел и боялся допустить дело до суда. Когда же оно, однако, туда попало, то всячески от него уклонялся, рапортировался больным и не поехал, например, в Белгород на суд, когда было приказано, «не взирая ни на какие

9 Хар. ист. арх., отд. I, № 315.

отговорки, отправить его» туда[10]. Непышный же, чувствуя, видимо, правоту своего доноса, не побоялся тягаться при тогдашних-то порядках с богатым и потому всесильным полковником.

После своего освобождения Непышный вторично явился к кн. Кантемиру, рассказал, как исполняются его приказы о расследовании дела, и объяснил ему цель поданного извинительного доношения. На этот раз кн. Кантемир поручил произвести следствие в г. Ахтырке одному старшине, но и это его распоряжение не привело ни к чему, ибо в Ахтырку не были отправлены нужные свидетели – сотники, писаря и казаки, почему и самое следствие не могло производиться. Сознавая свое бессилие и принимая, видимо, участие в Непышном, правоту которого он видел, хорошо зная по себе слободские порядки[11], кн. Кантемир отправил Непышного в Петербург для принесения им лично жалобы Правительствующему Сенату, и выдал ему паспорт под тем предлогом, будто-бы Непышный посылается им с «нужными делами». Не велика была, значит, власть командующего войсками, если ему нужно было прибегать к подобным уловкам! Но и в Петербурге ждала Непышного неудача: его там арестовали и из Сената препроводили в Военную Коллегию, которая притом прочла нравоучение кн. Кантемиру, чтобы он на будущее время подобных паспортов не выдавал («нужных дел» при писаре не оказалось) и требовала объяснения, почему он так поступил. Все это случилось в 1761 г.

С того времени дело начало переходить от генерала к генералу, из суда в суд, но нигде не оканчивалось. Прежде всего Военная Коллегия предписала исследовать дело «немедленном времени» (указ от 11 мая 1761 г.) генерал-аншефу Стрешневу, для чего постановлено учредить особую комиссию и, если окажутся доносы справедливыми, «хотя в малом в чем», то Куликовского от командования полком устранить, назначив на его место способного и достойного старшину. Предписывалось притом родственников злополучного писаря не обижать, а относительно земель, которые Куликовский репрессивными мерами покупал у казаков своего полка, приказывалось учинить расследование в Белгородской губернской канцелярии.

Между тем к Непышному, который все время содержался под арестом (Куликовский постарался сделать его положение там очень тягостным, на что писарь приносил жалобу в следственную комиссию), являлся презус этой комиссии, подосланный, видимо, Куликовским, и уговаривал его повидаться с ним, поговорить и подать снова извинительное доношение. Снова Непышный подписывает «покорное доношение», доставляет тем себе благоприятный случай и бежит в Москву (1762 г.), пытаясь еще раз добиться справедливости. Энергичного, но злосчастного писаря всюду преследовала неудача: его там, по приказанию генерал-аншефа гр. Девиера, арестовали и отправили с прапорщиком ландмилиции Кондаковым в следственную комиссию, где посадили под караул, заковав на этот раз в кандалы.

Комиссия, заседавшая в Харькове, разобрав дело, нашла доносы Непышного (и Довбни) неосновательными, а доносителя достойным наказания. Но, имея в виду то, что они уже «претерпели много», решила за лучшее это дело так оставить. С подобным решением не согласились, и дело долго еще тянулось. Попало оно, по указу Военной Коллегии (1763 г. 28 окт.) вместе с другими делами, возникшими по доносам на Куликовского, к генерал-аншефу Олицу, но и им окончено не было.

---

10. Хар. ист. арх., отд. I, № 415.

11. Редко кто из власть имущих на Украйне был в то время безупречен; даже лица, занимавшие такие высокие места, как кн. Кантемир, были сами грешны в том, в чем обвинялся и Куликовский. Князь Константин Антиохиевич Кантемир был отрешен от командования полками Высочайшим приказом (1763 г. 5 марта) (на его место был назначен генерал-майор Пасковчин) за то, что укреплял безнадежно за своею женою земли, назначал казаков на свои личные работы и брал взятки. Из казенных денег, без всякого законного основания, взял он 2121 руб. 26 коп., которых и не возвратил. «Хотя (говорится в указе) за все это и подлежит (Кантемир) военному суду, но мы из единого милосердия за услуги в минувшую войну, а особенно за особую верность шурина его камергера Пасека... (назначили его) в отставку вышешним чином (указ 15 марта 1765 г.)» Кантемир во взводимых на него преступлениях сознался и был уволен от службы, однако, даже с пенсионом в 1500 руб. в год – «по его министерству». Моск. отд. арх. Гл. Шт., оп. 109, № 62.

После появления в Слободской Украйне премьер-майора Щербинина, облеченного Государыней большою властью, оно было передано, в силу указа Военной Коллегии (1764 г. 12 марта), ему. Несчастный писарь Непышный по-прежнему изнывал под арестом, а полковник Куликовский, над которым тяготело столько обвинений, продолжал стоять у власти. Наконец, дело это рассматривалось в генеральном военном суде, заседавшем на Украинской линии, в крепости св. Михаила. Непышного обвиняли в следующем: в бегстве из под караула в Москву, в доносе на Куликовского, юридически сделавшегося ложным, после поданного им извинительного доношения. Обвинялся он также еще в том, что будто писал на полковника разные пасквили, которые и были представлены в суд последним. Непышный не признал на них своей подписи и доказывал, что они подложны. Не удалось ему доказать свой донос и по делу о насильственном приобретении Куликовским земель хоть им и был представлен подробный список, у кого была куплена земля и сколько за нее платилось.

Но если Непышный и не мог доказать того перед судом, то можем теперь легко это сделать мы, приведя здесь сохранившейся в делах рапорт Харьковской полковой канцелярии (от 12 апреля 1765 г.), из которого видно, что «по народным жалобным делам» с «извинившихся» полковника и старшин (в силу указа Правительствующего Сената от 23 марта 1765 г.) было повелено взыскать деньги – «обидной суммы» – 6019 руб. 40 коп., пошлин 607 р. 5. коп. и гербового сбора 8 руб. 28 коп., всего 6634 руб. 73 коп. Это лучшее доказательство справедливости доноса Непышного и виновности Куликовского, признавшего себя виновным. Остается удивляться, как это удалось ему доказать свою «правость» и «винность» доносителей. В том же генеральном суде разбирались также и жалобы других лиц на полковника и на всех причастных этому делу старшин, сообщников Куликовского в его корыстных деяниях: сотников Черняка, Мосцевого и полкового писаря Романовского.

Из донесения Щербинина в Военную Коллегию видно, что в 1766 г. это дело, начатое в 1760 г., не приведено было еще к какому либо окончательному решению. По переформировании слободских полков в регулярные гусарские эти следственные дела (как «некасающиеся до полков и теперь почти партикулярные подлежат более гражданскому суду») переданы были Щербининым в Слободскую губернскую канцелярию, но, не принятые ею, направлены им были снова в Военную Коллегию. Словом это дело в окончательной форме решено нигде не было. В аттестатах, выдаваемых Куликовскому, везде говорится, что на суде «по всем открылась правость (Куликовского), а показанных доносителей и просителей винность». Значит, суд оправдал полковника даже в взводимом на него обвинении в насильственном приобретении земли, в том преступлении, виновным в котором он признал себя сам. Он должен был бы отвечать также за бездействие власти, за дозволение заведомо старшинам притеснять полчан, участвуя даже с ними за одно. Ясно, что полковник Куликовский не мог быть безгрешным. Это можно уже заключить из того упорства, с которым Непышный, пришедший в крайнюю бедность, поддерживал обвинение, и большого числа жалоб и доносов, подданных полчанами на полковника – своего притеснителя. За Куликовским числилось 1400 душ подданных черкас; поэтому он, будучи очень богат, легко мог от всех откупаться, что было в обычае, и редкий судья того времени не был Шемякой.

Куликовский хотя не был наказан по заслугам, но все же это послужило ему помехою при расформировании слободских полков остаться на службе, чего он хотел и писал в своей челобитной. Его даже отставили от службы не в чине полковника, как Боярского и Тевяшева – ахтырского и острогожского полковников, бывших гораздо моложе его по службе, а только подполковником армии, т.е. тем чином, в котором он состоял уже более двадцати лет. И только в 1768 г. ему удалось добиться своего желания – получить чин полковника в отставке, благодаря непонятному старанию Щербинина – он подал рапорт в Военную Коллегию, в котором просил уволить Куликовского в отставку с награждением чином полковника, говоря, что подобную награду он заслужил своею долговременною и «безпорочною» службой, участием во многих

походах, в том числе и в прусском. Покривил в этом случае Щербинин душой, благоволя почему-то к Куликовскому. Он пишет, что полковник доказал на суде свою невиновность, между тем как вышеприведенный рапорт полковой канцелярии о высказанных деньгах за земли поступил, ведь, к нему же; следовательно, он знал о виновности полковника. Щербинин в выданном аттестате говорит об участии Куликовского в прусском походе, в действительности же он в нем не был. Едва ли, чтобы то могло быть ему неизвестно, ибо с 1757 г. прошло тогда еще только десять лет[12].

Таково-то было положение дел в полку Харьковском к концу царствования Императрицы Елизаветы Петровны. Подобное же творилось и в других слободских полках. Снова полчане, не видя иного выхода, согласясь между собой, решили обратиться к Императрице. В составленной просьбе, они объяснили ей «бедственное положение края» и просили о мерах к устранению его[13]. Императрица раз уже исполнила их просьбы, они за то ее благодарили; но отмена реформ прошлого царствования и восстановление прежнего порядка не принесли желаемого результата. В крае настала полная распущенность, непослушание было в порядке вещей, дисциплина отсутствовала; полк пришел, как мы видели, в крайнее расстройство. Существующий порядок вещей был уже не уместен – он приносил с собою только отягощение жителям и вред государству, ибо плохая была надежда на полки, находившиеся в таком печальном состоянии. Страну могло спасти только одно – это коренная реформа всего, и она была уже недалеко. Прошение к Императрицу повезли в Петербург острогожский полковник Тевяшев и сумской полковой писарь Вартановский. В то время дела делались не скоро, да и трудно было к тому-же вдруг придумать эти «меры», долженствовавшие принести с собою водворение порядка и благосостояния жителям.

Три года[14] сидела депутация в Петербурге, терпеливо ожидая решения, и не дождалась – Императрица Елизавета Петровна скончалась, не сделав ничего для удовлетворения просьбы казаков.

12. Мос. отд. арх. Гл. Шт., оп. 109, св. 62, 64 и 67; оп. 92, св. 419.
13. П. Головинский. Слоб. каз. пол., гл. VI.
14. Там же.

Назначение депутации для поздравления Императрицы Екатерины II. – Просьба полковника Острогожского полка Тевяшева о высылке денег. – Подача депутатами прошения. – Предписание секунд-майору Щербинину. – Требование присылки к нему одного из старшин. – Затруднение, встреченное канцелярией, при отправлении старшины в Петербург. – Необходимость реформы. – Высочайший манифест об уничтожении слободского казачества. – Оставление жителями слободского казачества. – Оставление жителям прежних льгот. – Инструкция губернатору Слободской губернии. – Учреждение «экспедиции формирования слободских гусарских полков». – Переформирование казачьих полков в регулярные гусарские. – Введение подушного оклада. – Судьба казацких старшин. – Дворянское депутатское собрание и «вотчинных дел департамент». – Протесты старшин против реформы. – Письма Изюмского полковника Краснокутского. – Атаман Васильковский и его старание об отправлении депутации. – Неудачи. – Дальнейшая судьба его и других старшин. – Волнение среди народа. – Бунты. – Заключение.

По восшествии на престол Императрицы Екатерины II, в виду готовившейся ее коронации, приказано было составить в слободских полках депутацию, для поздравления «по долгу рабства»[1]. Приказание это последовало от высшего начальства, в силу которого каждый полк должен был выбрать по одному «хорошему» старшине. Депутатам, по получении паспортов от кн. Кантемира, нужно было ехать в Москву и явиться к острогожскому полковнику Тевяшеву, все еще сидевшему в столице с писарем сумского полка Вартановским, в ожидании резолюции на поданное от полков прошение. С разрешения ближайшего начальства Тевяшев просил, чтобы все полки выслали ему деньги на необходимые издержки, ибо хлопотал он по общему делу. А так как Харьковский полк на содержание просителей денег еще ни разу не посылал, то ему было предписано принять участие в содержании живших в Петербурге депутатов[2], предназначенной и собранной в полку для приобретения однокалиберных ружей, покупки сабель и других полковых нужд по части снаряжения. Депутатом от полка был назначен сотник Иван Ковалевский, которому вручили на необходимые расходы 230 руб.[3]; сотник этот

1 Хар. ист. арх. Отд. I, № 336.
2. Там-же.
3 Там-же.

конечно, по тогдашним порядкам не преминул поломаться, пытаясь отговориться от поездки «имеющеюся немощью».

Слободская депутация, с полковником Тевяшевым во главе, по окончании коронации, подала Императрице новое прошение, в котором просила ее прекратить «народные изнеможения»[4].

В ответ на эту просьбу последовало повеление Государыни о назначении комиссии, поручаемой лейб-гвардии Измайловского полка секунд-майору Щербинину, которому указом (11 марта 1763 г.) предписывалось тщательно изучить причины, от которых происходили в Слободской Украйне беспорядки.

Для выполнения этой нелегкой задачи Щербинину понадобилось из полков по одному старшине, которые-бы «хорошо знали все порядки полковые» и могли бы выяснить ему причину всего зла. Он обратился к бригадиру Бринку, прося прислать таковых к нему в Петербург. Исполняя эту просьбу, Бринк отдал приказание выбрать в каждом полку одного старшину, удовлетворявшего-бы требованиям Щербинина, и выслать его в Петербург с таким расчетом, чтобы он мог прибыть туда к 1 сентября 1763 г. Харьковской канцелярии предстоял выбор между следующими лицами: обозным Иваном Ковалевским, есаулами Максимом Горлинским и ротмистром Иваном Нестеровым.

Выбор пал на Петровского, которому и было приказано для снабжения его всем явиться в полковую канцелярию[5]. При назначении старшины к отправлению в Петербург обнаружилось во всей своей красе бессилие канцелярии и полковника, а также отсутствие всякой дисциплины в полку. Петровский получив ордер о назначении, в канцелярию не явился, а сказался больным; канцелярия на этот раз не поверила и пыталась оказать некую энергию: она приказала подпрапорному Черноглазову ехать на хутор к Петровскому и, не взирая ни на что, привести в исполнение предписание, т.е. выслать его в Петербург. Подпрапорный донес, что Петровский болен настолько, что даже выйти из хаты не в состоянии. На это последовал вторичный ордер Черноглазову о том-же. Подпрапорный на этот раз уже донес, что он пытался неоднократно исполнить предписание канцелярии, но что Петровский ехать категорически отказался. Тогда канцелярия прибегла к следующей неблаговидной и подкрывающей дисциплину мере: рядовому казаку вручили строжайшую инструкцию доставить Петровского в полковую канцелярию, не взирая ни на какие его отговорки. Приказание это было исполнено, но Петровский и там решительно заявил, что по старости лет и болезни, происходившей от выбитого лошадью ребра, он в командировку не поедет. Его, наконец, оставили в покое, а ордер ехать в Петербург отправили Земборскому. Не явился в канцелярию и этот, рапортуясь больным. И за этим был послан казак. Представленный к канцелярию Земборский стоял на своем; его освидетельствовали и нашли больным.

Вследствие отказа этих двух старшин харьковская канцелярия находилась в большом затруднении, ибо оставались: Ковалевский, Горлинский и Нестеров, но все они находились под следствием, почему она и не решалась их назначить. За разъяснением этого трудного вопроса обратилась к бригадиру Бринку, но тот ответил, что так как комиссия, зная это обстоятельство, все-таки назначили этих старшин к выбору, то он поэтому канцелярии приказывает, не утруждая его напрасною перепискою, точно исполнить предписание начальства. Тогда ордер о назначении ехать в командировку был послан Горлинскому, но и этот поспешил заявить, что ехать не может по расстроенным домашним обстоятельствам и по болезни; его освидетельствовали и также нашли больным. Канцелярия снова обратилась к Бринку, но бригадир сделал строгий выговор заседавшим в ней за нерадение и предписал вторично исполнять указы. В ответ на посланное

4. П. Головинский. Слоб. коз. пол., гл. VI.
5. П. Головинский. Слоб. коз. пол., гл. VI.

предписание Ковалевскому ехать в Петербург, последовал от него рапорт о болезни. Оставался, наконец, один Нестеров, который и был назначен; но так как он себя, вероятно, хуже других не считал, то ехать не согласился и заявил, что болен; освидетельствовали и этого и также нашли больным.

Наконец, полковой канцелярии посчастливилось найти сговорчивого сотника Якова Бородаевского, вручив которому 101 руб., она поспешила отправить его в Петербург[6].

Лучшего доказательства тех беспорядков, которые происходили в полку, не нужно! Можно-ли было правительству оставить существовать Слободскую Украйну при тех жалких условиях, при которых она доживала свой век. Комиссии было не трудно убедиться в том и придти к заключению, что единственною целесообразною реформою, которая-бы могла положить конец сразу всем этим несообразностям, происходящим от смешанного управления воинского с гражданским, может быть только полное уничтожение, которое, по изменившимся политическим условиям, являлось уже излишним, препятствовавшим только развитию гражданственности в стране. В этом духе был составлен отчет Щербинина, и следствием его явился Высочайший Манифест, в котором Императрица говорила, что «полное находя удовольствие в благоденствии подданных», она не могла оставить без внимания того, что творилось в слободских полках, почему и решила собственно для их-же пользы «непрочную» службу слободских казачьих полков превратить «в лучшую и государству полезнейшую». Этим Манифестом казачество уничтожилось совершенно; все жители Слободской Украйны сравнивались с прочими русскими подданными; но «без нарушения указами не отмененных привилегий», что уже являлось немалым утешением[7], ибо, устраняя все, что причиняло слобожанам тягости, Манифест этот оставлял жителям все их прежние льготы: свободное владение землями и всеми угодьями, безоброчное винокурение, особенно приносившее выгоды обывателям, беспошлинная продажа вина, соли и т.п.[8]

Это-же подтверждала и инструкция губернатору Слободской губернии, где ему приказывалось управлять страною, вообще руководствуясь общими постановлениями для Империи, но при условии, если это «не может касаться и повреждать данных и конфирмованных слободским полкам и их жителям привилегий»[9].

Для переформирования прежних казачьих полков в регулярные, учреждена была в Харькове «Экспедиция формирования слободских гусарских полков»[10], председателем ее был назначен тот-же Щербинин, который и начал свою работу, проводя реформу мягко, без лишней крутой ломки. Все слободские полки были переформированы, удержав свои старинные коренные названия. Полк, служащий предметом наших исследований, стал называться «Харьковским полевым гусарским». Так как дальнейшая история Харьковского полка, вошедшего с этого времени в новую фазу своего существования, составит второй том нашего труда, где мы постараемся изложить все те обстоятельства, при которых произошло это переформирование, то здесь мы только скажем еще о судьбе старшин, казаков и других членов прежнего казацкого строя и о том, как отнеслись все они к уничтожению их древних порядков.

Вся прежняя территория слободских полков была преобразована в «Слободскую Украинскую губернию», с губернским городом Харьковом; область каждого полка названа провинциею, а для управления этими провинциями в каждой учреждены были шесть комисарств. Слободской гусарский полк, сформированный в царствование Елизаветы Петровны (1757 г.),

6. П. Головинский. Слоб. каз. полки, гл. VI.
7. Манифест от 28 июля 1765 г. Пол. Соб. Зак., т. XVII, № 12440. Приложение I, стр. 96
8. Квитка. Зап. о слоб. пол., стр. 22.
9. Пол. соб. зак., т. XVII, № 12430.
10. Хар. ист. арх., отд. IV, № 3.

приказано было раскассировать. Все сборы, которыми обложены были слобожане на содержание своих полков, теперь отменялись, а вместо них назначался подушный оклад с казанных войсковых обывателей, в которых обратились прежние казачьи подпомощники и подсоседки, в размере 95 коп. с пользовавшихся правом винокурения и по 85 коп. с непользовавшихся этим правом; с владельческих-же крестьян, что носили прежде название подданных, бралось по 60 коп. с души[11].

Полковым и сотенным старшинам было предложено или продолжать службу в регулярных гусарских полках, или уйти в отставку. Старшины принимались на службу на следующих основаниях: полковники, бывшие в сражениях против неприятеля, принимались в гусары, а также и увольнялись в отставку подполковниками; обозные переходили в премьер-майоры; небывшие в сражениях, чином ниже, в секунд-майоры, этим же чином поступал и полковой судья. Остальные члены полковой старшины – есаулы, хорунжий и ротмистр, бывшие в сражениях принимались – капитанами, небывшие – поручиками; сотники – поручиками и прапорщиками. В статскую службу полковые старшины (кроме полковых обозных) увольнялись титулярными советниками; писаря – секретарями; наконец, подпрапорные, аттестованные на должность сотников, поступали вахмистрами, а остальные – унтер-офицерами и капралами[12].

Щербинин приказал к назначенному числу собраться в Харьков всем казацким старшинам и подпрапорным, которым канцелярии должны были представить списки и аттестации, но на этот смотр не явилось ни единой души[13].

Часть ранговых казаков Харьковского полка попала в гусары, остальные же 386 человек были распущены по домам[14]. Лицам дворянского происхождения предложено было представить доказательство на это достоинство и записаться в книгах дворянского депутатского собрания; кто-же не пожелал, или не мог того сделать, попал в подушный оклад[15].

Был также учрежден «вотчинных дел департамент», в котором утверждались права собственности жителей Слободской Украины на владение некогда занятыми ими землями[16].

Хотя реформа, введенная в полки Щербининым, благодаря его умению и мягкости, прошла довольно благополучно, без особенных осложнений, которых можно было ожидать при коренной замене всего прежнего порядка управления в стране, но все же без некоторого протеста со стороны слобожан не обошлось. Главным образом, реформа могла быть неприятна для полковых старшин, которые, при отсутствии точно определенных сборов на содержание полка и контроля в расходе денег, часто не забывали и себя, пользуясь остатками и другими выгодами, почему и протесты начали исходить от них. Во время подготовительных к реформе работ в Петербурге жил изюмский полковник Краснокутский. Узнав, что слободскому казачеству грозит полное уничтожение, он, печалясь естественно тем написал письма изюмским старшинам, в которых, сообщая им о том, умолял, даже с «употреблением слез»[17], снарядить депутация, которая бы исходатайствовала в Петербурге сохранение прежних порядков, что, по его словам, сделать еще было не поздно. Как приняли старшины эти письма – неизвестно, ибо изюмская полковая канцелярия позднее заявляла, что старшины этих писем не получали вовсе. Но эти письма ходили между жителями в Изюме; известно, что начали было даже собирать деньги на посылку депутатов, определяя нужную для того сумму в 700 руб. Особенно с большим усердием распространялись эти письма обывателями Торяником и Лебединским; переписывал

11. Топограф. опис. Хар. намест., стр. 18.
12. П. Головинский. Слоб. коз. пол., гл. VII.
13. Там-же.
14. Хар. ист. арх., отд. VII, № 1.
15. П. Головинский. Слоб. коз. пол., гл. VII.
16. В.В. Гуров. Сборн. судебн. реш., стр. 153.
17. И. Теличенко. Протест слоб. старшин и казаков против реф. 1765 г. Киев Ст. т. XX, 1888 г., стр. 224–270.

их писарь Гречка и даже посвидетельствовал их, приложив свою руку[18]. Главную же огласку и популярность письма получили в Харьковском полку, проникнув туда следующим путем: некий Двигубский, сотник Изюмского полка, привез их харьковскому полковнику Куликовскому в имение его, в с. Ракитное, но, не застав его дома, отдал их для снятия копий его служителю – Татаринову, который эти злополучные письма передал Данилу Сухомлинову, отставному подпрапорному. Этот последний прочитал письма Краснокутского собравшимся у него гостям – валковскому атаману Ивану Васильковскому, подпрапорному Антону Пащинскому и казакам Шевченко и Луценко. Гости долго толковали о предстоящей реформе, порицали ее и были вообще за то, чтобы послать депутацию. После этого Сухомлинов отдал письма Васильковскому для того, чтобы он, как атаман, объявил их народу. 29 октября (1764 г.) по приказанию Васильковского писарь прочел в ратуше письма, а атаман от себя убеждал собравшихся казаков учинить сбор денег и послать просителей в Петербург, как о том умолял Краснокутский. Казаки, видимо, были не прочь дать денег на это дело, но часто обманываемые своими старшинами, делавшими сборы с корыстною целью, узнав притом, что письма эти присланы не из харьковской полковой канцелярии, не поверили и разошлись, не придя ни к какому решению[19]. Но на этом Васильковский не успокоился. Не найдя сочувствия в сотне он отправился в обществе какого-то Валковского жителя в Харьков, думая там найти у полчан больше любви к своему казачеству; однако и в полковом городе он потерпел неудачу. А так как Васильковский понимал хорошо, что его старание подвинуть казаков на ходатайство не может остаться тайною для властей, то начал опасаться, как бы ему не пришлось поплатиться чем-нибудь в роде заполучения «штрафа на теле», почему и решил эти письма представить при рапорте в полковую канцелярию. Этим он, вероятно, думал показать себя пред русскими властями сторонником реформы и охранителем интересов правительства. Канцелярия получив эти письма, усмотрела во всем том большое преступление. Полетели предписания, чтобы сотники строго смотрели и не допускали в своих сотнях распространять подобные письма; но сотники успокоили канцелярию донесениями, что у них все обстоит благополучно. Возгорелось целое дело, получившее название: «следственное дело о некоем письме для народного объявления». Все лица, так или иначе причастные к этому «некоему письму», были привлечены к ответу. Добрались до Краснокутского, и, несмотря на его объяснения, что письма его не имели цели возмущать народ, Военная Коллегия признала полковника виновным в желании поднять волнение и приговорила его, не делая ему «пристрастных» допросов по старости лет, – по лишении чинов и орденов, наказать плетьми на Украйне. Но имея в виду, что бунта еще не произошло, наказание это отменили, определив, по лишении чинов и орденов, сослать его в г. Казань, через гарнизонную команду. Это было исполнено, но Краснокутский был в скорости возвращен оттуда на родину, благодаря стараниям своей жены, которая лично о том просила Государыню. Все имения Краснокутского были конфискованы, и только часть их была возвращена его жене; сам же он скоро умер.

Военная Коллегия произнесла свой приговор только над изюмским полковником, а наказание прочих лиц, причастных к этому делу, предоставила генералитету, у которого они находились в подчинении. Сухомлинов и Пащинский, признавшие себя виновными только в том, что не предприняли мер для пресечения, были приговорены Бринком (ордер 1 июня 1765 г.), «дабы вперед таких посторонних и сумлительных писем не принимали в действо и по оным не исполняли»[20], к телесному наказанию: Пащинскому дать 25 ударов палками, Сухомлинову 50, Васильковского же приказано было наказать плетьми при полковой канцелярии и, кроме того, разжаловать из атаманства в тот чин, в котором он состоял перед вступлением в эту должность.

18. И. Теличенко. Прот. слоб. старш., Киев. стар., т. XX, 1888 г., стр. 244–270.
19. И. Теличенко. Прот. Слоб. старш., Киев. стар. Т. XX, 1888 г., стр. 244–270.
20. И. Теличенко. Прот. слоб. стар., Киев. стар., т. XX, 1888 г., стр. 244–270.

К наказанию плетьми же были приговорены и изюмские жители: Торяник и Лебединский за разглашение, а писарь Гречка за «рукоприкладство».

Харьковская полковая канцелярия привести в исполнение приговор не могла по получении ордера, ибо никого из осужденных на лицо не оказалось: Пащинский был командирован с командою в Бахмут, Сухомлинов собирал подати, а Васильковский поехал в Киев на богомолье. Об этом донесли Бринку, который заподозрил полковую канцелярию в укрывательстве виновных, так как отпустить их она, собственно, не могла, ибо все они находились под следствием; а Васильковский, кажется, был отпущен даже после получения ордера о его наказании. Все это сильно обозлило Бринка и он приказал разыскать всех трех обвиненных, особенно Васильковского; были расставлены караулы и послана погоня по всем дорогам в Киев. Захватили Васильковского в м. Рублевке Ахтырского полка и повезли в Харьков. По пути около Валок, где было его место жительства, Васильковскому удалось бежать, а караульные продолжали везти дальше слугу его и имущество; но до Харькова не довезли, ибо Васильковский за Люботином сделал на них нападение с переодетыми в серяки людьми, отбил своего слугу и скрылся.

Был-ли Васильковский снова пойман и наказан – неизвестно, но, впоследствии, он подавал прошение, в котором приносил жалобу на решение Бринка[21], несправедливо на него налагавшее взыскание; неизвестно также, что из этого вышло. Является снова Васильковский канцеляристом при «Экспедиции формирования слободских гусарских полков»[22]; в это звание он был определен из подпрапорных, из чего можно заключить, что приговор над ним был исполнен, ибо его сместили с атаманства и определили на службу подпрапорным; нужно думать, что его также высекли – так, как в резолюции Щербинина на поданное Васильковским прошение об отставке говорится, что за представление в канцелярию писем полковника Краснокутского его признали виновным, «а он, Васильковский, показав в том усердие, от несогласных претерпевал между тем бедственное разорение»[23]. Васильковский просился в отставку после того сейчас же, но ему было приказано состоять при экспедиции канцеляристом до окончания формирования полков, а после предоставлялось право или выйти в отставку, или продолжать службу в гусарском полку. По окончании формирования Васильковский подал прошение, где просил уволить его от службы, мотивируя тем, что он болен и неспособен к должности канцеляриста. Щербинин, видимо, довольный поведением Васильковского, просьбу его исполнил и положил уволить его вахмистром, дав ему на этот чин «абшид» (указ об отставке), но Васильковский подал просьбу, где говорил, что, так как он, собственно, в строевой службе не был, ибо в Харьковском полку подпрапорным только числился, то не желает быть увольненным в отставку вахмистром, а просит отставить его от службы статским чином. И эта просьба его Щербининым была уважена: его исключили из службы в чине губернского регистратора, дав ему на это абшид[24].

Кроме этих протестов, исходивших от старшин, были еще таковые и среди остального населения. Указ, вводивший подушную подать, был причиною волнений и негодований слобожан. В некоторых местах Украйны вспыхивали бунты, жители отказывались выбирать раскладчиков новых сборов; но эти беспорядки легко подавлялись с помощью тех же слободских гусар, которым приходилось усмирять, арестовывать и сечь своих отцов и братьев, хотя они это и делали, конечно, будучи к тому принуждаемы. Но все это послужило причиною возникновения вражды между населением и полками, в ряды которых оно должно было поставлять своих членов и, к тому же, содержать их[25].

---

21. И. Теличенко. Прот. слоб. стар., Киев. стар., т. XX, 1888 г., стр. 244–270.
22. Хар. ист. арх., отд. VI, № 5.
23. Там-же.
24. Хар. ист. арх., отд. VI, № 5.
25. И. Теличенко. Протест слоб. стар. Киев. стар., т. XX, 1888 г., стр. 244–270.

Таким образом, слободское казачество, сыграв назначенную ему историческую роль, прекратило свое существование, и вскоре даже память о нем умерла в народе; город же Харьков обратившись из полкового в губернский, пошел быстрыми шагами по пути развития и сделался умственным центром юга России и важным торговым рынком, забыв совершенно, кому он обязан своим возникновением.

Но самый Харьковский (ныне 4-й Уланский Харьковский) полк, несмотря на постоянное обновление в своем составе, твердо знает, почему он называется Харьковским!

ГРАМОТА

7196 (1688) года 21 февраля на имя Харьковского воеводы Семена Дурново

В нынешнем, в 196 году, февраля в 21 день, били челом Нам, Великим Государям, Харьковскаго полку старшина и урядники, и рядовые козаки; по Нашему, Великих Государей, указу и по грамоте из Приказу Великия России, велено на них доправить с Харьковских их мельниц по окладу оброчныя деньги, а в прошлом в 177 году по указу отца Нашего, Великих Государей, блаженныя памяти Великаго Государя и Великаго Князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца, пожалованы они за прежние службы и разорение и за осадное сидение, велено им вместо Нашего, Великих Государей, годового денежнаго жалованья, те их оброки, которые довелись было на них взять со всяких их промыслов по Белгородскому окладу с 173 года, им отдать, и впредь им велено теми промыслами промышлять без оброчно, и они де теми всякими оброчными статьями владели по се число безнадежно и безоброчно; и Нам, Великим Государям, пожаловать бы их, не велеть в Харьков и в Харьковском уезде с оброчных их всяких статей и мельниц и с мельничных заводов на них оброчных денег имать; а велеть бы по прежним Нашим, Великих Государей, жалованным грамотам и по их черкасской обыкности теми промыслы промышлять им безоброчно и безпошлинно, чтоб им было с чего Нашу. Великих Государей, службу служить; а в росписи, какова прислана из разряду о денежных доходах разных городов, что взять довелось против разрядной приходной книги, нынешняго 196 года, написано: с Харьковских мельниц в д. Григорьевой на р. Удах на черкашенине на Данилке Кременецком, на Мак. Верещагине оброку 3 р. с полтиною; с мельниц в с. Архангельском на р. Удах на черк. На Еремке да сыне боярском на Фед. Матюшине оброку 4 руб. с полтиною, с мельниц оброку по 5 руб.; с мельниц на р. Удах на черкашенине на Ал. Жегульке да на Сем. Степанове; с мельниц в с. Алипцах (Липцы) на р. Харьков, на р. Черкашенине на Петр Яковлеве да Анд. Севельев; с мельницы на посаде на р. Лопине на черкашенине на Козьме Иванове да на Ст. Федорове 2 руб. с полтиною; с мельницы на р. Харькове на черк. На Ив. Миргородском 2 руб. с полтиною; с мельниц на р. Харькове на черк. На Мак. Да на Гр. цыпковских 2 руб. полтиною; с четырех мельниц в с. Люботине на колодезе на черк. На Мак. Тимофеев с товарищи 6 руб.; с мельницы оброку по 4 руб.; с мельницы на р. Лопине на черк. На Ив. Прокофьеве.с мельницы в Харьковском уезде на р. Лопине на черк. на Гр. Нурове, с мельницы на р. Харькове на черк. на Данилке Мельике; с мельницы на р. Харьков-ж на черк. на Ев. Чернаго, с мельницы на колодезе Серетнике на черк. Мак. Цыпковском, с мельницы в с. Деркачах на Гришковском колодезе на Дем. Швеце, с мельницы на р. Лопине на черк. на Деем. Прокофьеве, с мельницы в с. Деркачах на р. Харькове на сыне боярском на Ив. Гребенникове, да на черк. на Еф. Мерчикове, с мельницы в с. Пересечном на р. Удах на черк. на Тим. Цыпковском, с мельницы на той же реке на черк. на Еф. Твердохлебове, с мельницы на той же реке на черк. на Маар. Бегиченке, с мельницы на колодезе Круже на черк. на Еф. Тернитноском, с двух мельниц в с. Деркачах на р. Лопине на черк. на Ст. Контемиров с товарищи 3 руб.; с мельницы оброку по рублю: с мельницы на Немишком шинке на черк. на Кл. Серике, с двух мельниц в с. Хорошеве на колодезе на черк. на Тр. Копорим да на Як. Андрееве 2 руб.; с мельницы на р. Удах, пониже Синолицевки за черк. за Пав. Степановым с товарищи; с мельницы а колодезе на Залютине на черк. на Ал. Карском полтине; с мельницы в с. Харькове на р. Удах на черк. на Ром. Богодухове 1 рубль, 8 алтын, 2 деньги; с мельницы в с. Пересечном на р. Удах на харьковском черк. на Ст. Гунне с товарищи 2 руб. с полтиною; с мельницы на харьковском черк. на Тим. Богатом с товарищи 2 руб. с полтиною, с мельницы в с. Тишках на р. Харькове на черк. на Фед.

Церкурском 2 руб. с полтиною; всего с вышеписанных Харьковских с тридцати шести мельниц по окладу оброку 99 руб. 25 алтын. А в нынешнем в 196 году по Нашей, Великих Государей, грамоте, велено тебе с тех вышеписанных оброчные деньги на оброкчиках по окладу на прежний на 195 год взять и прислать к нам, Великим Государям, к Москве в приказе Великие России; и по той Нашей, Великих Государей, грамоте это учинено, о том ты к Нам, Великим Государям, к Москве в приказ Великия России февраля по 21 не писал; а по справке с разными выписками, в прошлом в 177 гожу по указу отца Нашего. Великих Государей, блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца, по Белгородскому окладу 173 года, довелось взять оброчных денег Харьковского, Ахтырского и Сумскаго полков, с городов, с винных и пивных котлов и шинков из доимки, и на 177 год по окладу многое число; и в прошлом 177 отец Наш Великих Государей, блаженные памяти Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержец, слушал докладной выписки, пожаловал Сумскаго и Ахтырскаго полков полковников и их полковых начальных людей и все поспольство за их службы и разорение, что им учинилось от изменников черкас и от крымских и от ногайских татар после измены Ивашки Бруховецкаго за осадное сидение, велели им вместо Нашего, Великих Государей, денежнаго жалования те их оброки, которые довелось с них взять с промыслов их, с котлов и шинков, по Белгородскому окладу 173 году, им отдать и впредь такими же промыслы им тех трех полков в городах промышлять безоброчно. И Мы, Великие Государи, пожаловали Харьковскаго полку старшину и урядников и казаков, по прежнему указу Отца Нашего, Великих Государей, блаженные памяти Великого Государя Царя и Великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца, прошлаго 177 году и по справке с разрядом с тех вышеписанных мельниц оброчных денег имать не указали, а указали Мы, Великие Государи, с тех оброчных мельниц оброк из окладу выложить, и владеть им теми мельницами и всякими промыслы промышлять, и с тех промыслов служить им Наша, Великих Государей, полковая служба в Харьковском полку без жалования; и о том дать им к тебе Нашу, Великих Государей, грамоту с прочетом. И как к тебе ея Наша, Великих Государей, грамота придет, и ты бы учинил о том по сему Нашему, Великих Государей, вышеписанному указу, как писано в сей Нашей, Великих Государей, грамоте выше сего; а прочет сию Нашу, Великих Государей, грамоту и списав с нея список, оставить в Харькове в съезжей избе впредь для иных Наших воевод и приказных людей, а сию Нашу, Великих Государей, грамоту отдать им с роспискою[1].

1. Полное Собрание Законов. Т. II. № 1279.

ГРАМОТА

2 января 7203 (1695) года в Харьков стольнику и воеводе Семену Зурову

От Великих Государей, Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцев, в Харьков стольнику Нашему и воеводе Семену Абрамовичу Зурову. В прошлом во 197 году февраля в 3 день в Нашей, Великих Государей, грамоте в Харьков к стольнику и воеводе Семену Зурову написано: велено Харьковским козакам Степану Дьякову с товарищи оброчными мельницами, которые написаны за ними по белгородскому окладу на оброке, по прежним указам Отца Нашего, Великих Государей, блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца, и брата Нашего, Великих Государей, блаженныя памяти Великаго Государя и Царя и Великаго Князя Феодора Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца, 177–187 годов владеть и всякими промыслы промышлять безоброчно и безпошлинно, вместо Нашего, Великих Государей, годового денежнаго жалования, и с тех мельниц оброчных и промыслов велено им служить Наших, Великих Государей, полковая служба в Харьковском полку без Нашего, Великих Государей, денежнаго жалования; и как к тебе ся Наша, Великих Государей, грамота прибудет, и ты-бы по сему Нашему, Великих Государей, указу Харьковцов Степана Дьякова и со всех того полку с Козаков с мельниц и со всяких их промыслов оброчных денег на прошлые годы и на нынешний 203 по Нашим, Великих Государей, грамотам, каковы присланы из разряду, править не велели и, учиняя по сему Нашему, Великих Государей, указу и прочет сию Нашу, Великих Государей, грамоту и писав себе список, оставить в Харькове в приказной избе для иных воевод и приказных людей, а подлинную сию Нашу, Великих Государей, грамоту отдать челобитчикам с роспискою.

Писана на Москве, лета 7203, генваря во 2 день[2].

2. П. Чижевский. Старозаимочные земли. Харьков, 83 г. 113.

ГРАМОТА
28 февраля 1700 года козакам Харьковского Слободского полка

Божиею Милостию, Мы, Всепресветлейший и Державнейший Государь... (после большого титула)... Наше Царское Величество указали: Белгородского разряду Харьковского Черкасского полку быть в конной службе козакам указному числу осмистам пятидесяти человекам, которые выбраны и написаны из казаков и из мещан в книгах, каковы прислал в разряд из Белгорода боярин Наш и воевода Кн. Як. Фед. Долгоруков с товарищи, генварая 20 числа нынешняго 1700 году, а достальным того полку козакам, на которых были положены деньги, и тем козакам помогать в службе тем конным выборным козакам, а положить на них подмоги, изверстая, смотря по человеку, по их черкасскому обыкновению самим, чтобы те выборные козаки тою их подмогою были коны и оружейны, и в походах запасами удовольствованы, а скудности бы им никакой не было, а денег на них, что было положено в сем году по рублю на человека, не имать, и кроме той валовой полковой конной службы, никуда на городовую службу не посылать и иных тягостей и подвод у них без Нашего, Великаго Государя, Нашего царскаго Величества, указу и без грамот из разряду никому не иметь, и у того полку быть у них по прежнему полковнику, а против их челобитья Мы-же, Великий Государь, Наше Царское Величество, пожаловали того полку стольника Нашего и полковника Федора Григорьевича Донца и его полку старшину и Козаков, велели им против их челобитья промыслами своими, какие у них есть в городах, мельницами и рыбными ловлями и всякими угодьями владеть и всякими промыслами промышлять и шинки держать безоброчно и безпошлинно по их черкасскому обыкновению, по прежним Нашим, Великаго Государя, Нашего царскаго Величества, указам и по жалованным грамотам, каковы им даны из разряду и из приказу Великия России в ратушу, так-же и что в 207 году по Нашему, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества, указу и по Грамоте из разряду-ж Великия России велено в Харьковском полку в городех построить вновь таможенные и кабацкие сборы и отосланы в ратушу: и тем сборам и откупам быть в ратуше по прежнему Нашего Царскаго Величества указу. И о том стольнику и полковнику, и старшине, и козакам дать Нашу, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества, сию милостивую жалованную грамоту, и будучи ему стольнику и полковнику в том полку, и полку его всей старшине и поспольству, которые ныне и впредь в том полку будут, видя к себе Нашу, Великаго Государя, Нашего Царскаго Величества, премногую и превысокую милость и жалование, Нам, Великому Государю Нашему Царскому Величеству, служили верно Ио всем чинили, как в сей Нашей Царскаго Величества жалованной грамоте написано выше сего, и над неприятельскими людьми промыслы и поиски чинили и в городы к боярам Нашим и воеводам про неприятельские замыслы и приходы, разведав доподлинно, всякия ведомости чинили-же, и во всем Нам, Великому Государю, Нашему Царскому Величеству искали лучшаго, и службу свою совершали паче прежняго, а служба их у Нас, Великаго Государя, у Нашего царскаго Величества забвенна не будет.

Писан в Нашем царствующем граде Москве лета от создания мира 7208, а от Рождества Христова 1700 месяца февраля 28 дня, государствия Нашего 18 году[3].

3. Полное Собрание Законов. Т. IV, № 1771.

ГРАМОТА
7 марта 1705 года козакам Харьковскаго Слободскаго полка

От Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца, в Харьков стольнику Нашему и воеводе Вас. Кир. Толстому. В прошлом 704 году по Нашему, Великаго Государя, указу послана к тебе Наша, Великаго Государя, грамота из разряду, велено с Харьковских оброчных мельниц на прошлые годы с 176 по 196 год оброчныя деньги на обротчиках взять с мельниц в селе Архангельском на р. Удах на сыне боярском на Фед. Матюшине, да на черкашенине на Яр. Мельнике по четыре руб. с полтиною на год, да на 186 год донять три руб. двенадцать алтын три деньги, с мельниц по три руб. с полтиною на год; с мельниц в д. Григорьев на р. Удах, да Дан. Кремечуцком с товарищи, с мельниц на р. Харькове на черкашенине на Мак. Верещагине, с мельниц на р. Удах на черкашенине на Ал. Жеглукине на Ем. Степанов, с мельниц в с. Липцах на р. Харькове на Пр. Яковлев на Андр. Савельев, с мельниц на р. Харькове на Кадашевце на Ел. Горбунове по два руб. с полтиною на год, с мельниц на посаде на р. Лопании на черкасех на Кон. Иванове да на Ст. Федорове, с мельниц на р. Харькове на черкашенине на Ив. Миргородце, с мельниц на сыне боярском на Пр. Зайцове, да на 187 год донять рубль восемь алтын две деньги, с мельниц на р. Харькове на черкасех на Мак. Да на Гр. Цепковских, с мельниц в с. Харькове на р. Удах на протопопе Захарье да на черкашенине на Ром. Богодухове, с мельниц в с. Пересеченском на р. Удах на Харьковских черкасех на Ст. Гуле с товарищи, с мельниц на р. Удах на черкасех на Тим. Богатом с товарищи, с мельниц в с. Тишках на р. Харькове на черкашенине на Фед. Церкуновском, со трех мельниц в с. Люботине на колодезе на люботинских черкасех на Мак. Тимофеев с товарищи по шести руб. в год, по рублю с полтиною на год, с мельниц на р. Лепике на черкашенине на Ив. Прокофьев, с мельниц в Харьковском уезде на р. Лепике на черкашенине на Гр. Назарове, с мельнице на р. Харькове на черкашенине на Дан. Мельнице, с мельниц на р. Харькове на черкашенине на Ев. Чернове, с мельниц на колодезе Чертенке на черкашенине на Мак. Цепковском, с мельницы в с. Дергачах на Гришковском колодезе на Даню Швец, с мельниц в с. Пересечном, на р. Удах на черкашенине на Тим. Цепковском, с мельниц на р. Лопине на черкашенине на Дан. Прокофьев; с мельниц на той-же речке на черкашенине на Еф. Твердохлебве, с мельниц на Ольховом колодезе на козаке на Сем. Федышкине; да на 186 год донять двадцать три алтына с мельниц, что по той-же речке на черкашенине на Маар. Бабниченке, с мельниц на колодезе на черкашенине на Ер. Тететницком, с мельниц деревни Церкуна на р. Харькове на сыне боярском на Ив. Гребенникове, да на черкашенине на Ер. Но рченке, с двух мельниц в с. Дергачах, на р. Лопине на ст. Контемирове с товарищи по руб. с полтиною, по рублю на год с мельницы на Камненском колодезе на черк. на Силе Серине, с двух мельниц в с. Хорошеве на колодезе Хорошеве на черк. на Гр. Корчакоже, на Як. Андрееве, по два руб. на год с мельниц на р. Удах пониже с. Сенолицовки за Пав. Степановым с товарищи, с мельниц в д. Жихорове на колодезе Жихоре за детьми боярскими на Сем. Харине да на Фед. Демченке; да на 186 год донять полтину с мельниц на колодезе Зерютине на черкашенине на Маар. Бабичев, с мельниц на р. Удах на устье Рогозянца на Ал. Короткаго оброку по полтине на год, а в нынешнем 705 были челом Нам, Великому Государю, Харьковского полку старшина обозный Степ. Дьяков, да судья Сем. Афанасьев с товарищи: в прошлых-де годах пришли они из разных Заднепровских и малороссийских городов и поселились в Харькове и того полку в городех на татарских займах, куда бывал их бусурманский свободной под украинные городы проход, и построили хутора и мельницы и всякие заводы завели по своей черкасской обычности, и ВТО-де время по указу Отца Нашего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца, велено им в Харькове и Харьковском полку в городех жить и всякие вольности иметь и вместо денежнаго жалования теми заводами, мельницами и хуторами владеть

и всякими промыслы промышлять против их черкасской обычности безоброчно и безпошлинно, а которые-де оброки по Белгородскому окладу прошлаго 173 году на них положено и те оброки на прошлые годы с них сложить и впредь имать не велено и о том даны-де многие жалованныя грамоты, а в прошлом-де 704 и в нынешнем 705 гду присланы Наши, Великаго Государя, грамоты из разряду в Харьков и в иные города к воеводам, велено на них черкасах с мельниц их доправить на прошлые годы, по окладу против прежняго оброчныя деньги и в тех деньгах жен и детей их и работних людей держать-же на правеже и Нам, Великому Государю, пожаловать бы их против прежних Наших Государевых указов и грамот, каковы им даны в прошлых годех, с вышеписнных мельниц оброчных денег имать не велеть; а по справке в разряде, по имянным указам Отца Нашего Государева, блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца, и по жалованным грамотам 175 и 177 годов и брата Нашего Государева, блаженныя-ж памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Федора Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца, 188 год и по Нашим, Великаго Государя указам 196 в 203 в 700 годов с Харьковских мельниц тех оброчных денег на вышеписание годы имать не велели, а велено им теми мельницами и всякими заводы владеть и промыслы промышлять безоброчно и безпошлинно и с тех промыслов служить им Наша, Великаго Государя, полковая служба без жалования и даны о том Наши, Великаго Государя, жалованныя грамоты; и как к тебе сия Наша, Великаго Государя, грамота придет, и ты б по тем Нашим, Великаго Государя, грамотам с Харьковских мельниц, которыя за черкасы и построены на их черкасских землях на вышеписанные прошлые годы доимочных оброчных денег править не велел, и буде в тех деньгах они или люди их сточт на правеже, и их с правежу освободить по сему Нашему, Великаго Государя, указу, а прочет сию Нашу, Великаго Государя, грамоту и списав с нея список, оставить за своею рукою в Харькове в приказной избе, а сию Нашу, Великаго Государя, грамоту отдать им Харьковскому полку старшине обозному и судье с товарищи впредь для иных воевод и приказных людей.

Писано на Москве лети 1705 марта в 7 день, подлинная грамота за приписью руки дьяка Федора Замятина; справа подьячаго Вас. Иванова: пошлина рубль взята У подлинной грамоты Его Царскаго Величества чернаго воску печать[4].

4. Гуров. Сборник судебных решений. Харьков, 84 г., стр. 521–524.

ГРАМОТА
Данная 12 декабря 1708 года козакам Харьковскаго и Изюмскаго Слободских полков

От Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца, бригадиру Нашему Изюмскаго и Харьковскаго полков Феодору Владимировичу Шидловскому и прочей тамошней старшине и козакам. Понеже известно Нам, Великому Государю, о верной вашей и усердной радетельной Нашему Царскому Величеству службе, которую вы и вся полковая старшина, как и на предь сего против бунтовщика Егора Булавина самым действом показали, как в настоящее время против изменника бывшаго гетмана Мазепы и неприятеля Нашего шведа являетесь; того ради Мы, Великий Государь, вас, бригадира и с товарищи и Козаков, за помянутыя верныя ваши и усердныя радетельныя к Нам, Великому Государю, службы через Нашу Царского Величества грамоту милостиво похваляем и повелеваем вам, что бы вы и впредь Нам, Великому Государю, служили со всяким усердием и верностью и против неприятеля Нашего, Короля Шведскаго, так же и изменника Мазепы, не смотря ни на какия его прелестныя письма, чинили воинские промыслы и всякие иные впредь приключили, как до него военные случаи допустили, за что получите от Нас, Великаго Государя, милость и награждение.

Писана в Лебедине, декабря в 12 день 1708 года.

В подлинной грамоте припись Тайнаго Секретаря Шафирева, справил Иван Угрев[5].

5. В.В. Гуров. Сборник судебных решений. Харьков. 84 г., стр. 528

ГРАМОТА
18 сентября 1721 года Харьковскому Полковнику Григорию Семеновичу Квитке

От Великаго Государя и Великаго Князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца, Харьковскаго полку Полковнику Нашему Григорию Семеновичу Квитке. Сего сентября 3 дня в бытность Нашу в Котлине Остров прибежал к Нам куриер от полномочных министров с когрессу из Нейштата с трактатами вечнаго мира, который между Нашими и Шведскими полномочными министрами заключен в 30 день августа, в котором постановлено: что Корона Шведская вечно уступает Нам Лифляндию, Естляндию, Ингрию и знатную часть Карелии с городами Ригою, Ревелем, Нарвою, Перновом, Выборгом и к оному с знатным дистриктом из Финляндии и Кексгольмом, а с Нашей стороны из завоеваннего Швеции возвращается прочее от Княжества Финляндскаго, в том же мирс включен Его Королевское Величество и Речь Посполитая Польская, и с тою всерадостною ведомостью прибыли Мы в Санкт-Петербург сего сентября 4 дня, и того же времени учинено Всевышнему благодарение за прекращение так долговременной войны и заключение так славнаго и пожелаемаго мира при молебном пении; и для объявления о том послан к тебе курьер Наш Афанасий Мелгунов; и как к тебе с Нашею, Великаго Государя, грамотою оный посланный прибудет, и вы б Всеблагому, в Троице Святой славимому Богу, за такое миротворение в пользу верных своих устроившему достодолжное благодарение отправляли празднественное с молебным пением торжество в разныя времена трекратно: – первое в самый тот день, в которой сию Нашу, Великаго Государя, грамоту получишь, и с того получения в знак толь преславной Государственныя радости по молебном пении семидневно обычный при церквах звон, как от дня Святыя Пасхи во всю светлую седмицу бывает. Второе, октября в 22-й день. Третье в предбудущем 1722 году генваря в 28 день с таким же семидневным звоном. И объявив о том полку всяких чинов командующим и прочих чинов людям всенародно в церквах при молебстве и при публичных местах, а о том-же и из Святейшаго Правительствующаго Нашего Синода во все Епархии к Архиереям и при том к кому надлежит Наши, Великаго Государя, указы посланы.

Писана в Санкт-Петербурге нынешняго 1721 года сентября 18 дня[6].

6. Квитка. Записки о слободских полках. Харьков. 1883 г., стр. 13.

ГРАМОТА
Харьковскому Слободскому Козачьему полку
1742 года 22 ноября

Божиею поспешествующею милостью Мы, Елисавет Первая (после большого титула), объявляем через сее понеже Нам, Нашему Императорскому Величеству, довольно известно с какою верностью и ревностью Черкасские слободские полки блаженныя и вечно достойныя памяти деду Нашему, Государю, Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, и дяде Нашему, Государю, Царю и Великому Князю Иоанну Алексеевичу, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержцам, и вседрожайшему Нашему Государю родителю, блаженныя и вечной славы достойныя памяти Императору Петру Великому, служили, которыми их верными постоянными безпорочными и непоколебимыми службами они, предки Наши, весьма были довольны и в таком добром и порядочном состоянии оныи находились, что на них известныя всегда была надежда, и за такия верныя и непоколебимыя их службы милостивыя жалованныя грамоты от предков Наших в 7177, 7192, 7196 и в 1700 годех от Нашего вседорожайшаго Государя родителя, блаженныя и вечныя славы достойныя памяти Императора Петра Великаго, они получили, по которым тех полков полковники, старшина и козаки за упомянутыя их верныя и усердныя службы, вместо годового жалования, пожаловали, и повелено им всякими промыслы промышлять и всякими товарами торговать безпошлинно, тако-же мельницами, рыбными ловли и всякими угодьями владеть и шинки держать в тех их городех, и вино курить, и шинковать безоброчно и с тех промыслов полковую службу служить им без жалования, и в таможнях у них верным головам и целовальникам русским быть не повелено; а отдать те таможни и мосты, и перевозы старшине и козакам и повелено им брать таможенныя пошлины со всех приезжих купцов русских и черкас с продажных их товаров по установленной грамоте без излишества самим, а пошлинныя и откупныя деньги платить в Белгород по прежним окладам, и быть в тех слободских полках в конной службе выборным конным козакам указному числу, а достальным помогать в службе тем конным по их черкасскому обыкновению, что бы оные выборные козаки тою их подмогою были всегда коны и оружейны и в походах запасами удовольствованы; а кроме той воловой полковой конной службы, никуда на годовую службу посылать и иных тягостей налагать тако-ж и подвод у них без указу и без грамот имать не велено-ж; а ныне Нам, Нашему Императорскому Величеству, тех слободских полковники и старшина всеподданнейше били челом, что 732 г. по представлениям покойнаго генерала кн. Алексея Шаховского, который в те слободские полки по указу сестры Нашей, блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны, отправлен был для добраго и основательнаго тех полков рассмотрения и исправления и в противность вышеупомянутых прежних жалованных грамот и тамошних порядков, учрежден выборными из лучших Козаков драгунский полк, и определены в тот полк многие из армейских штаб и обер офицеры, которыми против рангов даны в подмогу в тех-же полках местечка, села и деревни с грунтами из козачьих братьев и свойственников и из подпомощников пожиточные и лучшие люди довольное число, кои принуждены быть в их подданстве, и всякия работы по примеру крестьян несть с немалым отягощением, а действительной козачьей службы лишены; и как оным офицерам, так и драгунам против нерегулярных отменная подмога определена, и те драгуны получают мундир и амуницию из собираемой суммы из Козаков-же и подпомощников с немалою обидою; от чего во всяких делах происходят крайние непорядки, и в полковых канцеляриях в подлежащих по должности исправлениях не малое помешательство, а на место убылых и умерших в том драгунском полку драгун, выбираются слободских-же полков из лучших Козаков, и от того оные слободские полки пришли в несостояние; а на предь-же сего с начала тех полков поселения от неприятельской стороны в диких степях, еще когда никаких крепостей не было, и при всегдашнем от неприятеля опасении они находились, однакож и без регулярнаго учреждения оные полки одними козацкими легкими компаниями чинили всегда,

не щадя живота своего, надлежащие отпоры и поиски и внутрь российских городов неприятеля никогда не допущали, а в легких-же тамо козаках для обережения в пограничных местах всегда требуется необходимая нужду; и при том Нас, Наше Императорское Величество, они Наши верноподданные слободских полков полковники и старшина всенижайше просили, что бы такия введенныя кн. Шаховским новости отрешить и прежния данныя в оные слободские полки жалованныя грамоты вновь Нашего Императорскаго Величества милостивыми жалованными грамотами подтвердить и содержать те полки по прежнему, как при всеблагополучнейшей державе Нашего Императорскаго Величества вседорожайшаго Государя родителя, блаженныя и вечныя славы достойныя памяти императора Петра Великаго, содержаны были; того ради Мы, Наше Императорское Величество, в рассуждении того их всеподданнейшаго к Нам прошения всемилостивейше тех слободских полков Полковников, полковую и сотенную старшину и всех козаков пожаловали, повелели содержать их при прежних их вольностях и на таковом основании, как оные содержаны были Нашего Императорскаго Величества при вседорожайшем Государе родителе, и по силе вышеобъявленных жалованных и в те полки данных 7177, 7192, 7196 и 1700 годов грамот, и тех слободских полков Полковникам, старшине и козакам за их службы вместо годового денежнао жалования, всякими промыслы промышлять и всякими ж товарами торговать безпошлинно; тако-ж мельницами, рыбными ловлями и всякими угодьи владеть, и шинки держать во всех городех, и вино курить и шинковать безоброчно; и из тех промыслов служить им полковую службу по прежнему без жалования, определенных по представлениям онаго покойнаго генерала кн. Шаховского новонабранного драгунского полку офицерам и рядовым, тако-ж тех слободских полков Полковникам, полковой старшине и прочим чинам подпомощников отобрать от них и причислить к сотням с козачьими подсоседки и подпомощники для вспоможения конных, выборных Козаков по прежнему, дабы оные козаки подмогою их были всегда коны и оружейны и в походах запасами удовольствованы, и быть тех конных выборных Козаков из лучших и пожиточных во всех полках пяти тысячам человекам, всегда и во всякой к службе готовности без отменно; и для того помянутой вновь учрежденной слободской драгунский полк раскосовать и рядовых драгун по прежнему написать по полкам в выборные легкие козаки в вышеписанное пяти тысячное число, а которые из них пожелают служить в регулярных полках, тех, по их желанию, не писав в козаки, определить в драгуны; а обер и унтер-офицеров разобрать и определение об них, тако-ж и оружие, амуницию и о прочем учинить Военной Коллегии, а поскольку в котором полку выборным козакам быть, о том росписание и определение учинить тех полков Полковникам и старшине между собою по полкам, по препорции козацких подсоседков и подпомощников, дабы одному пред другим полком ни малейшей обиды и впредь жалобы не произошло; и в которых городах содержатся у них таможенныя на оброке кабацкия, с конских площадок, с мостов и перевозов сборы и отданы им на откуп без перекупки; тем сборам и отныне по силе прежних грамот быть за оными-ж полками по прежнему, и сборныя деньги записать в книги, а откупныя платить в те-ж места, куда прежде платили повсегодно и бездоимочно, а определенные к содержанию на те слободские полки по пунктам воинской комиссии 1731 году, и по указу сестры Нашей, блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны, 1733 годов драгунские три и гарнизонный один полки содержать по прежнему без всяких отмен, и быть тем слободским полкам в ведении по военным делам и произвождении в чины в Военной Коллегии, а судными и розыскными делами по прежнему в Белгороде у Губернатора, однако-ж все суды производить прежде в полковых канцеляриях со взятием пошлин, как о том указом 1734 году велено, а учрежденную Канцелярию Комиссии Слободских полков отныне отставить и впредь оной тамо не быть; еже-ли-же кто тех полковых канцелярий решениями будут не довольны, тем бить челом в белгородской губернии, а оной губернии такия дела брать и рассматривать оныя, тако-ж буде когда и в нерешении дела и в беззаконных волокитах челобитныя будут подаваны, оныя, принимая, чинить безволокитное по указам Нашим решение; а еже-ли какия дела в той губернии

решены будут неправдою, тогда челобитчикам по силе губернаторской 1728 году инструкции бить челом и дела переносить в Юстиц-Коллегию, а на оную коллегию бить челом в Наш Сенат, и о том о всем по докладу Нам от Нашего Сената Мы, Наше Императорское Величество, собственною Нашею рукою подписать соизволили и в все Наши Слободские полки Нашего Исператорскаго Величества всемилостивейшими жалованными грамотами объявить, и сию Нашего Императорскаго Величества всемилостивейшую жалованную грамоту за Нашею Государственною печатью и подписанием Нашего Сената в Харьковской полк Полковнику Степану Тевяшову с старшиною и козаками дать повелели с таким при том всемилостивейшим соизволением, дабы он, полковник, и полку его вся старшина и поспольство которые ныне и впредь в том полку будут, видя к себе Нашего Императорскаго Величества особливо высочайшую к ним милость, Нам и Нашего Императорскаго Величества Наследникам служили верно и над неприятельскими людьми промыслы и поиски чинили со всяким усердством и радением, и в полки и в городы к Нашим Генерал-Губернаторам, Губернаторам, Вице-Губернаторам и воеводам про неприятельские замыслы и приходы, разведав подлинно, ведомости чинили, которая их верная служба у Нас, Нашего Императорскаго Величества, забвена быть не может.

Дана в Санктпетербурге, ноября 22 дня 1743 году; Государствования Нашего втораго году[7].

7. В.В. Гуров. Сборник судебных решений. Харьков. 1884 г., стр. 528–533.

МАНИФЕСТ
Об уничтожении Слободского Казачества
от 28 июля 1765 года

Промышляя во всех случаях о пользе государственной и полное находя удовольствие Наше в благосостоянии подданных, не могли Мы, между прочим, оставить без примечания и Слободские полки. С великим сожалением усмотрели Мы, как чрез разныя оттуда дошедшия нарочно учрежденной по тому комиссии о вскоренившихся там многих неустройствах смешаннаго правления военнаго с гражданским, о тягостном содержании и безполезности тамошней казачьей службы и о притеснениях народу, происходящих от того смешения. Мы, не довольствуясь одним только вредностей сих пресечений, но желая изъявить притом особливо Монаршее Наше к народу тамошнему милосердие спосшествованием совокупно с общею и собственной его пользою, за нужно разсудили прежнюю оных слободских полков непрочную службу превратить, на основании прочих благоустроенных войск Наших, в лучшую и государству полезнейшую; в правлении же гражданском на равном других губерний положении, но без нарушения указами неотмененных привилегий, учредить надлежащий порядок и тем, мледовательно, не токмо утвердить общее всем тамошних жителей благосостояние и покой, но вывесть их сим посредством из прежняго закоснения и дать им способ истинными Нам и Отечеству заслугам приобресть себе равное с другими верноподданными Нашими удовольствие чинами и жалованием, в штатах каждаго от Нас всемилостивейшее определенное. Пространнее изъяснено о всем том в инструкции, по Высочайшей конфирмации Нашей, данной от Сената вновь учрежденной Слободской губернии Губернатору, губернской и провинциальным канцеляриям, из коих первой, т.е., губернской, быть в Харькове, а провинциальным в Ахтырке, в Сумах, в Острогожске и в Изюме; чего ради оную инструкцию для общаго всем известия и обнародовать повелели. В прочем надеемся Мы, что все тамошние военные и гражданские чины, получа способом новым полезнейших учреждений ощутительные знаки Высочайшаго к ним и ко всему народу тамошнему благоволения Нашего, а сей особливо, увидя себя свободным от налогов и тягостей, коим до ныне подвержены были, потщатся соответствовать тому должною благодарностью, по состоянии звания, исполняя верноподданническую должность, так как всех вообще и каждаго особо обязывает долг, присяга, честь и истинное усердие к Нам и Отечеству.

Состоялся 28 июля 1765 года[8].

ЕКАТЕРИНА.

8. Моск. отд. арх. Гл. Шт., оп. 109, № 13 и Полное Соб. Зак. Т. XVII, № 12440.

ПОЛКОВНИКИ
Харьковскаго Слободскаго Казачьяго полка

1. Федор Репко	от ? г. до 1669 г. + (?)
2. Иван Дмитриевич Сирко (Серко) Славный кошевой атаман Запорожский низовых казаков	? 1667 » »? »
3. Григорий Ерофеевич Донец	» 1669 » » 1691 » +
4. Федор Григорьевич Донец	» 1691 » » 1706 » +
5. Федор Владимиров. Шидловский	» 1706 » » 1710 »
6. Лаврентий Иванович Шидловский	» 1710 » » 1711 »
7. Прокофий Васильевич Куликовский	» 1711 » » 1714 »
8. Григорий Семенович Квитка	» 1714 » » 1734 » +
9. Степан Иванович Тевяшев	» 1734 » » 1757 »
10. Матвей Прокофьевич Куликовский	» 1757 » » 1765 »

Ведомость о Слободском Харьковском полку, в каком оный состоянии по присланной от Генерал-Фельдмаршала и Кавалера Лейб-Гвардии Семеновскаго полку Полковника князя Михаила Михайловича Голицына табели 25 июня 728 года людьми и прочими обретается[1]				В полковых селах, которыми по отдаче полковников владеют сотники и подпрапорные	За полковником и старшинами и старшин. Женами и детьми и за проч. того полку служ. в подданстве	За протопопом и за попами и церковн. служ. в подданстве	За волоскими офицерами отданных, по указу, в подданстве	За матырями Харьковскими и Чугуевскими в подданстве	Между полковыми живут в старшин. и козацких во дворах и подвор. служ. и работ., и соседей чсркасы и др. нацый	За великороссийскими помещиками и других слободских полков за старшинами в подданстве	ИТОГО в Харьковском полку
Из Козаков и из пушкарей	Число дворов			–	139	–	–	12	–	75	226
	в них людей	годных		–	220	–	–	24	–	152	396
		негодных		–	332	–	–	29	–	236	597
Из подпомощников	Число дворов			–	10	–	–	–	–	–	10
	в них людей	годных		–	14	–	–	–	–	–	14
		негодных		–	26	–	–	–	–	–	26
Из посполства Слободских и Малороссийских полков	Слободск. полков	Число дворов		–	163	6	54	37	–	19	279
		В них людей		–	638	20	253	103	–	41	1055
	Малоросс. полков	Число дворов		–	7	1	–	–	–	2	10
		В них людей		–	27	1	–	–	–	7	35
	Число дворов			91	6	94	–	–	–	8	199
	Слободск. полков	в них людей	годных	145	8	123	–	–	–	11	287
			негодных	205	9	162	–	–	–	13	389

Из полковых, а из каких чинов не показано	Слободск. полков	Число дворов		–	813		–	83	–	267	1163
		В них людей		–	2674		–	302	–	938	3914
	Малоросс. полков	Число дворов		–	69		–	10	–	22	101
		В них людей		–	207		–	28	–	82	317
	Число дворов			–	293	47	–	–	–	11	351
	Слободск. полков	в них людей	годных	–	394	57	–	–	–	18	469
			негодных	–	481	61	–	–	–	21	563
	Число дворов			–	13		–	–	–	–	13
	Слободск. полков	в них людей	годных	–	12		–	–	–	–	12
			негодных	–	19		–	–	–	–	19
Мытарских церковных и старшинских служителей		число дворов		–		6	–	–	–	7	13
		в них людей		–	32	100	19	27	–	186	364
Служителей и настоящих подданных		число дворов		–	348	14	35	76	–	1474	1947
		в них людей		–	1091	42	120	243	349	5638	7483
ИТОГО		число дворов		91	1861	168	89	218		1885	4312
		в них людей		350	6184	566	392	756	349	7343	15940

1. Моск. От. Ар. Гл. Шт., оп. 25, св. 321. По этой же ведомости во всех пяти «Слободских полках (считалось) дворов 44, 526, в них людей 185, 401 чел.; в том числе военных служителей 28,873; у них детей и свойственников годных 28,022, негодных 62,515, итого 119,410».

ВЕДОМОСТЬ

Какия именно в Харьковском полку сотенныя местечка и села и сколько их числом и каждое от полкового города, а уездныя сотенныя села сверх того и от тех местечек, в которых уездах почитаются, в каком расстоянии верст и сколько в которых ныне состоит Козаков, свойственников и подпомощников, а при них во всяком месте и сотников сколько же находится. Июля ? дня 1762.

Число сотен	Какия именно в Харьковском полку сотенныя местечка и села	Сколько их числом	Каждое от полк. города в каком расстоянии верст	Уездныя сотен. Села и от тех местечек почитаются в колйком же расзстоянии	В оных сколько ныне состоит			При оных во всяком месте сотников сколько находится
					козаков	свойственников	подпомощников	
1	Полковой город Харьков	1	–	–	–	–	–	Сотник Конст. Протопопов
	Первая Харьковская сотня	–	–	–	30	370	558	
2	Вторая Харьковская сотня	–	–	–	33	327	415	Сотник Григорий (?)
	уездное село Даниловка	1	12	–	28	229	200	
3	Местечко Деркачи	1	15	–	–	–	–	Сотник Федор Кветка
	Первая Деркачевская сотня	–	–	–	43	405	135	
4	Вторая Деркачевская сотня	–	–	–	–	–	–	Сотник Яков Кветка
	с. Церкуны	1	20	18	15	182	132	
	с. Лозовое Черкасское	1	12	5	14	109	127	
	с. Лозовое Русское	1	16	10	3	33	29	
5	Золочевская сотня	–	–	–	–	–	–	Сотник Пав. Ковалевский
	м. Золочев	1	36	–	41	571	642	
	к тому м. припис. с. Уды	1	50	14	20	241	246	
6	Ольшанская сотня	–	–	–	–	–	–	Сотник Конст. Ковалевский
	м. Ольшаное	1	27	–	42	500	557	
7	Угольчанская сотня							Сотник Григ. Зеренков
	с. Угольцы	1	40	–	18	177	232	
	Онаго села уез. села Одрынка	1	29	3	12	95	114	
	д. Черемошная	1	43	3	6	45	116	

Число сотен	Какия именно в Харьковском полку сотенныя местечка и села	Сколько их числом	Каждое от полк. города в каком расстоянии верст	Уездныя сотен. Села и от тех местечек почитаются в коликом же разстоянии	В оных сколько ныне состоит			При оных во всяком месте сотников сколько находится
					козаков	свойственников	подпомощников	
8	Валковская сотня	–	–	–	–	–	–	Сотник Иван Бородаевский
	м. Валки	1	49	–	75	641	1271	
9	Перекопская сотня							Сотник Илья Черноглазов
	м. Перекоп	1	50	–	14	124	370	
	уездное село Ковеги	1	47	3	20	172	339	
10	Люботинская сотня	–	–	–	–	–	–	Сотник Гр. Ковалевский
	с. Люботин	1	19	–	24	198	596	
	уездное село Лопань	1	45	45	19	188	146	
11	Соколовская сотня	–	–	–	–	–	–	Сотник Захар Жуков
	м. Соколов	1	30	–	26	336	596	
	уездныя м. Тарановка	1	37	7	20	223	230	
	с. Шубное	1	20	20	6	84	77	
12	Тишковская сотня	–	–	–	–	–	–	Сотник Сем. Турчанинов
	с. Черкасские Тишки	1	25	–	16	174	145	
	уезд. с. Русские Тишки	1	28	3	16	165	136	
	с. Борщевая	1	41	6	14	169	159	
13	Пересечанская сотня	–	–	–	–	–	–	Сотник Сем. Турчанинов
	м. Пересечное	1	18	–	24	307	265	
	уездныя села: Гавриловка	1	16	3	8	159	44	
	Синолицовка	1	13	6	5	140	165	
	Песочин	1	6	10	6	91	77	
14	Липецкая сотня							Сотник Авксентиев
	м. Липцы	1	37	–	31	248	333	
	с. Колупаевка	1	36	1	9	94	64	
15	Салтовская сотня	–	–	–	–	–	–	Сотник Яков Друбицкий
	м. Салтово	1	46	–	21	238	106	
	с. Хотомля	1	44	6	41	297	173	
16	Мартовецкая сотня							Сотник Григ. Черноглазов
	с. Мартовое	1	60	–	30	335	116	

Число сотен	Какия именно в Харьковском полку сотенныя местечка и села	Сколько их числом	Каждое от полк. города в каком расстоянии верст	Уездныя сотен. Села и от тех местечек почитаются в коликом же расзстоянии	В оных сколько нынe состоит			При оных во всяком месте сотников сколько находится
					козаков	свойственников	подпомощников	
17	Волчанская сотня	–	–	–	–	–	–	Сотник Семен Антонов
	м. Волчие	1	60	–	11	113	183	
	К оному местечку приписное м. Нежелоль	1	62	12	13	154	190	
18	Мерефянская сотня	–	–	–	–	–	–	Сотник Григорий Мосцевой
	м. Мерефа	1	25	–	20	153	392	
	К нему приписное село Островерховка	1	25	8	16	153	163	
19	Хорошевская сотня	–	–	–	–	–	–	Сотник Герасим Буцкой
	д. Хорошево	1	19	–	11	95	131	
	к оному уездное село Безлюдовка	1	15	4	21	182	257	
	ИТОГО	38	–	–	832	8609	10628	19*

*. Харьковский исторический архив, отд. 1, № 339.

УДК 94 (477.54)
ББК 63.3(4Укр. - 4Хар.) 46
ISBN 966-8246-22-6

ХАРЬКОВСКИЕ КАЗАКИ
История Харьковского Слободского казачьего полка

Е. Альбовский

Редактор - А.Ф. Парамонов
Набор - И.А. Иващова
Дизайн - О.И. Панченко
Верстка - А.А. Яхно

Подписано к печати 6 ноября 2009г. Формат 84х108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman, Bodoni. Усл. печ. листов 13. Тираж 300 экз.

Харьковский частный музей городской усадьбы
Украина, 61002, Харьков, ул. Мироносицкая, 43, оф. 204.
Тел. (057) 756-79-50
E-mail: paf69@mail.ru
http://ysadba.rider.com.ua

Віддруковано СПДФО Білетченко
(057) 758-35-98

КНИГА 2 ТОМ 1

ХАРЬКОВСКИЙ ЧАСТНЫЙ МУЗЕЙ ГОРОДСКОЙ УСАДЬБЫ